

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Иар ЭЛЬТЕРРУС

БРЕМЯ ИМПЕРАТОРА
СКРЫТОЕ ПРОРОЧЕСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Империя Элиан на грани распада и гибели. Война, восстание, заговор Церкви. Знания и технологии против умения и магии. Все вместе. Все разом. Началось то, к чему готовились добрых двести лет все недовольные императорской властью. Заговорщики готовы активировать Черный портал. Оттуда выйдет что-то настолько страшное, что может погубить весь мир. Надежда только на пятерых юных горных мастеров с семью соратницами из внешнего круга, да древнее пророчество... Но сбудется ли оно? Ведь легенда так туманна, так расплывчата...

- [Иар Эльтеррус](#)
 - [1. Посольство](#)
 - [2. Первые залпы](#)
 - [3. Вторая](#)
 - [4. Охотница](#)
 - [5. Чужие игры](#)
 - [6. Дитя Света](#)
 - [7. Невидимая смерть](#)
 - [8. Черный Клан](#)
 - [9. Дорога без имени](#)
 - [10. Белые корабли](#)
 - [11. Дорогой смерти](#)
 - [12. Бремя императора](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Иар Эльтеррус

Забытое пророчество

*Паутина событий, времен и надежд...
Все сплетает в себе, отвергая попытки
Изменения смысла, лишенья одежд
Горькой сущности боли, надежд и улыбки...
И случается все, обрывается нить,
Нить открытой надежды, сквозь сущность
сомнений.*

*И приходит любовь, не давая нам жить,
Пустотой бесконечных, отрывочных мнений.
И сгорают миры, лишь Творец в пустоте
Создает снова все узелки паутины...
Снова судьбы мешаются в жуткой толпе,
В звуках струн изменяются линии мира.
Вечным сном бесконечно уходят века,
Все меняется, странно и непостижимо.
Разорвет ткань событий чья-то рука,
И по ветру умчатся куски паутины...
...Паутина событий, времен и надежд,
Развевается по ветру наших деяний.
И меняются жизни безгласных невежд.
И обрушится много больших ожиданий...
И о чем впереди вам хотим рассказать,
Лишь попытка связать узелки мирозданий...*

1. Посольство

Высокие скалы вокруг закрывали небо. Издали они казались сумрачными великанами, окружившими город карликов. Многие, впервые оказавшись здесь, замирали в восторге перед изобретательностью природы. Древние горы, очень древние, порой они под влиянием воды и ветра принимали такие формы, что оставалось только диву даваться. Впрочем, выросшие здесь урук-хай привыкли к причудливым скалам, да и не отличались особой любовью к камню. Мастера древнего народа предпочитали работать с металлами, кожей и деревом.

По бокам ворот из скалы выступали два каменных лица, вырезанные настолько талантливо, что казались живыми. Далеко не сразу можно было понять, какого они размера, только подойдя ближе к гигантским, двухсотлоктевым воротам, гость осознавал, что высота лиц – больше шестисот локтей, что они выше знаменитых императорских башен в городах Элиана. Наполненные гневом бородатые лица производили шоковое впечатление, они пугали, заставляли нервно ежиться. И ничуть не походили на орков.

Ничего, впрочем, удивительного. Урук-хай не строили свою столицу, Рурк-Дхалад, они ее просто нашли больше полутора тысяч лет назад во время исследования Вадарских гор, куда их вытеснили победители. Сохранились древние хроники, в которых старейшина разведчиков описывал свои впечатления при виде каменных лиц. Довольно долго орки не решались подойти ближе, будучи уверены, что перед ними изображения чужих богов. Местных богов, с которыми вовсе не хотелось ссориться. Однако вскоре выяснилось, что город мертв уже не одну тысячу лет. Кто его построил? Неизвестно. Возможно, легендарные гномы, сказок о которых среди урук-хай ходило множество. Ничего не сохранилось от неизвестных строителей, только сам город и редкой красоты стенные росписи. Однако на этих росписях не было изображений разумных, одни пейзажи. Лица перед главными воротами оказались единственным исключением.

Рурк-Дхалад выдолбили прямо в окружающих скалах, он поражал воображение размерами и мрачной, тяжелой, ни на что не похожей красотой. Но верхние уровни были лишь слабым подобием

подземных. На тысячи верст тянулись бесконечные коридоры, залы и мастерские. Наверное, все население Оркограда поместились бы в Рурк-Дхаладе, но орки любили простор, мало кому из них нравилось жить в подземельях, сказывалось кочевое прошлое. Зато большинство оружейных производств расположили как раз на подземных уровнях столицы.

Перемещались урук-хай на паровых повозках по тоннелям, протянувшимся подо всеми Вадарскими горами. Карвенцы и до сих пор изумлялись, каким образом краснорожая нелюдь так быстро перебрасывает войска с места на место. Где бы святоши ни высадились, через день-другой врага встречали полки стрелков и егерей. Последних побаивались даже паладины, егера умели воевать в горах, как никто иной.

Стражники на башнях, высящихся над воротами, откровенно скучали. Уже добрых несколько дней никто не приближался к городу по наземной дороге. Да и то, неудобно две недели тащиться по узким горным тропам от побережья, когда паровые повозки за день добираются до любой точки Оркограда, кроме Мрока, естественно, – под океаном никто тоннелей не прокладывал. Однако старейшины каменотесов подумывали о том не первый год. Останавливала одно – стоимость проекта. По поверхности в Рурк-Дхалад обычно приходили только орки из близлежащих небольших селений. Охотники, фермеры, искатели железа, разведчики. И, конечно, солдаты, из частей столичного округа.

Младший клык^[1] Зерк Кривой Нос поморщился и оскалился. Скучно. Очень скучно! Да, охрана главных ворот столицы – великая честь даже для егерей элитного полка Черных Медведей. Нужно очень хорошо проявить себя в боях со святошами, чтобы тебя включили в отряд, ежегодно отправляемый черепом^[2] полка в Рурк-Дхалад. На целый месяц! Многие полки добивались такой же чести и для себя, да не у всех выходило. Только все равно скучно! Хоть бы что-нибудь происходило, так нет же. Стоишь, как дурак, на башне и ни дрехота не делаешь. Слава Создателю Миров, скоро его сменят.

Зерк покосился на Орма, подчиненного ему когтя.^[3] Тот выглядел ничуть не менее уныло, однако не забывал то и дело окидывать внимательным взглядом окрестности. Младший клык одобрительно покивал – молодой еще парнишка, но толковый. Да и драться научился хорошо, во время последней стычки со святошами

лично шестерых на тот свет спровадил, за что и удостоился чести войти в состав отряда стражи.

С трехсотлоктевой высоты открывался вид верст на двадцать вдаль. Вьющаяся между горами дорога, по крайней мере, видна была как на ладони. А подобраться по отвесным скалам мог мало кто, только егеря умели лазать по таким. Поговаривали, правда, что святоши готовят какие-то спецподразделения скалолазов, да только слухи такие ходили издавна, но так и остались слухами.

– Позвольте обратиться, господин младший клык! – заговорил Орм.

– Говори, – повернулся к нему Зерк.

– Разрешите мне в свободное время в город отлучиться.

– Девчонку, что ль, встретил? – прищурился младший клык.

– Ага... – довольно оскалился молодой урук-хай. – Такая цыпочка! Дочка оружейника со Второй Тихой улицы. Мы у него как-то кинжалы покупали, девка мне и глянулась.

– Знаю, – покивал Зерк. – Хороший оружейник. Токо гляди мне, коли обидишь, сам зубы вышибу, не стану ждать пока отец разбираться придет.

– Обижаете, командир! Да чтоб я... Да я...

Ему не дал договорить негромкий треск около главных ворот. Оба стражника сразу насторожились и подошли к парапету башни, уставившись вниз. Там сгустилось туманное облачко, из которого один за другим выходили люди в серо-серебристых плащах. На плечах многих висели черные, белые и даже полупрозрачные шнурки. Оба орка побелели, хорошо зная, символом чего являются эти шнурки. Горные мастера империи! Эти звери вдесятером полк лучших егерей перережут и даже не запыхаются. По любой отвесной скале взберутся. Счастье еще, что Элиан с Оркограпом союзники, не придется воевать с этими кошмарными бойцами, пугающими орков до икоты. Легенды о них ходили настолько страшные, что мало кто рисковал рассказывать. А уж связываться с кем-нибудь из носящих шнурок?!

Стражники настороженно смотрели на горных мастеров и двух эльдаров с туманными масками вместо лиц. Впереди всех стоял высокий воин, держащий в руке традиционный белый жезл

чрезвычайного и полномочного посла. Посольство империи? Прибывшее через магический портал?! Это что же должно было произойти, чтобы элианцы решились на такое нарушение протокола? По договоренности послы обычно высаживались в Тхорге, что на южном побережье, и уже оттуда отправлялись по подземным тоннелям в столицу, местоположение которой орки тщательно скрывали даже от союзников. А получается, что имперские маги прекрасно знают, где находится Рурк-Дхалад... Неприятное известие.

Зерк незаметно нажал кнопку, подающую сигнал тревоги начальнику стражи, черепу знаменитого полка Диких Котов. Оружейники лет десять назад выдумали хитрую штуку, лектичество называется (кусается, зараза, коли за оголенный провод ухватишься!), и в Оркограпе работал телеграф.

– Внимание! – выступив вперед, заговорил на хорошем урук-хее высокий старик с полупрозрачным шнуром мастера-наставника на плече. – Господа стражники, перед вами Храт Сломанный Клык, чрезвычайный и полномочный посол его величества Марана V к Кагалу Старейшин и Хранителю Очага. Прошу известить о нашем визите командиров, дело важное и отлагательств не терпит.

Храт Сломанный Клык? Странно, это ведь орочье имя... Зерк наклонился над парапетом, всматриваясь, и едва не упал вниз от изумления. Сбоку действительно стоял выглядевший невозмутимым молодой урук-хай в таком же, как и на остальных, серо-серебристом плаще, только с регалиями посла, тремя серебряными кистями на правом плече и черным шнурком младшего горного мастера на левом. За его плечами виднелись рукояти двух знаменитых на весь мир элианских призрачных мечей. Орк с черным шнурком?! Орк с картагами?! Это что же на белом-то свете деется?! Портянки старшего клыка Бурха дорхоту под нос! Как?! Как такое могло случиться?

Зерк с восторгом смотрел на сородича, сделавшего невозможное, невероятное. И отчаянно завидовал, хотя прекрасно понимал, сколько труда пришлось приложить, чтобы добиться своего. Он что-то когда-то слышал о клане Сломанный Клык – кажется, они живут в Мроке, единственном городе на острове Рапек. Там так холодно, что только на южном побережье нашлось место для одного города, вся остальная поверхность острова покрыта вечными льдами. Младший клык оглянулся на когти и ухмыльнулся. Тот вообще открыл рот, неверяще

глядя на орка со шнурком горного мастера.

Телеграф запищал, подавая условный сигнал. К воротам бегом направлялась рота егерей с многозарядными карабинами. Зерк опрометью ринулся по лестнице вниз. По счастью, ему удалось перехватить отряд у самых ворот, начальник стражи уже распорядился изготовиться к стрельбе.

– Господин череп, позвольте обратиться! – резко выдохнул младший клык.

– Обращайся.

– Это посол империи с сопровождением! Чрезвычайный и полномочный!

– Вот как? – нахмурился офицер. – Как имперцы здесь оказались?

– Магия! Телепортировались.

– Габтова задница! – в сердцах выругался череп. – Так они знают, где наша столица?

– Выходит, знают... – развел руками Зерк. – Но сам посол... Я глазам не поверил.

– Докладывай, как положено!

– Виноват! Посол – орк! И он горный мастер, господин череп!

– Орк – горный мастер?! – не поверил офицер. – Ты пьян, младший клык? Смотри мне, за пьянство на посту быстро из егерей вылетишь.

– Никак нет, не пьян! – обиженно оскалился Зерк. – Я правду говорю, господин череп!

Тот некоторое время помолчал, с сомнением глядя на стражника, даже принюхался, но никакого подозрительного запаха не уловил. Затем приказал открыть ворота. Древние механизмы и сейчас, спустя полторы тысячи лет, работали безупречно – гигантская стальная плита десятилоктевой толщины медленно поехала вверх, открывая проход. Вскоре взгляду офицера предстало посольство. Убедившись, что подчиненный говорил правду и посол – на самом деле молодой орк, ставший непонятным образом горным мастером, он ошеломленно замер. Высокий старик повторил свою речь.

– Приветствую вас в Рурк-Дхаладе, господа союзники! – опомнился офицер. – Прошу следовать за мной. Я немедленно сообщу Кагалу Старейшин о вашем прибытии, но не могу сказать, когда вас примут.

– Я понимаю, – низко поклонился старик. – Я секретарь посольства Элоиз Кертал ар Тевар, высший горный мастер-наставник.

– Горт Кривой Хвост, – представился удивленный орк, никогда до сих пор не видевший мастеров-наставников. – Череп егерского полка Диких Котов. Простите за вопрос, уважаемый, – господин Храт Сломанный Клык действительно горный мастер?

– Да, – почти незаметно улыбнулся Кертал. – Я был одним из его наставников, чем горжусь. Храт не просто горный мастер, а носитель легендарных алых мечей Ярости. Крылатый носитель.

– Тех самых? – мгновенно охрип офицер.

– Да.

Череп помотал головой, неверяще глядя на мастера-наставника. Потом перевел ошалевший взгляд на спокойного, как дерево, Храта и низко поклонился ему, как кланяются только самим уважаемым старейшинам. Тот кивнул в ответ, хотя еще совсем недавно не поверил бы своим глазам, если бы ему поклонился командир одного из самых прославленных боевых полков Оркограда. Офицер окинул взглядом сопровождающих посла горных мастеров и приподнял верхнюю губу, обнажив клыки. Один почему-то закутался в плащ, скрыв лицо капюшоном.

– Это мой кровный брат, – глухо сказал Храт, уловив заинтересованность черепа. – Его присутствие необходимо. Прошу помнить о дипломатической неприкосновенности!

– Как скажете, уважаемый посол. – Офицер окинул еще одним подозрительным взглядом закутанную в плащ фигуру. – Прошу за мной.

Посольство не спеша двигалось по улицам Рурк-Дхалада. Здесь было на что посмотреть – дома, вырезанные неизвестным способом прямо из скал, высились на десятки этажей. Их формы были самыми разными, человеку в голову бы не пришло, что отполированный до блеска каменный шар или причудливая, перекрученная

геометрическая фигура – на самом деле жилой дом. Здешняя архитектура напоминала архитектуру Замка Воинов или Пирамиды Испытания. Та же холодная, нечеловеческая чуждость.

Наверное, в этом страшноватом городе нужно было вырасти, чтобы полюбить его. Даже Храт чувствовал себя здесь не в своей тарелке, его родной Мрок выглядел совсем иначе, его строили сами урук-хай привычным образом. Куполообразные крыши, дома, походящие издали на шатры кочевого племени. Давным-давно орки позабыли о временах бродяжничества по степям, а вот дома все еще строили по-старому. Однако постепенно новые веяния проникали и в архитектуру, в последние двадцать лет в городах Оркограна начали попадаться здания с пирамидальными крышами, как в империи, или пагоды, как в Даркасадаре.

Храт настороженно поглядывал по сторонам, ожидая нападения. Он пребывал в готовности, в полумедитации, картаги тихо пели в ножнах гимн алой Ярости, ожидая мгновения, когда их носитель сорвется в танец смерти. Император сказал, что все увиденное в черной пирамиде – наваждение, но молодой орк ему не поверил, слишком живо помнил свое изгнание и презрение на лицах старейшин. Неужели все это привиделось? Непохоже. А раз так, его ждет здесь смерть. Император посмеялся над его страхами, и Храт замкнулся в себе, дав слово, что не позволит драгоценным сородичам убить Тинувиэля. На какого дорхота его величеству понадобилось отправлять эльфа вместе с остальными в Оркогран? Непонятно. Здесь ведь каждый готов в клочья порвать «остроухую сволочь»...

Горожане завороженно смотрели на элианско посольство, немногие из них раньше видели людей вблизи. Все казалось в чужаках странным – и отсутствие клыков, и бледная кожа, и мягкие, кошачьи движения. Но особое потрясение вызывал молодой сумрачный орк с регалиями посла и шнурком младшего горного мастера. Урук-хай негромко гудели, переговариваясь и пытаясь понять, из какого он рода и клана, этот герой, совершивший невозможное. Они бы охотно понесли Храта на руках, выражая свое искреннее уважение, но впереди послов шел череп Диких Котов, и никто не решился нарушить порядок – слишком уважали горожане егерей.

Внезапно из толпы выбралась на удивление симпатичная девушка, что отметили даже люди, небольшие клычки совсем не

портили ее. Точеную фигурку подчеркивали полупрозрачные алые шаровары, перетянутые на талии широким синим кушаком, — женщины урук-хай никогда не носили платьев, относясь к ним с величайшим презрением. Орчанки издавна были боевыми подругами своим мужчинам, деля с ними тяготы кочевой жизни. Девушка несла в руках две пары переложенных домашним сыром лепешек. Именно такие вручали возвращающимся с войны героям. Получить их считалось величайшей честью, далеко не каждому, совершившему подвиг, предлагали рхад-роторх — хлеб воина.

Красавица смущенно улыбнулась, показав аккуратные клычки, и вручила первую пару лепешек командиру полка Диких Котов. Череп низко поклонился, с благодарностью принимая подношение. Если бы у девушки была только одна пара, то ее вручение, помимо всего прочего, означало бы еще и предложение любви. Любовь предлагали тому, кто получал последнюю или единственную пару. И эту-то пару красавица, потупив глаза и зардевшись, сунула в руки онемевшему от неожиданности Храту. Молодой орк приоткрыл рот от изумления, взял лепешки и с трудом выдавил из себя положенные по обычаям слова благодарности. Он не знал, куда деваться от смущения, толпа вокруг одобрительно вопила, на него сыпались сотни советов, от которых покраснел бы самый отъявленный развратник. Из-под капюшона плаща шедшего рядом эльфа доносилось ехидное хихиканье. Уши бы оборвать наглой сволочи! Храт не знал, что ему и делать — от дара рхад-роторх не отказываются. Отказаться — это все равно, что прилюдно плюнуть девушке в лицо, обозвав шлюхой.

— Я с благодарностью принимаю твой дар, красивая... — пробурчал Храт, смирившись. — Только я еще не знаю, где меня поселят.

— В посольском квартале, в здании имперского посольства, — поспешил вмешаться череп, глядя на молодую пару с явно заметным одобрением. — Подходи туда вечером, красивая, тебя пропустят, я предупрежу посольскую стражу.

Командиру полка не раз доводилось бывать на месте парня. Первый раз, похоже, вон как смущился, бедняга, весь красный. А ведь сделал невозможное... Надо бы поговорить с ним как-нибудь, интересно, чему его научили в империи. Носитель алых мечей Ярости! Надо же. Древняя сказка оказалась правдой. Увидеть бы их своими глазами. В руки, понятно, никто, кроме владельца, картаги

взять не рискнет: сгоришь ни за гмырхову душу. Но посмотреть очень хочется, до дрожи.

Череп, оказавшись в безвыходной ситуации, не раз мечтал о чуде. Только вот чуда ни разу не случалось, своими силами выкарабкивался. Зато теперь вот случилось. Трудно поверить, но молодой орк со шнурком младшего горного мастера – вот он! Живое свидетельство тому, что можно достичь невозможного. Достиг ведь этот парнишка? Значит, и другие смогут. Храт Сломанный Клык станет примером множеству юных урук-хай. Давно пора сходить с империей ближе, тем более, что элианцы издавна демонстрируют искреннее дружелюбие, не раз приходили на помощь в тяжелые моменты. Вспомнить хотя бы голод десять лет назад. Прислали ведь множество кораблей с продовольствием, сказав: «Расплатитесь когда сможете...» Понятно, что Кагал Старейшин постарался расплатиться как можно быстрее, не любили орки быть в долгу, но запомнили помощь, о которой не просили. И оценили. Люди, ничтожные люди, сами узнали о беде народа урук-хай и помогли. Конечно, помог император с Советом старших мастеров, а не народ Элиана, но все-таки.

Командир полка снова покосился на девушку, лукаво и многообещающе поглядывающую на Храта, и незаметно усмехнулся. Малышка умница, что решилась. Кто она, интересно? Кажется, младшая дочь старейшины Громха Пьяного Пса. Красивая девочка, ничего не скажешь... Может, сумеет стать для молодого горного мастера чем-то большим, чем просто случайной подругой. Видно же, что он считает своим домом скорее империю, чем Оркограп, а это не очень хорошо. К тому же, парень явно чего-то боится. Наготове. Не дай Создатель Миров чего не так сказать, сорвется в вихрь смерти, как горные мастера любят называть бой мечей. И справиться с ним будет ой как непросто...

Посольство двинулось дальше. Девушка на прощание чмокнула Храта в щеку, от чего он совсем уж смущился, и убежала. Эльф отпускал соленые шуточки, от которых орк готов был на стену лезть. По прибытии в посольский квартал он собирался настучать принцу по шее. Зараза ушастая! Откуда в нем столько ехидства? От Санти заразился, никак... Так рыжий молчит. Храт не понимал, что Тинувиэль отвлекает его от мрачных мыслей. Орк после выхода из пирамиды мраченел с каждым днем, считая себя изгоем. Ему слишком тяжело дался сделанный выбор.

Урук-хай вокруг стояли молча, многие кланялись Храту, но он не замечал этого, погрузившись в невеселые мысли. Снова перед глазами стоял объявивший его изгоем Хранитель Очага. А ведь вскоре молодой орк предстанет перед Кагалом Старейшин. Как они встретят изгоя? Пусть даже в ранге посла, но все равно – изгоя. Храт нервно поежился. Эльф бросил на него встревоженный взгляд и принял злую вышучивать друга. Настолько зло, что тот сразу забыл о своих страхах, пылая праведным гневом и жаждой надрать шутнику уши.

Одна улица сменялась другой. Причудливые формы домов давно перестали удивлять, не было, наверное, во всем Рурк-Дхаладе двух одинаковых зданий, каждое имело какую-то свою изюминку. Но ближе к центру города и башне Кагала Старейшин дома постепенно принимали все более привычный, традиционный вид. Орков вокруг не становилось меньше – наоборот, слух об урук-хай, ставшем горным мастером, несся по столице, привлекая новых зевак. А уж дети вообще сходили с ума. Мальчишки и девчонки с восторгом смотрели Храта с крыш и кричали: «Слава!». Молодой орк еще не знал, что одним своим появлением с черным шнурком на плече заслужил именную надпись на Стене Героев, на которую заносили имена лучших из лучших.

– Это здание посольства, господин посол, – повернулся к Храту череп, показав на башнеподобное, круглое здание, окруженное высокой оградой в два человеческих роста. – Нам запрещено заходить туда без приглашения.

– Благодарю! – поклонился молодой орк. – Вы оказали мне честь, сопроводив сюда. Я с детства наслышан о подвигах Диких Котов и их легендарного командира.

– Пустяки, – улыбнулся офицер. – Я бы хотел как-нибудь поговорить с вами.

– Почему бы и нет? – тоже улыбнулся Храт. – Только не могу сказать, когда. Не знаю еще, что ответит Кагал Старейшин. Возможно, встретимся завтра вечером, если, конечно, не придется срочно отправляться обратно. Большая война началась.

– Война? – Череп прищурился. – Невеселое известие. Что ж, будем делать, что должно. А вы, если освободитесь, приходите в таверну «Три тролля», она недалеко от наших казарм, любой

покажет. Я там обычно вечерами бываю. Завтра точно буду.

– Хорошо, – снова поклонился Храт. – Пусть ваша дорога окажется ровной!

– И вам того же.

Кертал постучал в ворота. Прошло несколько минут, прежде чем калитка в воротах приоткрылась и оттуда выглянуло заспанное лицо стражника. Увидев перед собой мастера-наставника боевого братства и двух эльдаров, бедняга замер на месте, растерянно хлопая глазами.

– Сообщите господину послу о прибытии его коллеги, – холодно приказал старый мастер, с брезгливостью глядя на неряшливого стражника – распустились тут без присмотра, придется заняться, навести порядок.

– Ага… – едва выдавил тот. – Щас…

И тут же исчез. Храт с Керталом вошли в калитку. Ничего необычного, двор как двор, только мостовая слишком уж ровная. Зато само здание посольства выглядело непривычно – цилиндрическая невысокая башня из темного камня, кажется гранита, увенчанная тремя шпилями разной высоты. Вскоре круглая входная дверь распахнулась, и наружу выбежал высокий лорд Морен ар Архан, постоянный посол Элианской империи в Оркограпе. Это был полноватый человек небольшого роста с сильной проседью в волосах, в роскошном шелковом костюме. За ним следовала целая туча народу – секретари, охранники, даже повара, кажется.

– Здравствуйте, ваша светлость! – поклонились новоприбывшие.

Лорд поклонился в ответ, окинув их заинтересованным взглядом. Случилось что-то серьезное, раз император прислал посла, облеченного чрезвычайными полномочиями. Когда он понял, что послом является орк со шнурком горного мастера, то запнулся, даже глаза протер… Однако урук-хай сопровождали мастера-наставники и эльдары, а значит, ошибки не было.

– Приветствую уважаемого коллегу… – растерянно пролепетал лорд, продолжая с недоумением смотреть на Храта.

Орк снова поклонился.

– Пройдемте внутрь, – прервал расшаркивания Кертал. – До встречи с Кагалом Старейшин и Хранителем Очага нам необходимо

проконсультироваться с вами, ваша светлость. Надеюсь, вы знаете, кто из старейшин чем дышит?

– Конечно, знаю, – кивнул посол. – На то меня и посыпал сюда его величество. А что случилось-то?

– Война. Карвен, Нартагаль и Даркасадар объединили силы и напали.

– Ясно, – помрачнел посол. – Справиться с ними будет непросто, насколько я понимаю?

– Увы, – развел руками старый мастер.

Внутри башня была обставлена привычной имперской мебелью. Интерьер явно создавал человек с великолепным вкусом, все подходило по цвету и форме – уверенное в себе богатство, к которому привыкли за бесконечное число поколений. Высокий лорд ар Архан уже десятый год был послом империи в Оркогrage и больше жил в Рурк-Дхаладе, чем дома, поэтому обустроил свое жилище со всем возможным удобством.

Посол проводил Кертала и побратимов в свой кабинет, оказавшийся большой, приятного вида комнатой, все стены которой занимали стеллажи с книгами. Были и удобные кресла, и шкафы со спиртными напитками, и шахматный столик... Явно убежище заядлого книжника и жизнерадостного.

– Итак, господа, я слушаю вас, – негромко сказал посол после того, как все расселись.

Гости откинули капюшоны плащей. Глаза лорда слегка расширились при виде эльфа. Но, решив, наверное, не обращать внимания на странности, он промолчал.

– Его величество поручил нам обратиться к Хранителю Очага за помощью. – Храт помрачнел. – Если урук-хай вступят в войну на нашей стороне, то отразить нападение на север империи станет проще. Есть еще несколько причин, но я не имею права говорить о них, извините.

– Вы думаете, Кагал согласится? – Лорд прищурился, наливая всем вина. – Слишком много фракций там, кланы тянут одеяло каждый в свою сторону, особенно в последнее время.

– Посмотрим. – Кертал пожал плечами, о чем-то напряженно

размышляя. – Пока рано говорить. Прошу только описать самые крупные фракции Кагала и кого они лоббируют.

Посол приступил к рассказу. Двумя самыми сильными группировками в Кагале Старейшин были представители кланов Волчьего Когтя и Черного Ветра. Все остальные примыкали то к одному, то к другому. Если Волчий Коготь по какому-то поводу говорил «да», то Черный Ветер тут же отвечал «нет». И наоборот. Интересы кланов постоянно менялись. Все, как у людей. Но в одном орки от людей все же отличались: как ни грызлись между собой старейшины, они никогда не ставили свои интересы выше интересов страны, сразу забывая все распри, если дело касалось чего-то важного для всего народа. К тому же окончательное решение все равно оставалось за Хранителем Очага, которого старейшины избирали из своей среды сроком на десять лет. Дважды этот пост не занимал никто и никогда. Задачей Хранителя Очага было следить, чтобы споры и разногласия кланов не нанесли вреда стране – когда-то орки на этом сильно обожглись и запомнили отрицательный опыт.

Говорили долго. Многое требовалось обсудить перед аудиенцией у Хранителя Очага. Храт был откровенно удивлен, он и не подозревал о вражде кланов и их интригах. Всегда воспринимал Кагал Старейшин как единое целое, а они, оказывается, вовсе не едины. Неприятно. Только теперь Храт понял, какую волну поднял, высказавшись на военном совете. Вот ведь дурак, нет, чтобы молчать себе, вылез... Теперь только и остается есть большой ложкой собственноручно заваренную кашу. Кушай дорогой, пока не подавишься! Посол, надо же!.. Да из него посол, как из гмырха танцовщица! Едва девятнадцать исполнилось, опыта никакого. Император с эльдарами обучали учеников анализу происходящего и выбору оптимальных решений, но реального опыта это не заменяет. Хоть ты тресни, не заменяет! Слава Создателю Миров, что с ними мастер Кертал, если бы не он – было бы совсем тошно.

Когда совещание закончилось, Храт с радостью завалился спать, так как ночью, скорее всего, этого сделать не удастся. Красавица не даст. Вообще-то говоря, он был ничуть не против, совсем даже наоборот, только слишком уж неожиданно все вышло. Раньше такая девушка и близко не подошла бы к ничего не значащему юнцу, а если бы он попытался ухаживать, только презрительно фыркнула бы. Снились молодому орку всякие непотребства, о которых он никому и никогда не решился бы рассказать.

– Эй, хватит спать! – разбудила его выплеснутая на лицо кружка ледяной воды.

Храт с воплем распахнул глаза. Над ним стоял гнусно хихикающий Тинувиэль.

– Убью паскуду остроухую! – взревел орк, подхватываясь с кровати.

Отловив обнаглевшего эльфа, он принялся награждать шутника подзатыльниками, менторским тоном рассказывая ему о том, что нельзя будить усталых орков посредством ледяной воды, что за это кое-кто может и без длинных ушей остаться, а то и по сопатке схлопотать. Принц уворачивался, продолжая посмеиваться.

– Тебя там девушка красивая дожидается, а ты, дурень, дрыхнешь, – соизволил, наконец, сказать он, легко выскользывая из захвата.

– Так чего ж ты сразу не сказал, зараза?! – снова взревел Храт, кидаясь к зеркалу и лихорадочно пытаясь хоть как-то привести себя в порядок.

Эльф комментировал его безуспешные попытки таким образом, что орк рычал от возмущения. Достал! Ну, достал же! И откуда в нем сегодня столько ехидства? Съел что-нибудь не то, что ли?

В дверь постучали. Храт вскинулся, но едва успел развернуться, как в комнату вошел камердинер в ливрее цветов дома ар Архан. Низко поклонившись, он сказал на плохом урук-хее:

– Прошу вас, уважаемая госпожа.

В дверь проскользнула давешняя девушка. Красавица явно не теряла времени зря и выглядела еще обольстительнее, чем днем – орк едва не задохнулся. Полупрозрачные шаровары не скрывали, а скорее, подчеркивали линии идеальной фигуры. Широкие бедра, тонкая талия и полная грудь... Юная орка была редкостно хороша собой, что отметил даже эльф. Он и сам бы не отказался провести с ней ночь – небольшие клычки скорее возбуждали, чем вызывали отвращение.

– Здравствуйте, господин Храт, – смущенно прошептала девушка, стреляя, однако, лукавыми черными глазами по сторонам. – Благодарю, что приняли мой дар...

– Здравствуй, красавая... – проворчал орк, все еще пытаясь пригладить торчащие во все стороны волосы. – Это мне тебя благодарить нужно. Как тебя зовут? Меня – Храт из клана Сломанный Клык.

– Я знаю, – улыбнулась она. – А меня зовут Санна. Я из клана Пьяный Пес.

– Очень рад. – Храт показал клыки, демонстрируя дружелюбие.

– А я Тинувиэль! – вылез эльф. – Кровный брат этого вот хмыря здоровенного.

– Ты еще здесь, зараза ушастая?! – покосился на него орк.

– Ой, я так ревную, ты такой неверный... – томным голоском пропел принц, закатывая глаза. – И на кого ты меня променял, любимый?

– Чего? – растерялся Храт, не поняв поначалу, что имеет в виду эльф. А когда понял...

Бедный орк сперва побагровел, потом позеленел, потом побелел. Он представил, что может подумать бедная девушка, и ему стало плохо. А если еще и слухи пойдут...

– Убью гада! – от бешеного рева задрожали стекла, а виновник, нагло хихикая, выскоцил в дверь, оставив разъяренного урук-хай с носом.

Храт едва сумел остановиться, чтобы не врезаться лбом в стену. Такого испепеляющего гнева он не испытывал еще никогда. Нет, придется с этим ушастым шутником поговорить по душам. Отловить и поговорить. Нужно хоть немного совести иметь! Знает же, как относятся к такому среди орков. Есть вещи, над которыми шутить нельзя.

– Какой странный человек... – удивленно сказала девушка. – Отец с людьми торгует, я их немало повидала. Но с такими ушами еще никого...

Она не поняла! Слава тебе, Создатель Миров, она не поняла шуточки обнаглевшей заразы!

– Разве ж это человек? – раздраженно проворчал Храт. – Эльф это. Редкая скотина, между прочим.

– Эльф?! – потрясению Саны не было предела, орочка уселась на кровать и уставилась на горного мастера широко распахнутыми глазами. – Остроухий убийца? В Рурк-Дхаладе?! Ой, мамочка...

– Да какой из этого барда недоделанного убийца? – поморщился орк, в который раз прокляв себя за глупость – и кто его за язык тянул-то? – Так, мелкий пакостник. Брат мой кровный.

– Правда? – не поверила девушка, слишком страшными чудовищами были показаны эльфы в орочных легендах.

– А они нас убийцами детей считают, – понял ее сомнения Храт, немного успокоившись. – Если разобраться, на войне все хороши. Тини рассказывал мне их сказки об урук-хай, жуть просто. Мы, когда познакомились, тоже друг друга убить хотели. Потом вместе учились, вместе дрались, вместе рисковали. Братьями кровными стали. Обоих...

Он, замолчав, сообразил, что едва не проговорился о том, что изгнан. Как и эльф.

– Наверное, вы правы... – задумчиво сказала Саня.

– Ты бы услышала, красивая, как он поет, – вздохнул орк. – Меня даже на слезы пробивает. Вот ведь наградил Создатель голосищем! Мороз по шкуре. Кстати, называй меня на «ты», я не старше тебя. Девятнадцать всего.

– И уже горный мастер?! – восхищенно распахнулись глаза девушки.

– Младший, – поправил Храт. – До старшего пока далеко, нужно еще ученика воспитать. Мне и черный шнурок нелегко дался... Врагу такой дрессировки не пожелаю. Нам, оркам, труднее все эти финты освоить, особенно растяжку.

– Растяжку?

Храт медленно поднял ногу вертикально вверх. Затем нанес несколько невидимых глазу ударов в воздух. Саня восторженно взвизгнула, глядя на молодого горного мастера с обожанием.

– Никогда не думала, что можно так ногу задрать...

– Это еще мелочи, – проворчал Храт, довольный произведенным впечатлением.

Сана встала и подошла к нему. Ее глаза блестели, дыхание участилось. Орк все понял правильно и обнял девушку, осторожно прижав к себе, хотя не особо представлял, что делать дальше – его еще никогда не одаривали своим вниманием женщины. Дома младшего сына старейшины считали бесполезным гмырхом, юные орочки даже не смотрели в его сторону. В Тарсидаре человеческие женщины просто боялись орка, в отличие от Тинувиэля. Сегодняшняя ночь станет для него первой ночью любви.

Храт зря нервничал, Сана взяла дело в свои крепкие ручки, имея, видимо, достаточный опыт. Да и чему удивляться? Разве останется без внимания мужчин такая красивая девушка? Нет, конечно. А ведь совсем юна, рхад-роторх практикуют девушки до двадцати, после двадцати они обычно выходят замуж. Вскоре Храт забыл обо всем...

Высокие, похожие на колодцы туннели сменялись огромными залами, своды которых поддерживали витые колонны в два-три обхвата. На стенах горели внутренним светом росписи, оставленных неизвестными строителями. Орки не решились трогать такую красоту, только добавили на пустых местах резьбу – лица, напоминающие кошмарные маски.

Посольство не спеша двигалось к родовому залу Рурк-Дхалада, где его в полном составе дожидался Кагал Старейшин, возглавляемый Хранителем Очага. Храт гордо шествовал впереди, облаченный в серо-серебристый плащ со всеми регалиями имперского посла.

Странно, но неуверенность куда-то подевалась. Спасибо Сане, о которой орк вспоминал с нежностью. Не девочка, а чудо просто. Еще одно обрадовало: утром красавица смущенно спросила, не желает ли уважаемый герой, чтобы она стала ему подругой на какое-то время? Герой желал, да еще как! Он, похоже, влюбился и был этим крайне доволен. Но главное, что Храт больше не боялся идти навстречу своей судьбе. Он сам выбрал. Сам. Никто больше. И если бы пришлось выбирать снова, то его выбор оказался бы тем же самым.

У входа в родовой зал посольство на некоторое время задержали. Храт переглянулся с Керталом, затем покосился на друзей. Элианцы понимали, что сейчас их берут на прицел десятки стрелков. К своей безопасности урук-хай относились очень серьезно, тем более что в

Оркограве боялись горных мастеров до дрожи в коленках. Придется вести себя очень осторожно, чтобы не спровоцировать охрану – против нескольких десятков карабинов и горные мастера бессильны: перестреляют издали, как куропаток.

– Чрезвычайный и полномочный посол его величества императора Элиана, Марана V, господин Храт из клана Сломанный Клык со свитой, к Кагалу Старейшин и Хранителю Очага! – громко объявил невидимый распорядитель церемоний, и перекрывающие вход егеря расступились.

Посол поежился и решительно шагнул вперед, сопровождаемый уважительными и даже порой восхищенными взглядами егерей. Со стороны он выглядел внушительно – молодой, сумрачный орк в серо-серебристом плаще, украшенном алмазным шитьем. На его правом плече висели три кисти, обозначающие посольский ранг, на левом – черный шнурок младшего горного мастера. Из-за плеч виднелись рукояти картагов. От Храта не потребовали оставить оружие, урукхай знали, что горные мастера не расстаются со своими мечами. За послом следовали его кровные братья и мастер-наставник Кертал, последними шли четверо старших мастеров-ветеранов с белыми шнурками.

Храту при виде Кагала Старейшин и трона Хранителя Очага стало не по себе. Дважды в жизни ему довелось бывать в рурк-дхаладском родовом зале. В детстве, вместе с отцом. И две недели назад, во время испытания. Хранителя Очага молодой орк тоже узнал – трудно не узнать того, кто изгнал тебя. Значит, не наваждение... Он едва не сбился с шага, но заставил себя выглядеть невозмутимым.

– От имени его величества Марана V я приветствую Кагал Старейшин и Хранителя Очага! – заговорил Храт, глядя в пространство перед собой. – Да будет наш союз вечным!

– Приветствуем в вашем лице его величество и всю элианскую империю, господин посол! – встал, опираясь на посох, Хранитель очага, очень старый, но еще крепкий орк со сморщенным темно-красным лицом, поросшим жесткими черными волосами. – Да будет наш союз вечным!

Краем глаза Храт заметил сидящего на одной из скамей отца и едва не упал от изумления. Его избрали в Кагал?! Когда? Глаза старейшины клана Сломанный Клык светились гордостью.

Гордостью за сына, молодой орк понял это сразу. Странное что-то происходит... Хорошо, пусть отца изгоя, что само по себе невероятно, избрали в Кагал. Чудо? Да. Но, наверное, чудо, возможное при каком-то редкостном стечении обстоятельств. Но с какой стати ему гордиться таким сыном? Вот что непонятно. Растерянный Храт повел глазами по скамьям, на которых с удобством расположились сто двадцать старейшин самых крупных кланов Оркограра. Все они смотрели на молодого орка с явно заметным одобрением.

– С какой целью его величество прислал чрезвычайного и полномочного посла? – спросил Хранитель Очага, сверля Храта взглядом маленьких желтых глазок.

– Карвен, Нартагаль и Даркасадар без объявления войны напали на империю, первые морские бои уже идут, десанты альянса готовятся к высадке. К сожалению, пока еще неизвестно, где они высадятся, но Манхен будет атакован однозначно. Также вполне вероятно нападение на Яриндарский полуостров, находящийся неподалеку от Оркограра. Империя Элиан обращается за помощью к союзникам!

Старейшины негромко загудели. Известие о большой войне очень встревожило их. Каждый понимал, что случится с Оркограром в случае поражения империи. Морские промыслы, земледелие и охота давали не более двух третей необходимого стране продовольствия, все остальное поставляли элианские купцы. О том, что случится если эти поставки прекратятся, не хотелось даже думать.

Кертал досадливо поморщился. Предупреждал ведь, что нельзя говорить прямо, что нужно осторожно подвести старейшин к цели посольства. Все забыл, идиот молодой. Да уж, из орка дипломат, как из него самого танцовщица. Какого дорхота император назначил послом Храта? Что задумал его величество? Вечно он что-нибудь как выдумает...

– Народ урук-хай никогда не оставлял друзей в беде, – осторожно сказал Хранитель Очага, резко помрачнев. – Но о какой конкретно помощи идет речь? Помощи оружием? Транспортом? Или?..

– Не знаю... – опустил голову Храт. – Я не хочу ничего

скрывать. Я случайно оказался на военном совете и услышал, что имперские генералы опасаются союзника, вместо того чтобы попросить о помощи. Меня это возмутило, никогда народ урук-хай не поступал вопреки законам чести, и я высказался. Тогда его величество и назначил меня послом...

Старый мастер чуть не схватился за голову, проклиная про себя краснорожего дурня. Совсем с ума сошел? Да как можно говорить такие вещи Кагалу?! Ой, что будет-то... Остальные имперцы тоже возмущенно уставились на Храта.

– Я рад твоим честным словам, мальчик! – Хранитель Очага довольно оскалился, переходя на «ты». – Благодарю за то, что ты выступил в защиту чести своего народа.

– Разве я мог поступить иначе? – Храт опустил голову. – Пусть я изгой, но все-таки орк...

– Изгой?! – Хранитель Очага едва не выронил посох. – Кто и когда тебя изгнал? За что?

– Как кто? – растерялся молодой горный мастер. – Вы сами и изгоняли... Чуть больше декады назад. В этом самом зале.

– Я?! Мальчик, да ты в своем уме?

– Храт! – не выдержал Кертал. – Тебе же его величество сказал, что это было наваждение! Не поверил. Вот ведь дубина упрямая! Ну, ничего, вернемся, я тебе устрою веселую жизнь. Ты у меня дни последних тренировок как праздник вспоминать будешь!

– Всегда пожалуйста! – просиял молодой орк, осознав, что его и в самом деле никто не изгонял.

– Приношу свои извинения уважаемому мастеру-наставнику, – прищурился Хранитель Очага, – но не могли бы вы просветить меня на тот счет, откуда у юноши столь странные идеи возникли?

– Испытание... – вздохнул Кертал. – Оно нелегко дается. И главное даже не боевое мастерство, а проверка, способен ли ты совершить подлость во имя выгоды. Храт увидел себя здесь, в рурк-дхаладском родовом зале. Сначала его чествовали, как героя, а потом Кагал приказал ему предать кровного брата. Не смертельно, просто остановить, не дать пройти испытание. А иначе – изгнание. Вы сами понимаете, что выбрал парень. Если бы он выбрал предательство, то с полигона не вышел бы. Жестоко, но иначе нельзя. Подлец не должен

владеть боевыми искусствами.

– Согласен, – негромко сказал Хранитель Очага, затем повернулся к Храту. – Неужели ты так плохо думал о нас, мальчик? Как ты мог поверить, что мы можем потребовать от тебя предать брата?

– Вы не знаете, кто мой брат... – Молодой орк побагровел от стыда, кляня себя за глупость.

– Кем бы он ни был.

– Да? – Глаза Храта вспыхнули алым огнем. – Тини, сними капюшон!

Вперед вышла закутанная в плащ фигура с черным шнурком младшего горного мастера на плече и резким движением сдернула капюшон. На Кагал Старейшин посмотрели огромные миндалевидные глаза эльфа. Острые уши стояли торчком, на красивом лице отражалась решимость. «Остроухий! – пронесся по родовому залу ошеломленный шепоток. – Чудовище! Убийца!»

– Наши народы тысячи лет воюют друг с другом, – мелодичным голосом сказал принц. – Наши предки убивали друг друга миллионами. Может быть, хватит? Сколько можно? Вот перед вами стоим мы, эльф с орком, кровные братья! Посмотрите на нас! Я за Храта жизнь отдам.

– А я – за него! – гордо выпрямился тот.

– Да, теперь я понимаю, почему ты мог подумать о нас плохо, мальчик... – Хранитель Очага потер подбородок. – Но я никогда не потребовал бы от тебя подлости, даже по отношению к остроухому. Разве что от этого зависело бы выживание всего народа.

Старый орк подошел к Тинувиэлю и осторожно дотронулся до щеки эльфа. Принц не отстранился, глядя ему прямо в глаза.

– Что ж, мальчик, спасибо за то, что преподал нам, дурням старым, урок... – Хранитель Очага тяжело вздохнул. – Ты прав, мы тысячу семьсот лет не видели ни одного эльфа, а продолжаем по привычке считать вас зверьми и убийцами...

– Не слышали вы наших сказок об урук-хай. – Тинувиэль мелодично рассмеялся. – Вот уж чудовища там изображены... И до знакомства с Хратом я в эти глупости верил.

– А как не верить-то? – Старый орк криво усмехнулся. – Предки ведь так учили... Только вот и своей головушкой думать надо уметь. Что ж, ты заставил меня задуматься. Еще раз спасибо.

Он немного постоял, затем спросил у Кертала:

– Как же получилось, что эльф с орком стали горными мастерами? Не бывало ведь такого никогда.

– Да прибыл в Тарсидар один вечно встревающий в неприятности юноша с Манхена, – с этими словами мастер-наставник подтолкнул вперед смущенного Лека. – Вот он их всех и нашел. Случайно, на первый взгляд. Позже мы узнали, что это не так.

– Твой отец рассказал мне твою историю, мальчик. – Хранитель Очага повернулся к Храту. – Ты сделал невозможное. Я прошу тебя завтра прийти сюда – тебя ждет жезл Чести. Таково единогласное решение Кагала.

Жезл Чести?! За что? Молодой орк едва мог дышать, услышав это. Не было у народа урук-хай более высокой награды, для ее получения требовалось совершить подвиг. За что же ему, Храту, ее вручают? Он ведь ничего особого не сделал, всего лишь стремился к своей мечте.

– Кстати, хочу сообщить решение совета мастеров, – снова заговорил Кертал. – Наставники боевого братства империи с этого дня готовы брать в обучение молодых урук-хай. Желательно – уже имеющих боевой опыт. Храт стал первой ласточкой, идущим следом будет много легче, им не придется так напрягаться. Парню очень тяжело пришлось, я и не упомню, чтобы кого-нибудь так гоняли, как этих пятерых.

– Вы оказываете народу урук-хай великую честь, мастер-наставник! – Хранитель Очага низко поклонился. – Я передам ваши слова черепам лучших егерских полков.

– Есть еще кое-что, что мне не хотелось бы скрывать от союзников. Стоящие перед вами пять мальчишек – это не просто пять мальчишек. Они – те самые Пятеро. Знакомо ли народу урук-хай пророчество Пятерых?

– Знакомо! – С места встал седой как лунь шаман. – Вы думаете, это они?

– Они носители пяти пар великих мечей. – Кертал развел

руками. – Кто еще может носить их, кроме Пятерых? Скоморох, горец, аристократ, эльф и орк. Храт Сломанный Клык носит алые мечи Ярости. Тинувиэль Эллевалериэ – зеленые мечи Жизни. Энет ар Инват – синие мечи Мудрости. Сантиар Эрхи – белые мечи Света. Лек ар Сантен – черные мечи Тьмы.

Каждый из пятерых, когда называли его имя, доставал картаги из ножен и на мгновение призывал их силу. Мечи послушно загорались. Лек был последним. Прянувшая от него во все стороны Тьма заставила орков, издавна ей поклонявшихся, потрясенно загудеть.

– Значит, время пришло... – Шаман посерел. – Слушайте меня, старейшины народа урук-хай! Наступают страшные дни. Дни большой беды. Беды для всех – для нас, для людей, для эльфов. Если мы вместе эту беду не остановим, то, может, и вообще жизни в нашем мире не останется. Империя просит нас о помощи. Как старший шаман Оркограна, я голосую за вступление в войну на стороне Элиана. Иначе может оказаться поздно.

Старейшины довольно долго совещались, но ни один не высказался против. Даже главы кланов Волчьего Когтя и Черного Ветра согласились, что воевать придется, если хотят выжить. Кертал внимательно слушал прения и с каждым мгновением все больше осознавал, что люди не понимали орков. Вообще не понимали. Нельзя было разводить политесы, не тот народ, совсем не тот. Именно подход Храта оказался правильным – бить в лоб, говорить правду. В нужный момент, конечно. Впрочем, если бы не молодой орк, ставший горным мастером, то ничего у элианского посольства не вышло бы. Урук-хай слишком осторожны, они обычно предпочитали заниматься своими делами, не особенно обращая внимание на остальной мир. Да и приключение великих мечей в мир сыграло свою роль.

Что ж, империя больше не одинока в начавшейся войне. Скоро, совсем скоро в море выйдут броненосные флоты орков. Вас ждет множество «приятных» сюрпризов, господа святоши.

2. Первые залпы

Паруса привычно хлопали над головой, свежий ветер приятно обдувал разгоряченное лицо. Адмирал Киран ар Эстад внимательно осматривал море в подзорную трубу. Маг с разведчика передал по амулету связи, что вражеский флот неподалеку. Удалось все-таки поймать карвенцев возле Шартарского архипелага. Тысячи мелких островков давали немало возможностей для маневра, и адмирал был этим доволен. Впрочем, еще неизвестно кто кого поймал – судя по донесению, у святош едва ли не втрое больше кораблей. Единственно, на что надеялся Киран – это на преимущество в вооружении. Карвенцы имели едва ли по три десятка слабосильных кулеврин на каждом корвете, шхуне или рейдере, тогда как имперские фрегаты и ландеры – от полусотни до ста двадцати. И не кулеврин, а гладкоствольных орудий, стреляющих чугунными ядрами. Их дальность достигала половины морской версты. Плюс боевые маги, которые тоже вполне способны доставить врагу неприятности.

К сожалению, карвенцы, похоже, тоже обзавелись магами, кто-то скрывал их местоположение. Лучшие поисковики были не в силах обнаружить корабли святош, тогда как раньше находили самую мелкую каравеллу, куда бы ее ни занесло. Все это не могло не тревожить командующего вторым атакующим флотом империи. Киран вполне обоснованно опасался, что враг, в свою очередь, подготовил ему немало сюрпризов. Недооценивать карвенских адмиралов никак нельзя. Тем более что задача у них одна – довести как можно больше транспортов с десантом до элианского побережья. А у него – помешать врагу сделать это.

Походные колонны постепенно подтягивались к флагману, разворачиваясь в боевые порядки. Киран смотрел на их линию неодобрительным взглядом. Устаревшая тактика, три дорхота на якорь! Давно пора Адмиралтейству подумать о чем-нибудь другом. Его давно подмывало испытать одну мысль, с недавних пор не дававшую покоя. Почему бы не попытаться охватить голову колонны вражеских кораблей и не разбить ее на части? Их потом вполне можно будет добить поодиночке. Или вообще выделить отряд скоростных фрегатов для охоты за небольшими скоплениями

карвенских шхун и корветов.

Адмирал тяжело вздохнул – для такого нужны опытные капитаны, привыкшие действовать вместе. А где их взять? Серьезных морских сражений империя не вела больше двухсот лет, стычки с пиратами и работоговцами сражениями назвать нельзя. Учения, конечно, проводились постоянно, но они не заменяют реального боевого опыта, увы... Впрочем, такого опыта нет и у карвенских капитанов, не говоря уже об адмиралах. Как там они называются? Светочи Веры, что ли? Вот ведь идиотизм... Подумав, Киран решил, что все-таки рисковать не стоит, лучше применить испытанную линейную тактику. Только на всякий случай распорядился оставить в резерве два десятка самых быстроходных фрегатов.

На палубе перед мостиком внезапно сгустилось небольшое облачко, из которого вышел высокий человек в серо-серебристом плаще. Лицо мага скрывал туман. Адмирал удивился. Вот уж кого он не ждал увидеть на борту флагмана, так это эльдара. И что понадобилось рыцарю престола? Киран покачал головой и быстро сбежал вниз по лестнице.

– Господин мой, эльдар! – Оказавшись на палубе, он поклонился.

– Оставьте церемонии, друг мой, – отмахнулся тот. – Не до них. Что думаете делать?

– А что здесь можно сделать? – Киран пожал плечами. – Только выстраивать флот в линию и подрезать святошам ветер. Обстреливать, не давая им подойти на дальность выстрелов их пушек. Они сами поймали себя в ловушку, забравшись вглубь архипелага. Здесь особо не поманеврируешь, сплошные рифы.

– Вы уверены, что они дали себя обнаружить именно здесь случайно? Мне почему-то так не кажется. Тем более что почерк магов, прикрывающих святош, мне знаком. Слишком похоже на наших академиков.

– Это что же должно было случиться, чтобы академики карвенцам продались? – изумился Киран.

– Не знаю! – раздраженно отмахнулся рыцарь престола. – Поэтому я и прибыл к вам на помощь, господин адмирал. С заклинаниями эльдара не справиться ни академикам, ни магам нартагальского Ализиума. Да и выяснить кое-что необходимо. Очень хотелось бы взять кое-кого из фотоводцов Карвена живым,

появление их флота возле Шартарского архипелага может оказаться ловушкой. Сообщали ли разведчики о наличии транспортных кораблей?

– Не сообщали... – задумчиво сказал адмирал. – Вы правы, такой исход я обязан предусмотреть. Вполне возможно, что флот святош принимает бой, прикрывая транспорты, идущие вовсе не к Шерандару.

– И я этого боюсь, – вздохнул эльдар. – Самое опасное, если карвенцы договорились с вождями Великой Степи и идут им на помощь. Не уверен, что гарнизоны Южных Цитаделей удержатся против совместного штурма.

– Но к Форт-Астару отсюда полтора месяца пути. Мы вполне успеем перебросить войска по суше.

– Успеть-то успеем. Беда в том, что никакой информации о месте удара у нас нет. Вторая и третья армии находятся в состоянии походной готовности, в случае чего снимутся с места через пять-шесть часов после получения приказа. Жаль, что даже его величество не может создать достаточно большого портала для переброски армии.

– Жаль, – согласился Киран, – но будем исходить из того, что есть. С этим флотом мне все равно придется сражаться, оставлять святош свободно гулять в наших водах нельзя.

– Нельзя. Но вскоре с этим станет проще. Недавно мне сообщили, что орки вступают в войну на нашей стороне. В общем, война охватила весь мир. Мы с Оркограпом против Карвена, Нартагала и Даркасадара.

– Нартагала?! – задохнулся от возмущения адмирал. – А какого дурхота мне об этом никто не сказал?! Так мне с нартагальскими волками дело иметь придется?! Задницу гмырха через три дуги с переворотом...

Киран изошкено ругался несколько минут, используя такие обороты, какие сухопутной крысе и в голову не пришли бы. Да и было, отчего. Нартагальцы воевать на море умели, издавна занимаясь пиратством. Адмирал не раз встречался в бою с их юркими и хорошо вооруженными рейдерами, и далеко не всегда имперцам удавалось одержать победу при равных силах. Если флот святош ведут нартагальцы, то тактика нужна совсем иная. А какая? Киран

задумался, не обращая внимания на удивленного эльдара. Похоже, придется использовать старые задумки.

Сообщение об урук-хай, конечно, обрадовало, но пока еще броненосцы доберутся сюда. К тому же, с черепами орочьих флотов придется еще искать общий язык. Привычная тактика для их монстрообразных кораблей никак не подходит. Насколько знал Киран, обычно орки действовали небольшими отрядами броненосцев, расстреливая врага издали, что при мощности их орудий было совсем не трудно. Но... Тысячи «но». Что ж, делать нечего, придется думать. Похоже, эта проклятая война заставит достать из загашников все, даже самые дикие идеи.

– Извините, – негромко сказал эльдар. – Я думал, вы знаете.

– Ни пса облезлого я не знал! – огрызнулся Киран. – Флот подняли по тревоге и направили патрулировать северо-западное направление. В приказе было написано, что началась война с Карвеном. С Карвеном, а не с Нартагалем!

– Но какая разница?

– Огромная. Святош разделать в несколько раз проще, чем нартагальских пиратов. Тем опыта не занимать.

– Понял, – кивнул эльдар. – Еще раз извините. Бардак! Давно не воевали, забыли, как оно бывает.

– Вот-вот. А из-за этого теперь мои моряки гибнуть будут. Из-за того, что какая-то сухопутная крыса поленилась мне заранее сказать!

– Не кипятитесь, господин адмирал. Я вас прекрасно понимаю. Поймите и вы, что войны без неразберихи не бывает, особенно в первые дни.

– Ладно. Чего уж теперь. Извините, я должен отдать распоряжения.

Он достал из поясного кошеля амулет связи и принялся вызывать контр-адмиралов одного за другим, отдавая каждому короткие, рубленые приказы. Растворившиеся в длинную линию корабли начали маневрировать, разбиваясь на группы. Киран только скрипел зубами, смотря, как неумело делают это неопытные капитаны. Изумляются, небось, что задумал Бешеный Нарвал, как за глаза называли командующего вторым флотом. Жизни вам, дуракам, спасает! Хорошо хоть, противоречить никто не осмеливается – не

принимающих нового адмирал списывал на берег безо всякой жалости. Не место им на флоте! Жаль, что Хартег ар Арсад, командующий первым флотом, – консерватор тот еще. И какого дорхота его величество до сих пор не выгнал старого идиота взашей? Ему давно пора внуки нянчить, а он все сидит, тормозя рост молодых и талантливых офицеров.

Самому Кирану едва исполнилось сорок, когда второй флот перешел в его подчинение. Сколько было ядовитого шипения в спину по поводу молодого выскочки, вспоминать не хочется. А все почему? Он высказал императору правду в глаза. Флот находился в страшном состоянии во времена командования Борга ар Варма, и Киран заявил при всех, что войну они проиграют еще до ее начала. Как ни странно, император прислушался и вместо наказания назначил наглеца командующим. Наверное, ему совсем не понравилось увиденное во время инспекции. Порядок пришлось наводить жестко, половину разлевившихся, забывших о чести офицеров новый адмирал просто списал без выходного пособия, зато остальные начали хоть что-то делать. Жаль, времени не хватило подготовить людей как следует. А теперь опыт будет даваться страшной, кровавой ценой.

Из-за виднеющихся вдали островов архипелага начали выбираться корабли врага. По парусному вооружению адмирал сразу определил – нартагальцы, чтоб им! Было немало и кораблей святош, выглядящих неуклюжими бегемотами рядом с узкими, стремительными рейдерами королевства. Нартагальцы совершали какие-то странные эволюции. Киран озадаченно смотрел на них, пытаясь понять, что вообще происходит. Необычно. Почему они не выстраиваются в линию? Почему вперед выходят мелкие, одномачтовые когги, причем – карвенские? Что эти крохи могут сделать против линейных кораблей империи? Похоже, опасения оправдываются: среди вражеских адмиралов нашелся-таки нестандартно мыслящий – и теперь имперский флот ждет какой-то малоприятный сюрприз. Когги выстроились в линию и рванулись вперед.

– Адмирал... – в голосе эльдара звучал откровенный ужас. – Адмирал! Прикажите расстреливать эти кораблики издали! Они начинены порохом!

– Что?! – Киран резко повернулся к нему. – Что вы имеете в виду?

В этот момент до него дошло. Фанатики! Единый Создатель, это же фанатики! Врезаться во вражеский корабль и подорвать пороховой погреб – для них это подвиг. Он снова выхватил из кошеля амулет и рявкнул:

– Общая связь!

Какое счастье, что есть эти амулеты! Иначе... О том, что случилось бы с его флотом в ином случае, не хотелось даже думать. Киран быстро сообщил капитанам кораблей о новой опасности и замер, вцепившись в поручни мостика. Осталось только ждать. Он видел суету канониров на пушечной палубе. Готовятся, хоть флагманский фрегат и находится позади. Правильно, мало ли что.

Брандеры постепенно приближались. Адмирал благодарил про себя Единого за то, что успел сообразить сосредоточить корабли в группы, – если бы не успел, подобраться к выстроившимся в линию было бы куда проще.

Линейные корабли и фрегаты второго флота разворачивались бортами к врагу. Грязнули первые залпы. Канониры старались изо всех сил, жить хотелось каждому. Многие когги шли ко дну, но далеко не все – фанатики рвались к цели, славя Единого и Святого Карвена. Какой-то когг на последнем издыхании коснулся борта фрегата, изо всех сил пытающегося уйти. Взрыв. Страшный взрыв, таких адмирал до сих пор не видывал.

Киран закусил губу, глядя на раскололшийся быстро тонущий корабль. Моряки бросались в воду, надеясь на помощь. Вот только найдется ли у кого-нибудь в этой неразберихе время на нее? Очень сомнительно. Благо, хоть вода теплая. Адмирал смотрел на гремящие один за другим взрывы, пускающие на дно его корабли, и понимал, что пришло время совсем иных войн.

– Четверть флота... – глухо сказал за спиной Кирана эльдар. – Единый, четверть флота разом!

– А чего вы хотели?! – резко повернулся к нему адмирал. – Чего?! Я сто раз говорил, что нужна новая тактика! Так за любую попытку отклониться от канона старые маразматики едва ли не еретиком объявляют. Это нормально, по-вашему?! Никто не хочет ничего непривычного! Если бы мы не успели перестроиться в новый ордер, то и половина погибла бы! Сколько раз просил инженеров Академии разработать новые типы корабельных пушек! Что мне

отвечали? По возможности... Ждите. Дождались! Вот и получите теперь по заслугам! Кто мешал нам иметь броненосцы не хуже орочьих? Или нарезные орудия? А никто, сударь мой!

— Вы правы, — мрачно согласился маг. — Мы были непростительно беспечны в последние пятьдесят лет. Я доложу его величеству — думаю, подобного больше не повторится.

— Благими намерениями... — пробормотал себе под нос Киран. — А теперь мне с оставшимися на плаву отражать атаку втройе большего, чем мой, флота. Весело, ничего не скажешь...

— Ну, тут и я на что-нибудь сгожусь, — с легкой ironией в голосе ответил эльдар. — Найдется, чем святош озадачить.

— Да? — Адмирал с интересом посмотрел на него — И чем же?

— Сейчас увидите.

Нартагальские и карвенские корабли начали медленно выстраиваться в линию, готовясь атаковать имперский флот. Бражеские адмиралы не сомневались в победе, численное преимущество на сей раз было на их стороне. Если элианцы станут действовать по старой, известной всем тактике, то альянс победит. Но стоит ли заранее обрекать себя на проигрыш? Командующий криво, зло усмехнулся. Ой, не стоит. Глупо это, господа хорошие. Киран внимательно следил за эволюциями кораблей врага и понимал, что должен использовать все, даже самые безумные задумки. Не выйдет? Значит, погибнет. Мертвые сраму не имут. А пока надо делать, что можно.

— Всем слушать приказ! — резко скомандовал он в амулет связи. — Рассредоточиться! Повторяю: рассредоточиться! Пришло время опробовать то, что мы отрабатывали на последних учениях: резать строй противника и ставить его в два огня!

Многие из капитанов решили, что Бешеный Нарвал сошел с ума, и заранее хоронили себя вместе с экипажами кораблей. Однако приказ есть приказ, и мачты оделись парусами. Киран негромко ругался под нос, глядя на неуклюжие эволюции отрядов.

— А теперь моя очередь, — со смешком в голосе сказал эльдар.

Адмирал обернулся и окинул его недоверчивым взглядом. Что он, интересно, может сделать? Бороться против файрболлов, которые обычно использовали штатные флотские маги, моряки хорошо

обучены. Пожар погасят быстро. Эльдар медленно поднял руки, не произнося никаких заклинаний. Кирану вдруг показалось, что от мага потянуло каким-то холодным маревом, вызывающим невольную дрожь. Чем-то чуждым до омерзения, совершенно нечеловеческим. У адмирала пересохло в горле, кожа покрылась пупырышками.

– Смотрите... – прохрипел маг. – На карвенцев...

Киран пристально наблюдал через кристалл видения за ловящими ветер вражескими кораблями. Поначалу ничего необычного не происходило, но только поначалу. Вскоре вокруг потемнело, как перед грозой. В небе появилась ярко сияющая точка, из которой по передней линии надвигающихся кораблей ударили грязно-серые молнии. И больше ничего. Адмирал непонимающе пожал плечами – ну и что? Чего эльдар добился? Однако, как вскоре выяснилось, он поспешил с выводами. Пораженные молниями корабли начали замедлять ход, на глазах теряя очертания, будто растворяясь. Никто из моряков не покинул их, видимо они умерли сразу. Не прошло и десяти минут, как от передней линии врага не осталось ничего, кроме грязных пятен на воде.

Киран дрожащей рукой осенил себя косым крестом Единого – такого он еще не видел. Вот так, не напрягаясь, уничтожить больше тридцати больших рейдеров? Жуть! И опять он поспешил с выводами: магу немало стоило сделанное – позади послышался хрип. Адмирал резко обернулся. Эльдар скривился на полу, пальцы сухих старческих рук скребли по палубе.

– Воды...

– Подайте воды, быстро! – рявкнул застывшему неподалеку лейтенанту Киран, бросаясь к магу. – Что случилось?

– Перенапрягся. Прикажите отнести меня в каюту. Больше, увы, я ничем помочь не в силах...

– И этого с головой хватит! – Адмирал снова вздрогнул при воспоминании. – Карвенцы в панике. И не будь я Киран ар Эстад, если я этим не воспользуюсь!

Несколько матросов, вызванные появившимся как из-под земли боцманом, бережно отнесли уснувшего прямо на палубе мага в каюту. Адмирал следил за эволюциями вражеских кораблей и продолжал зло скалиться, отдавая приказы. Теперь численное превосходство им не поможет!.. Он отдавал короткие приказы по

амулету связи, эскадры флота перестраивались в новые ордеры, надвигаясь на ошеломленных моряков альянса.

Нартагальцы быстро пришли в себя и готовились к отражению атаки, чего никак нельзя было сказать о карвенцах. Святоши и так-то не очень умели воевать на море, а уж теперь, после столкновения со «злобным колдовством» – и подавно. Если бы не нартагальские пираты, Киран раздавил бы флот Карвена за несколько часов. Пока счет был равным – враг удивил его использованием брандеров, зато эльдар ошеломил адмиралов альянса жутковатой магией. Они не могли быть уверены, что такое не повторится. А уж суеверные матросы вообще пребывали в ужасе.

Имперские ландеры и фрегаты, выстроившись четырьмя клиньями, шли навстречу неровной линии нартагальских коггов и карвенских корветов с бригами. Вражеские адмиралы никак не могли взять в толк, что затеяли элианцы. Так не воюют! Испокон веков флотоводцы выстраивали свои эскадры в линии и маневрировали, пытаясь стать с наветренной стороны и атаковать сразу всю линию, строго соблюдая равнение в строю. Каждый корабль вел огонь только по назначенному противнику, не обращая внимания на действия сражающихся рядом. И вдруг молодой высокочка ар Эстад ни с того, ни с сего попирает каноны и ведет флот в атаку несколькими клиньями, явно собираясь рассечь вражеский строй на несколько частей. Чего он добивается?!

Нартагальцы в конце концов поняли, что задумал элианский адмирал, да только поздно. Клинья разрезали линию, и бортовые пушки первых имперских кораблей дружно рявкнули. Воздух заволокло резко пахнущим пороховым дымом. Когда он развеялся, стало понятно, что Киран своего добился. Он рассек строй альянса и бил по вражеским кораблям с двух, а то и более направлений. Растерянные, сбитые с толку, карвенские и нартагальские капитаны отдавали беспорядочные приказы, орали на подчиненных, подгоняли их, но так и не сумели достойно ответить элианцам.

Бой шел до самого вечера, множество кораблей империи и альянса пошли ко дну, другие отвалили в сторону, с трудом уходя к родным портам. Уже темнело, когда Киран приказал контр-адмиралам выходить из боя. Ему окончательно стало ясно, что транспортные корабли с десантом прошли стороной. И куда они теперь направятся? Увы, неизвестно. Он отдал, конечно, приказ, и во

все стороны устремились десятки мелких каравелл. На борту каждой имелся амулет связи. Дороговато, но выбора нет. Может, и найдут.

Вражеский флот опасности больше не представлял. Единственно, что они смогут сделать, это обстрелять какой-нибудь город издали, да и то гаубицы прибрежных фортов не дадут приблизиться. Губить свои корабли понапрасну адмирал не собирался. Лучше подождать подхода броненосного флота союзников, тогда можно будет поговорить со святошами совсем по-другому. А пока можно применять партизанскую тактику. На море. Кусать и удирать. Киран хищно усмехнулся. Посмотрим, что вы на это скажете, господа хорошие. А мы найдем, чем вас удивить. Обязательно найдем!

Береговые форты Кеодара выглядели неприступными, но, как прекрасно понимал любой опытный военный, полностью неприступных крепостей не бывает. Любую можно взять, если необходимо, – тем или иным способом, но можно. Полковник Рет ар Мартан, военный комендант города, тоже знал это, рассматривая в кристалл видения приближающиеся к берегу шлюпки, под завязку наполненные карвенскими паладинами и обычными воинами. Вот она и началась, война-то. Давно к тому шло, а началась – и не по себе. Комендант криво усмехнулся и спросил себя: «Мандражируешь, сволочь? Я те помандражирую, недопесок зеленый! Ты у меня, зараза, в ад сбегаешь, дорхоту полхвоста оборвешь, и даже гавкнуть не осмелишься!»

Город стоял на островом мысу, прилегая к скалам, да таким, что не подобраться ни с какой стороны. Имперские маги-инженеры, впрочем, проложили в них дорогу, создав ущелье, но прорваться к нему нападающие не сумеют даже с тыла.

Комендант внимательно осмотрел местность. Высадиться святоши могут только слева, там есть полверсты поросшего травой побережья. Дальше рощи и перелески, иссеченные оврагами. Вот лагерь да, лагерь они, скорее всего, в оврагах и поставят, удобное место. Ни пушки, ни файрболлы не достанут туда. К сожалению, паладины не дурнее его, сообразят. Впрочем, диверсионные группы покоя им и в лагере не дадут. Наступать карвенцы тоже будут только слева, справа стены города обрываются прямо в море. Удачно построили крепость, очень удачно. Рет продолжал смотреть на

высаживающихся врагов и кивал своим мыслям. Трудные времена настают, ох, и трудные.

К сожалению, возле Манхена почти не было имперских флотов, так, отдельные эскадры. Что они могут сделать против такого количества врагов? Вот и получается, что некому встать между карвенским десантом и городом, а до вражеского берега едва ли сотня верст от Кеодара наберется. До Нартагала вообще сорок будет. Нетрудно перебросить войска на Манхен, тем более что народу у святош хватает. Давят их там, давят, а они все плодятся и плодятся.

Хорошо, что гражданское население отвели вглубь материка, в Барталадарские горы. На побережье остались только военные. Рудники, на которые так облизывались в Карвене, завалены, железа оттуда не добыть. Раскопать, конечно, можно, если хорошо потрудиться, только вот рабочих своих везти придется, местных никого не осталось. Да о чём речь, нет ни складов, ни продовольствия, ни воды, кроме как в больших реках. Пусть попробуют святоши армию прокормить. Маги обещались также эпидемию среди захватчиков устроить, что тоже неплохо. Комендант хрюплю рассмеялся, представив себе, какие рожи будут у карвенских вояк, когда те обнаружат, что грабить-то, оказывается, и нечего. И насиловать некого, до ближайшей женщины полсотни верст. Да, стоит низко поклониться его величеству за то, что о людях думает.

Вспомнив, с каким трудом выселяли горожан, Рет поежился. Вот ведь дурачье! Говорят им, что святоши идут! Нет же, свой садик с огородиком дороже жизни и свободы. Объясняешь, что с ними карвенцы сделают, да и с их садиками тоже, так не слушают ведь. Изворачиваться пришлось, но сумел все-таки, слава Единому, убедил идиотов. Ушли, поверили, что император выплатит компенсацию за все утраченное. Его величество своего слова никогда не нарушал, это знал каждый.

Все больше и больше карвенских и нартагальских солдат оказывалось на берегу. Они сбивались в кучи, обалдело глядя на циклопические стены цитадели. Добрая сотня локтей в высоту – это вам не жалкие сорок локтей стен Карванега, столицы Карвена. А Кеодар ведь – заштатный колониальный городишко. Что же тогда в больших городах империи творится? Слухи о двухсотлоктевых стенах Элиандара ходили давно, но никто им не верил – это каким же образом можно эдакий кошмар выстроить? Впрочем, колдуны. Они,

наверное, и не то могут. Странно, но элианцы почему-то дали высадиться, почти не препятствуя, только гаубицы портовых фортов немного постреляли, потопив десятка два транспортов вместе с солдатами. Но не особо старались почему-то. Почему? А кто их, этих имперцев, разберет? Еретики проклятые!

Комендант города продолжал с интересом наблюдать за развертыванием стационарного осадного лагеря. Ну-ну, красавцы, давайте-давайте. Для вас немало приятных сюрпризов припасено. Интересно, как вы среагируете, когда узнаете, что вся вода в округе отравлена? Воплей будет... Так, мол, не воюют. А мы, между прочим, с вами, господа хорошие, и не воюем. Мы вас просто убиваем. Любым доступным способом. И не стоит кричать о нарушении правил. Ой, не стоит. Их нет. Вас сюда звали? Не звали. Пришли? Так не обессудьте теперь. Война – дело грязное, кровавое и подлое. Получите и распишитесь!

Карвенцы с нартагальцами высаживались по всей протяженности северного побережья Манхена. И приходили в недоумение, обнаружив пустые деревни без единого человека. Особенно огорчало это обстоятельство нартагальцев, рассчитывавших уже сегодня набить трюмы своих кораблей ценным товаром – молодыми и здоровыми рабами. Увы, все их расчеты пошли губту под хвост. Но ладно это, хуже было другое. Ни одной поисковой партии не удалось найти и грана продовольствия, склады и амбары оказались пусты. Дома выглядели аккуратно прибранными, ничего ценного в них не осталось. Понятно было, что люди уходили не спеша, забирая с собой все, что им дорого. Зная об огромных овечьих отарах прибрежных областей Манхена, захватчики растерялись. Отогнать всю эту массу овец куда-то? Куда? Как?

Но и это оказалось далеко не все. Как вскоре выяснилось, все источники воды вокруг, кроме больших рек, были заражены какой-то болезнью, от которой человек умирал за два-три дня в страшных муках. Высшие паладины онемели от возмущения. Кошмар какой-то! Эти имперцы настоящие чудовища! Общим приказом по армии солдатам запретили пить местную воду, выдавая каждому на день флягу воды из корабельных запасов. Но было поздно – не встретив еще ни одного элианского бойца, карвенцы потеряли четверть людей. А где-то неподалеку концентрировались для удара имперские полки, офицерами в которых служили страшные горные мастера...

К воротам Кеодара направились несколько паладинов полного посвящения в блестящих позолоченных доспехах с выбитым на груди солнцем. Один из них держал традиционный белый жезл посла. Комендант поджидал парламентеров с кривой усмешкой на губах. Вперед выехал офицер с роскошным пломажем на шлеме.

– Внимание! – заговорил он на лаарском с неприятным, сиплым акцентом. – Предлагаем вам сдаться!

– С какой это стати? – поинтересовался сверху комендант.

– Территория материка Манхен аннексирована войсками Альянса! – гордо заявил паладин. – Сдавайтесь, гнусные еретики, и вы сохраните ваши жизни!

– Говоришь, аннексирована? – расхохотался Рет. – Спешишь, парень. Мы еще и не воевали толком. А жизнь? Что жизнь? Честь как-то дороже. Трусов среди нас нет.

– Если вы не сдадитесь, то будете сожжены заживо! – сорвался на визг карвенец.

– Да ну? – Комендант приподнял брови. – Вы возьмите город сначала, а потом уже условия ставьте. Пшел вон, не то сейчас стрелами утыкаем!

– Пеняйте на себя! – раздраженно рявкнул паладин и ускакал к своим, свита последовала за ним.

Стоя на защищенной козырьком площадке над воротами, Рет внимательно осматривал выстраивающихся в атакующие порядки врагов. Паладинов, слава Единому, не слишком много, они куда опаснее прочих, по отвесной стене легко взберутся. Бойцы не из последних. Да и нартагальские кирасиры – не подарок, воевать хорошо обучены, доводилось видеть, как их дрессируют. Поголовно вооружены мушкетами, что не слишком приятно. Но основная масса – пушечное мясо. Спешно обученные новобранцы. Надо бы попросить магов выбивать прежде всего офицеров, особенно паладинских. Не помешает. Впрочем, это потом. Сейчас вас, господа святоши, ждет еще один милый сюрприз элианских инженеров – «картечь» называется. Поглядим, как она вам по вкусу придется.

Рет ар Мартан был местным уроженцем. Когда вождь племени Белых Псов принес клятву верности императору, одного из молодых воинов, пришедших с ним, взял в ученики горный мастер. Этим

молодым воином и был будущий военный комендант Кеодара. С тех пор прошло больше сорока лет, и Рет не желал себе иной судьбы. Он жил как должно, честь всегда была для него превыше жизни. Отдавал всего себя, получил право называть императора на «ты», вошел в Совет мастеров-наставников, от которых в Элиане зависело почти все.

Некоторые высокие лорды из бывших вождей поговаривали, что неплохо бы отделиться от империи. У Рета подобные разговоры вызывали смех. Идиоты! Единый, что за идиоты? О какой независимости вообще речь? Уйдет империя, при которой жить вольготно и сыто – так сразу придет Карвен или Нартагаль. Особенно худо, если последний. Нартагальским аристократам только рабов и подавай. Раньше толпами вывозили манхенцев, только после присоединения материка к Элиану это стало невозможным. Снова в рабство захотелось? Забыли, как вымирали от голода целыми племенами? Это у них и называется свободой? Эх, люди-люди...

Когда пришла беда, однако, лорды сразу забыли свои претензии к империи, выставив ополчение. Только вот доверять ли этому ополчению?.. Сейчас город защищали два гвардейских полка, Дикие Леопарды и Черные Волки. Ополченцы ждали позади, их время придется позже. Как ни жаль, Кеодар, похоже, придется оставить, но и святошам он не достанется – везде заложены пороховые заряды, после ухода войск город превратится в груду развалин. Только взрывать надо, когда «победители» войдут внутрь. То-то они обрадуются...

Запели трубы, зовя в атаку. Ощерившись лестницами, пиками и мушкетами, войска Альянса двинулись на приступ. Рет усмехнулся в усы – конечно, впереди пустили самых бесполезных, новобранцев. Тысячи стрел взвились в воздух. Хорошо, что над стенами сделали навес. Поначалу на инженера, предложившего это, посмотрели с недоумением, но, подумав, признали его правоту. Придумка оказалась весьма толковой – большинство стрел бессильно впивались в навес, не нанося вреда защитникам города.

Сдвинулись щиты, прикрывающие бойницы на крепостной стене. Из них выдвинулись дула коротких и толстых картечных пушек. Канониры подождали, пока враги подойдут ближе, и зажгли фитили. От грохота, казалось, вздрогнула вся крепость. Передние ряды наступавших выкосило, как косой, над полем боя взвилсявой

боли и ужаса. С таким оружием ни карвенцы, ни нартагальцы, ни даркасадарцы никогда еще не сталкивались. Да даже не представляли, что оно может существовать. Среди солдат поднялась паника, они рванулись обратно к берегу, надеясь, что там их не достанут. Офицерам с трудом удалось навести подобие порядка, но далеко не сразу.

Еще три раза войска Альянса ходили на приступ, но ничего не добились, только плотно усеяли пространство до самого берега. Когда начало темнеть, пришлось отходить и становиться лагерем. Паладины вскоре поняли, что осада будет долгой. Очень не хотелось этого, они надеялись, что города северного побережья удастся взять массированным приступом. Увы, не получилось.

Высшие офицеры Альянса изучали укрепления Кеодара. И как, интересно, брать эту проклятую крепость? Новое оружие элианцев сильно не понравилось им. Но запасы пороха у осажденных когда-нибудь закончатся, такое количество орудий должно пожирать его с бешеною скоростью. Да и пушки, выкашивающие солдат, как траву, не самое страшное. В дело еще не вступали имперские колдуны, которых паладины совершенно справедливо опасались. Кто их знает, слуг дорхота, чего им в головы взбредет? А когда прибежал вестовой с сообщением, что все окрестные источники воды отравлены, офицеры растерянно переглянулись. И как прикажете воевать в таких условиях?

3. Вторая

Здания орочьей столицы и по прошествии нескольких дней вызывали оторопь. Тинувиэль часто останавливался и рассматривал какой-нибудь особо причудливый дом, задумчиво покачивая головой и недоуменно топорща уши. Чем руководствовались строители, интересно? Узнать бы кто построил Рурк-Дхалад. Впрочем, эльфийские города в кронах огромных деревьев тоже показались бы людям странными. Поэтому нечего удивляться – у неизвестного народа было свое чувство прекрасного. И нельзя сказать, чтобы принц его не разделял. Порой встречались здания, похожие скорее на летящую песню, чем на дома. Такими он мог любоваться долго.

Встречные орки подозрительно косились на кончики длинных ушей Тинувиэля, но ничего не говорили. Каждый знал, что с имперским посольством прибыл эльф, предложивший Кагалу забыть о старой вражде. Оно бы и неплохо, воевать урук-хай никогда особо не любили и обычно, пока их не припирали к стенке, старались решить дело миром. Но уж больно страшные рассказы ходили об остроухих убийцах детей. В одной легенде даже говорилось, что эльфы сжигали заживо младенцев. Никто не знал, правда ли это, не верилось как-то, что разумное существо способно на такое зверство. Но что-то ведь перепугало предков до смерти, раз существуют легенды. Какое-то страшное деяние остроухих. Какое? А дorchot его знает! Прав эльф, давно пора оставить прошлое прошлому и попытаться понять друг друга. Тысячу семысот лет орки не видели никого из остроухих, а продолжали по привычке считать их безжалостными убийцами.

Однако так думали далеко не все орки, а остальных удерживал от нападения синий плащ гостя, выданный Кагалом. Тронуть носящего его не посмел бы ни один урук-хай, чтящий обычаи и законы: это налагало бесчестие на весь клан. Поэтому на принца старались не обращать внимания. Некоторые даже заговаривали с ним, особенно молодые, которым куда интереснее было то, что Тинувиэль горный мастер, чем то, что он эльф.

Впереди показалась ажурная, увитая спиральными лестницами башенка из темно-коричневого полированного камня, стоящая между двух шестиугольных черных пирамид. Принц остановился,

залюбовавшись. Красота какая. Будто дерево. Да нет, слишком правильно выглядит для дерева. Было у неизвестного народа чувство прекрасного, было. Хоть и основанное на резких противоположностях... Тинувиэль заворожено обходил башенку, не обращая внимания на окружающее, уделяя каждой витой решетке долю внимания.

Неподалеку стояли два довольно высоких цилиндрических дома мягкого пастельного цвета, увенчанные светящимися изнутри светло-серыми шарами. Стены были усеяны балконами, составлявшими непонятную композицию. Ничего в этом невероятном городе, наверное, не было просто так, все имело какое-то значение. Но какое? Кто бы знал. Сами орки, хоть и жили здесь полторы тысячи лет, многого так и не сумели понять.

На одном из балконов удобно расположилась стайка девушек. Они болтали, грызли орехи, смеялись. Орочки аккуратно складывали скорлупки в полотняный мешочек, с интересом поглядывали на эльфа, хихикали, но негромко, стараясь не привлекать к себе его внимания. Особенно очаровывал подружек свисающий с левого плеча принца черный шнурок. Надо же, на Волчью улицу, забытую Создателем Миров, забрел один из сказочных горных мастеров. К тому же – не кто иной как остроухий убийца. Эльф. Чудеса, да и только!

Слухи о том, что элианские горные мастера начали брать в ученики орков, гуляли по столице, обрастаю самыми невероятными домыслами. Порой такое рассказывали, что беднягу Кертала удар хватил бы. Хорошо, что до него эти слухи так и не дошли. На деле же Совет мастеров-наставников договорился с Кагалом Старейшин, что в ученики будут принимать отличившихся в бою егерей и тех молодых орков, кого изберут сами мастера. Понятно, что шансов, кроме егерей, не имел почти никто, но каждый честолюбивый юноша Рурк-Дхалада преисполнился чаяний. А вдруг случится чудо, и возьмут именно его? Да и не только юноши, многие девушки мечтали о том же. Имя Храта Сломанного Клыка стало легендой, его произносили восторженным шепотом. Часть этого восторга распространилась и на кровных братьев горного мастера, одним из которых был этот эльф.

На самом верхнем, совсем крохотном балкончике левого дома стояла довольно щуплая для орки, хмурая, низкорослая и некрасивая

девушка лет шестнадцати-семнадцати. Маленькие глазки непонятного цвета были наполнены печалью, вся ее поза выражала уныние. Что-то у нее случилось, и явно нехорошее. Она тоже поглядывала на Тинувиэля, но искоса, стараясь ничем не выдать своего интереса. Кое-кто из девушек с нижнего балкона то и дело отпускал в ее адрес шуточки, от которых она привычно сжималась в комочек.

Создатель, как же все надоело! Жить не хочется. Вторая, вечно вторая. Ну не виновата Раха, что уродилась такой неуклюжей! За что же травить так? У старшей сестры все само собой получается, любая работа в руках спорится под смех и шутки. У младшей тоже. Только она какая-то не такая. Отец с матерью вечно обзывают ее неряхой и неумехой, с самого раннего детства. Изо всех сил старается, но ничего у нее не получается толком, всегда что-нибудь да испортит.

Семья Радаг из клана Двойной Коготь была небогата, но вполне обеспечена. Глава семьи – известный ткач, поставлял тонкий беленый холст во многие города Оркограна и даже для продажи в империю. В маленькой мастерской работников не нанимали – не по карману, благо, детей уродилось много, два сына и три дочери, все уже выросли, хватает рук для любого дела. Не все, правда, выходило так, как хотелось бы.

Почтенного ремесленника очень беспокоила средняя дочь. Остальные две – девушки как девушки. Веселые, красивые, озорные, руки золотые. Парни за ними так и увиваются. А эта – недоделанная какая-то. Даже выглядит нелепо. Мелкая, некрасивая, все время в пол смотрит, от любого слова вздрагивает. Отец семейства не раз жаловался знакомым: лентяйка и фантазерка, вечно о чем-то мечтает, нет, чтобы о работе подумать. А как спросишь, о чем она мечтает – такого понарасскажет, что у нормального орка глаза на лоб лезут. Это ж как эдакое выдумать-то можно? Одно слово – «Вторая». Не нравилось все это твердо стоящему ногами на земле ремесленнику. Вот и пытался отец убедить дочь жить как все, а не витать в облаках. Она кивала, соглашалась, но продолжала оставаться такой же странной. Хуже всего, что нельзя было доверить ей никакой ответственной работы – обязательно замечается и испортит холст.

Самой девушке жилось не слишком весело, но она об этом никому и никогда не рассказывала. Никто ведь не посочувствует, только еще раз пнут. Отец с матерью относились к средней дочери,

как к убогой, жалели, но все время шпионали и воспитывали, надеясь сделать такой же, как остальные. Подруг у нее не было, другие девушки только обзывают и насмехались, говоря, что такую дуру и замуж-то никто не возьмет. Правы они, наверное... Уже и младшая сестра вовсю любовь крутит, а на Раху и внимания не обращают. Даже имени ее никто не помнит, Второй кличут, как собаку...

Последние несколько дней девушке было особенно горько – за плохо сотканный холст отец запретил ей идти на встречу молодежи города с живой легендой – орком, ставшим горным мастером. Вечером орочка, пытаясь сглотнуть комок обиды, тайком слушала восторженные ахи и охи сестер. И тихо плакала в уголке, стараясь, чтобы никто не заметил ее слез – это вызвало бы новые насмешки. Теперь вот случилось чудо, один из горных мастеров сам забрел в их небогатый квартал. Хоть посмотреть на него издали краем глаза...

– Эй, Вторая! – насмешливый голос Саги, яркой красавицы и ближайшей подруги старшей сестры, заставил привычно съежиться. – Вот, жених как раз для тебя! Тебе только с остроухим и вязаться! Да он тоже побрезгует!

Девушки внизу звонко расхохотались, а у Рахи от обиды затряслись руки. Почему, ну почему они такие жестокие?! Как можно издеваться над тем, кому и так больно? Она закрыла глаза, изо всех сил пытаясь удержаться от слез, но они все равно потекли. Девушка закрыла лицо руками, не желая показывать свою слабость, и сделала шаг вперед, сама не поняв того. Низенькие перила не удержали, и Раха, вскрикнув от неожиданности, камнем полетела вниз.

Тинувиэль рассматривал каменную лепку башенки, когда вверху что-то мелькнуло. Рефлексы не подвели, сразу вогнав эльфа в сверхскорость. Принц поднял глаза. На каменную мостовую медленно опускалась девушка. Точнее, это ему показалось, что медленно, на самом деле она уже почти упала. Тинувиэль рванулся к дому и над самой землей успел подхватить легкое тело. Сел, правда, на мостовую, но это было несущественно. Главное – успел поймать! Расшиблась бы насмерть.

Что-то мягко подхватило Раху, она только и успела, что отчаянно взвизгнуть. Распахнула глаза и поняла, что ее держит на руках тот самый горный мастер, за которым исподтишка наблюдала с балкона. Девушка захлопнула рот и ошеломленно уставилась в миндалевидные глаза эльфа. Орочка замолчала, однако визг не стих.

Только через несколько мгновений Раха поняла, что визжат ее старшая сестра с подругами, увидевшие, что Вторая упала, но еще не понявшие, что опасность миновала.

– Доброе утро! – поздоровался Тинувиэль и встал, поставив девушку на мостовую и едва сдерживая смех, выглядела бедняжка на изумление комично. – Зарядка, конечно, дело нужное, но сигать ради нее с балкона все же не стоило.

– Зарядка? – растерялась она. – Я... Ой, извините меня... Я... Это... Остутилась... Здравствуйте...

– Меня Тинувилем зовут. – Эльф приподнял уши. – А вас?

– Вто... То есть Раха.

– Вто? – несколько удивился принц. – Какое странное имя...

– Да нет! – Орочка отчаянно покраснела. – Меня Второй все время дразнят, я и привыкла.

– Ясно. – Тинувиэль слегка поклонился. – Ну, раз уж нас судьба свела, то, может, покажете мне город?

– С удовольствием... – Раха покраснела еще сильнее, хотя сильнее, казалось, было уже некуда. – Спасибо вам...

– Да не за что, – отмахнулся эльф. – Увидел, что вы падаете, и поймал. Так что Свет с ним, пустяки. Я хотел бы увидеть самые необычные места Рурк-Дхалада. Брожу с самого утра, глаза разбегаются. Красиво тут у вас.

– Красиво, – вежливо показала клыки девушка. – А вы Водопады Грез видели? Вот где по-настоящему красиво!

– Нет, – встрепенулся Тинувиэль. – С удовольствием посмотрю.

– Только туда идти далеко.

– Какая разница! – отмахнулся он. – Все равно делать нечего, это Храт у нас посол, а я так, сбоку припека. Но лучше так, чем мастеру Керталу на зуб попасть, загоняет до полусмерти. На крайний случай амулет связи есть, вызовут, если понадоблюсь. А вы свободны?

– Да! – поспешила заверить Раха.

Отец, конечно, выругает, что ушла. Ну и пусть! Дело обычное и даже привычное, дня не проходит без его ругани. Все ему не так,

габту старому, ворчит и ворчит. Плевать! Выпавший шанс поговорить с горным мастером девушка упускать не собиралась. Пусть даже он эльф. Какая разница!

Тинувиэль вежливо подал ей руку, орочка приняла ее, и пара пошла по улице. Раха обернулась и показала язык застывшим на балконе девушкам. Вот вам всем! Счастливо оставаться! Да, Вахья обязательно отцу нажалуется, но удовольствие того стоило. Какое лицо стало у милой сестрички – не описать. Раха едва не хихикала от возбуждения, но старалась вести себя солидно. Не каждой выпадает честь прогуляться под ручку с горным мастером.

Улица сменялась улицей, причудливые дома иногда вызывали у Тинувиэля недоумение, а то и оторопь. Они с Рахой болтали обо всем и ни о чем, на удивление быстро найдя общий язык. Было в этой некрасивой девушке что-то необычное. Только позже эльф понял, что именно: стремление к чуду. Она могла засмотреться на небо и упасть, не заметив камня под ногами, как он сам когда-то. Крылатая душа, одним словом, способная мечтать о чем-то большем, чем окружающая серость. Редкое качество даже среди эльфов. А Раха ведь урук-хай, что еще удивительнее, – ее народ всегда отличался практичностью. Постепенно эльфу удалось разговорить девушку, и она рассказала о своей невеселой жизни.

Тинувиэля посетило дежавю – у него было точно так же. Смеялись над младшим принцем все кому не лень, только что не издевались, не решались – сын Владыки Эльварана как-никак. Впрочем, были еще и старшие братья. Вот уж кто не давал ему жизни до самого бегства из дома. Наверное, именно поэтому эльф куда легче кровного брата воспринял изгнание. Тем более что выяснилось – наваждение, не было этого в действительности. Когда-нибудь он снова встретится с отцом и братьями. Когда-нибудь. Особенного желания не возникало – принц так и не простил их. И не знал, сумеет ли простить вообще.

Идти пришлось часа два, водопад находился на южной оконечности столицы, в глубокой котловине. Когда Тинувиэль с Рахой ступили на ее край, принц замер. Открывшееся взгляду казалось невероятным, невозможным, но, тем не менее, существовало. На глубине в полверсты возвышались витые, полупрозрачные синие столбы локтей семисот в высоту. Они причудливо изгибались, извивались, сходились и расходились. И из

каждого изгиба била струя воды. Разной толщины и силы. Струи смыкались, вращались, казались застывшим хрусталем. «Водная феерия».

– Мамочка... – прошептал эльф. – Какое чудо...

– Я же говорила! – просияла Раха. – Я очень люблю здесь бывать. Жаль, редко получается, отец не отпускает, ткать нужно, – тяжело вздохнула она. – Знал бы кто, как меня тошнит от этой работы...

Тинувиэль присмотрелся к ней внимательнее и мысленно присвистнул. Да девочка же вся горит, душевный огонь такой, что глазам больно. Огонь барда, как его еще называют. Вот так-так. Понятно, почему ей тошно, почему не может заниматься обычной работой, почему постоянно чувствует себя неудовлетворенной. У обладающего огнем иначе не бывает, сам такой, хорошо знает – каково оно. Беда только, если Создатель не дал ей таланта, тогда страшно, тогда сгорит, не имея возможности реализоваться.

– Взлететь бы... – почти неслышно прошептала Раха, на ее ресницах дрожали готовые сорваться слезы. – Взлететь бы... Туда, в небо. Хоть на минутку... Жаль, невозможно.

– А кто тебе сказал, что невозможно? – Брови эльфа, твердо решившего, что невероятная мечта обязательно должна сбыться, заинтересованно приподнялись. – Если хочешь по-настоящему сильно, все возможно!

– Но...

Тинувиэль наклонился к удивленной девушке и негромко продекламировал:

Мое ремесло – это дерзость, но это в крови.
Я умею читать в облаках имена тех, кто способен летать.
И если ты когда-нибудь почувствуешь пульс великой любви,
Знай – я пришел помочь тебе встать!^[4]

И добавил:

– Не бойся! Я прочел твое имя в небесах! Ты способна летать!

Затем подхватил Раху на руки и прыгнул в пропасть, не обращая внимания на многоголосые вопли ужаса позади. За спиной эльфа распахнулись полупрозрачные зеленые крылья и взметнули его вверх. Ветер ударили навстречу и принял смеяться вместе с Тинувиэлем. Вскоре к ним присоединился звонкий, восторженный смех Рахи. Опустившись к столбам водопада, принц нырнул в его струи, потом снова взлетел вверх и закружился в воздухе.

Девушка кричала от радости, плакала, смеялась. И не боялась! Совсем не боялась! От нее веяло воодушевлением, а не страхом. Тинувиэля все больше и больше интересовало это свалившееся на него с балкона маленькое чудо. Надо же, осталась крылатой. Пусть только в душе, но осталась. Сумела сохранить себя среди окружающей серости.

Что это? Разве так бывает?! Разве... Раха сходила с ума, тянулась навстречу бьющему в лицо ветру, пронизывающему ее насквозь. Внизу мелькали земля, вода, орки, показывающие на летящих пальцами и что-то восторженно кричащие. Эльф несся прямо сквозь струи воды, орочка промокла, но только счастливо смеялась. Чудо! Создатель Миров, спасибо тебе за этот дар! Краем сознания девушка поняла еще одно – к прежней жизни возврата нет. Не сможет она больше жить, как животное. Когда все закончится, она снова полетит. В одиночку. В последний раз. Вниз. Лучше так, чем снова сходить с ума от тоски и боли, зная, что никогда больше не подняться в небо. Но это будет потом, когда этот невероятно красивый крылатый эльф улетит, оставив ее внизу.

Раха каждой частичкой тела впитывала в себя прекрасные мгновения полета. Спасибо тебе, горный мастер, за то, что пришел и помог встать во весь рост! Помог осмелиться заглянуть самой себе в душу! Пусть даже ценой станет смерть. Не имеет значения. Главное – она встала и подставила лицо ветру.

Тинувиэль сам наслаждался полетом, не успев еще толком привыкнуть к тому, что крылат. Что может в любой момент взмыть вверх, оставив землю со всеми ее проблемами внизу. Но такого наслаждения от полета он еще ни разу не испытывал. Какая это, оказывается, радость – подарить другому мечту. Пусть на миг, но подарить. Душа орочки пела, ее счастливый, звонкий смех звучал в небе над Рурк-Дхаладом, заставляя эльфа самого смеяться и кричать разные глупости. Принц слышал чувства Рахи и радовался вместе с

ней.

– Тини, ты чего народ пугаешь? – оторвал его от безумств голос Храта.

Неподалеку парил на алых крыльях весело скалящийся орк.

– О, он и девчонку уже где-то прихватил. Вот ведь бабник неугомонный!

– Заткнись, зараза! – рассмеялся эльф. – Это совсем другое. Девочка крылата в душе. Раха, познакомься с моим кровным братом, Хратом Сломанным Клыком. И за что я его, гада, люблю, а? Сам не знаю…

– Здравствуйте, уважаемый господин, – потупилась девушка, прижимаясь к принцу.

– Ты глянь, не боится совсем, – удивился орк.

– А чего бояться, уважаемый господин? – Раха подняла на него глаза. – Я получила то, о чем всю жизнь мечтала. Пусть на миг, но теперь и умереть не страшно. Не жаль. Слышите? Не жаль!

– Ого… – с уважением протянул Храт. – Наш кадр! Ты где ее вырыл, морда?

– Сама на голову свалилась. – Веселый смех эльфа зазвенел вокруг.

– Это как? – озадачился орк.

– Шел по улице, смотрю, девушка с балкона падает. Я и поймал.

– Да-а-а… – Лицо Храта вытянулось. – Никогда бы не поверил. Такое только с тобой, бардом недоделанным, случиться может. Но ладно, летим в посольство. Мастер Кертал послал тебя искать, сказал: без этого паскудного эльфа не возвращаться. Зло-о-ой…

– Он нам устроит… – поежился Тинувиэль. – Это он любит.

– У тебя амулет не отвечал. Ты что с ним сделал, зараза ушастая? Мастер так орал, что я чуть не оглох.

– Ой!.. Потерял…

– Одно слово – бард! – тяжело вздохнул Храт. – Ладно, летим, а то Кертал нас точно заживо сожрет.

– Куда деваться, летим… – опять поежился Тинувиэль. – Раха,

тебя где на землю опустить?

– Все равно... – почти неслышно сказала девушка, вот мечта и закончилась, снова пойдет серая, пустая, наполненная отчаянием безнадежная жизнь.

Уловив ее чувства, эльф нахмурился. Пропадет ведь ни за что. Нельзя бросать ее так, она сейчас и в пропасть сигануть может. Показал небо, изволь теперь подумать о той, которая больше не может жить на земле без надежды взлететь. Правду говорил кто-то из мудрых: «Ты в ответе за тех, кого приручили...» Тинувиэль немного подумал, затем довольно улыбнулся, приняв решение.

– А не хочешь ли стать моей ученицей? – спросил он. – Мне как раз время ученика подыскивать.

– Я?! – потрясению Рахи не было предела. – Но...

– Во дает!!! – восторженно возопил Храт. – Не, мастер-наставник тебя точно удавит! Своими руками. Медленно. Но одобряю.

– А пусть! – фыркнул Тинувиэль. – Только учти, Раха, это не сплошные удовольствия, а адский труд. Гонять стану так, что тысячу раз этот день проклянешь. Думаешь, просто горным мастером стать? Ага, как же. Мечта поспать вдоволь надолго станет у тебя единственной.

– Пусть! Что угодно, только бы не эта тоска! – В глазах орочки загорелся огонек безумия. – Не эта серость! Я согласна!

– Вот и хорошо. Сейчас полетим в посольство, представлю тебя мастеру-наставнику.

Две крылатые фигуры, одна из которых держала в охапке миниатюрную девушку, поднялись над котлованом и понеслись над городом. Тысячи орков провожали их взглядами, наполненными благоговением. Легенда о великом герое Храте Сломанном Клыке получила новое подтверждение. Он, бедняга, и сам еще не подозревал обо всей той чуши, которую вскоре начнут рассказывать о нем на родине...

Мастер Кертал нервно прохаживался по двору посольства, недовольно бурча что-то себе под нос. Нет, эти пятеро обалдуев когда-нибудь точно его доконают.

Когда слуги сообщили, что эльф в одиночку отправился гулять по орочьей столице, старик едва не упал. Это же надо было додуматься! Даже без плаща с капюшоном? Сумасшедший, как есть сумасшедший! Хоть бы только с ним ничего не случилось... Понятно, что он и от полсотни егерей вполне успешно отмашется, учили хорошо. Да и картаги с ним. Но. Но! Кому нужны лишние конфликты в Рурк-Дхаладе? Императору – точно не нужны. Придется провести с безответственными юнцами кое-какую воспитательную работу...

Над двором что-то мелькнуло, и сверху медленно опустились на мостовую Храт с Тинувиэлем. За их спинами бешено бились полупрозрачные крылья. Алые и зеленые.

Так, эти не имеющие ни капли совести дорхоты еще и летают! Неужели не понимают, какое впечатление это произведет на орков? Какие дикие слухи породит их полет? Как можно быть такими идиотами?! Нет, пора заняться ими вплотную.

Эльф держал на руках миниатюрную, совсем юную орочку. Он опустил девушку на мостовую рядом с собой и замер, настороженно поглядывая на Кертала. Тот озадаченно приподнял левую бровь. Затем высказал двум оболтусам все, что о них думал. В соответствующих выражениях. Впору было заслушаться, таких выражений не использовали даже признанные мастера виртуозной ругани.

– Мастер-наставник! – заговорил Тинувиэль, когда старик выдохся. – Я, конечно, виноват, не подумал... Но...

– Что «но»?

– Я вот ученицу себе нашел...

– Что?!!

Кертал от такого известия схватился за сердце и выронил любимую палку. Он долго рассматривал эльфа с орочкой наполненными недоверием глазами, силялся хоть что-нибудь сказать, но дыхание перехватило от возмущения. Нет, женщины среди горных мастеров были, хоть и немного, куда без них, но орка? Не слишком ли? Несколько прия в себя, Кертал снова высказал безответственному барду все, что думал. На сей раз на урук-хее, чтобы «ученица» поняла, она, похоже, лаарского не знала.

– Простите, мастер-наставник, – нахмурился принц, – только поздно, я обещал. Извините, если расстроил вас.

– Расстроил... – недовольно проворчал старик. – Это не то слово, малец. Ты меня просто убил. Ты хоть объяснил бедной девочке, что за кошмар ее ждет? А, дурень ушаственный?

– Объяснил... – буркнул эльф, ковыряя носком мокасина мостовую. – Она согласна.

– Что же мне с вами делать-то? – простонал Кертал. – Только отвернешься, так они снова что-нибудь учинят. Уже ведь не ученики, а младшие мастера! Когда же вы думать научитесь, оболтусы?

– А что здесь такого? – удивленно поинтересовался Храт.

– Что? А то, что вы сорвали послезавтрашнюю церемонию выбора! Лучшие молодые егеря Оркограна собираются в столицу. Из империи прибывают полтысячи мастеров, ищащих себе учеников. Выбор обставляют с невероятной торжественностью, первому избранному Кагал собирается вручить жезл Памяти. Но вы все сделали по-своему, и первым учеником-орком стал не отличившийся в бою егерь, а безвестная девчонка. Вы хоть понимаете, что плонули всем этим егерям в лицо?!

– Ой, подхвостье гмырха... – Храт побледнел. – Мы ж не знали...

– Не знали они! – Старый мастер обреченно махнул рукой. – Значит так, красавцы мои. Сами дел натворили, сами и разгребайте. Тебя, Храт, череп Диких Котов хотел видеть, насколько я знаю. Вот сходите и объясните ему все. Может, он чего посоветует.

– Сходим... – кивнул ставший серьезным орк, оскорблять егерей ему никак не хотелось.

– Но это потом. Я ведь вас почему позвал, вас его величество видеть хочет. Эльдар третий час ждет, пока я вашу банду соберу. В Элиандре и возьмешь девочку в ученицы как положено. Здесь императорских башен нет. Тебя как хоть зовут, малышка?

– Раха... – почти неслышно ответила орочка, до смерти напуганная недружелюбным приемом и видом строгого старика. – Может, не надо? Я не хотела оскорблять господ егерей...

– Надо, не надо! – отмахнулся мастер-наставник. – Поздно. Дело

сделано, да ты здесь и ни при чем, это этим вот двум обормотам думать о последствиях своих поступков надо. Родители знают?

– Нет...

– Вечером вернетесь сюда и пойдете к ее родителям. Ясно? Это приказ.

– Ясно... – уныло буркнули Храт с Тинувиэлем.

– Ага, вот и остальные трое красавцев. Сейчас я еще Леку расскажу о ваших художествах, пусть порадуется, какие у него сообразительные ученички.

– А что случилось-то? – поинтересовался подошедший горец, за которым следовали Санти с Энетом.

– Да уж случилось. Слушай.

Пока старый мастер рассказывал, Лек вздыхал и втихомолку показывал смущенным эльфу с орком кулак. Те тоже вздыхали, чувствуя себя очень неуютно. Хоть горец и не был им больше наставником, они все равно ощущали его таковым.

Тинувиэль не совсем понимал, из-за чего весь сыр-бор. Хорошо, взял ученицу не в том месте и не в то время, но он ведь не знал о церемонии выбора! Да и о самой Рахе никто не подумал. Если разобраться, ей дико повезло, что эльф случился возле ее дома. Так и жила бы в тоске всю жизнь, не имея даже грана надежды на что-нибудь иное. А сколько их еще таких, не способных жить так, как живут их родные? Великое множество. И не поможешь ведь всем. Но хоть кому-то помог, и то слава Свету. А раз так, то пошел мастер Кертал со своими нравоучениями дорхоту в задницу!

– Готовы? – раздался сбоку чей-то резкий голос. – Его величество ждет.

Неподалеку стоял эльдар в серо-серебристом плаще. Туман на месте лица колыхался, казалось, капюшон пуст. Рыцарь престола был невозмутим, но Тинувиэль ощутил, что он куда-то очень спешит и досадует на задержку. Подаренная великими мечами эмпатия^[5] далеко не всегда нравилась принцу, но деваться было некуда. О своей новой способности эльф предпочитал помалкивать, даже кровным братьям не сказал ничего. Слишком это личное.

Чувство неуверенности все нарастало, Раха готова была

спрятаться куда угодно, но прятаться было некуда. Расскажи ей кто-нибудь еще утром о том, что вскоре случится, ни за что не поверила бы. Это ж как она так исхитрилась-то? Свалилась с балкона прямо в руки горному мастеру, причем нашла на кого падать – на эльфа, легендарного остроухого убийцу. Ладно, воспользовалась случайностью, пошла показать любопытному остроухому Водопады Грэз. Ничего особо страшного. Перед сестрой покрасоваться захотелось. Но вот то, что случилось дальше, не лезло уже ни в какие ворота. Эльф оказался крылатым и поднял ее в небо. Давняя детская мечта исполнилась. Такого невероятного восторга юная орочка не испытывала за всю свою короткую жизнь. А затем крылатый предложил ей, нескладехе Рахе-Второй, стать его ученицей. От такого ведь не отказываются, другого шанса не будет. Никогда! Но что же это получается? Своим согласием она оскорбляет господ егерей, обороныющих родную землю от карвенских святош? Ой, мамочка... Так мало того, эльф теперь ее еще и к самому элианскому императору тащит. Кошмар! Девушка готова была сквозь землю провалиться.

Эльдар пошевелил пальцами, и перед Леком появилось туманное облачко. Горец шагнул в телепорт, уже немного привыкнув к такому способу передвижения. Удобно, дорхот возьми! Это сколько бы времени заняла дорога в столицу без помощи мага? Месяца полтора, никак не меньше. За наставником последовали остальные. Тинувиэль решительно тащил за собой слабо упирающуюся Раху, перепуганную до смерти. Последним шел мастер Кертал.

Они оказались в большой комнате, со стенами, драпированными темно-коричневым шелком. Лек понял, что находится в императорском дворце Элиандара, где император обычно появлялся только во время приема послов. Левое крыло дворца занимал канцлер со своим двором. Здесь же располагались различные приказы, от торгового до промышленного.

Пока его величество занимался своими делами где-то там, во дворце жили спокойно, с достоинством, не спеша. Придворные шаркуны старались снискать милость канцлера, приказы работали ни шатко ни валко. Но когда появлялся император... О, тогда такое поднималось, что не передать. Знатный переполох. Шаркуны тут же прятались по углам, хорошо зная, как трепетно «любит» их его величество. Канцлер желтел и несся к императору с докладами. Маран молча выслушивал их, затем указывал на ошибки, случайные

или намеренные. Казнокрадства император не терпел, взяточничества тоже. Если кого-нибудь из чиновников ловили на этом, то такой шел на плаху. Других приговоров не было.

– Здравствуй, твое величество! – поклонился Лек императору, застывшему у огромного стрельчатого окна.

– А, это вы, – недовольно проворчал Маран, не поздоровавшись. – Наконец-то. Сколько вас ждать можно, дорхоты бесхвостые? У меня времени не так много!

– Извини, твое величество, – развел руками горец. – Тинувиэля искали. Он себе ученицу взять решил.

– Да? – в голосе императора появился интерес. – Орку, что ли?

– Именно, – ухмыльнулся Лек.

– А ну-ка, а ну-ка... – Маран подошел к дрожащей, уставившейся в пол девушке. – Крохотная-то какая... Тебя как зовут, девочка?

– Вторая... Ой! Раха то есть. Вторая – это кличка! Извините, ваше величество...

– Вторая?! – хрипло выдохнул император. – Так, вот и Вторая нашлась... Три кола дорхоту под хвост! Все по пророчеству...

– Что, твое величество? – побелел Кертал. – О ней говорится в пророчестве?!

– Говорится. Вспомни полный текст, ты его не раз читал. Я все никак не мог взять в толк, о какой это Второй там речь... А она – вот. Единый, как же оно все складывается-то так нелепо? И ведь до сих пор непонятно, чего нам ждать. Вот что страшно.

– Согласен... – тяжело вздохнул старый мастер, потерев щеку. – Нет ничего хуже неизвестности. Но давай об этом позже поговорим.

– Позже, так позже, – согласился император. – Но Лек в курсе дела, я ему сказал. Поделись с остальными, парень. Вам лучше знать, что вас ждет.

– Ты имеешь в виду то, о чем говорил мне в Замке Воинов, твое величество? – нахмурился горец, до сих не верящий в собственную избранность, несмотря на крылья.

– Да. Но не сейчас. Давайте посвятим девочку, затем я расскажу,

для чего вас позвал. Пора вам, ребятки, в серьезном деле побывать. На пользу пойдет. Только Раху придется оставить, не готова она к такому, погибнет. Кертал?

– Да зайдусь я ею... – недовольно проворчал старый мастер. – Зайдусь.

Раха с испугом покосилась на него. Зайдется? Вот этот строгий старик, напоминающий старейшину их клана, которого орочка боялась до одури? Что это значит? Ой, мамочки, похоже всплакнула. Серьезно. Причем – по собственной глупости. Обижаться не на кого, кроме как на саму себя. Девушка обреченно вздохнула, покорно выходя вслед за императором на большой полукруглый балкон. И замерла.

Комната, где они были, располагалась в очень высокой башне, с балкона открывался вид на весь город. Невероятный город... Орочка замерла, широко распахнутыми глазами глядя на переливающиеся в лучах солнца белоснежные, розовые, голубые и золотистые шпиши башен и дворцов Элиандара. Слышала как-то восторженные рассказы торговцев, бывавших в столице империи, но не верила им. Не думала, что такая красота где-то существует в реальности. Родной Рурк-Дхалад по сравнению с Элиандаром сразу показался девушке убогим и серым. В воздухе над имперской столицей плыли десятки разноцветных воздушных шаров, гавань слева заполняли тысячи кораблей со всего мира. По слухам, в Элиандаре жило больше полутора миллионов человек, хоть и верилось в это с трудом. Однако сейчас Раха поняла, что это вполне может оказаться правдой – город тянулся, насколько хватало взгляда.

– Я, Тинувиэль Эллевалериэ, принц из дома Хранящего Свет, владыки Эльварана, младший горный мастер боевого братства империи Элиан, беру в ученицы Раху Двойной Коготь и произношу Слово Воина! – Мелодичный голос эльфа заставил девушку вздрогнуть. – Прошу его величество императора занести мои слова в Анналы Братства!

– Занесено! – отозвался гулкий баритон Марана. – Ученица Раха, принимаешь ли ты ученичество? По доброй ли воле ты его принимаешь?

– Д-д-д-а-а-а... – с великим трудом выдавила из себя орочка, с ужасом глядя на пылающее яростным зеленым огнем навершие

императорской башни Элиандара над самой ее головой.

Храт подтвердил слова кровного брата и тоже произнес Слово Воина. Из шара на верхушке башни вырвался зеленый луч и ударил девушку прямо в лицо, вызвав сдавленный, испуганный писк. Император повернулся к изумленному не менее его самого мастеру Керталу. Снова все связанное с этой пятеркой ни на что не похоже. Это когда же бывало, чтобы луч был не в серый шнурок, а в самого ученика? Ни в одной хронике не описывалось такого. Маран тихо вздохнул под своей туманной маской. Давно он не мог думать ни о чем, кроме этого проклятого пророчества Пятерых.

Итак, загадочная Вторая найдена. Но ведь в пророчестве она – великая ведьма, имеющая редкую даже по меркам эльдаров силу. А у Рахи нет и крохи магических способностей, уж это император проверил сразу. Теперь очередь Третьей, или как ее еще называли в тексте пророчества – Охотницы. Судя по всему, это тоже будет подруга кого-то из юных оболтусов. Таковых пока имеют только Лек с Тинувиэлем, остальные трое не обзавелись. Хотя у Храта кто-то там есть, но это вряд ли что-нибудь серьезное, Кертал говорил, что молодой орк уже разочаровался в своей глупой красавице. Для постели хороша, но не более того. Что ж, остается только ждать. Ох, как не любил Маран, когда от него ничего не зависело...

Дрожащими руками Раха приняла из рук Тинувиэля горящий серым светом шнурок и долго смотрела на него, все еще не в силах поверить, что все это происходит с ней. Не с красавицей и умницей сестрой, а с ней – нескладной, неуклюжей, малорослой и некрасивой. Шнурок повис на левом плече и обжег кожу даже сквозь блузку. Орочка настороженно прислушивалась к его песне, а он пел, вот только эту песню, кроме нее самой и, похоже, наставника, никто не слышал. Мир открывался перед девушкой тысячами новых граней, до сих пор непредставимых. Что-то в душе переворачивалось, менялось раз и навсегда. Она понимала, что цена всего этого окажется немалой, но готова была эту цену платить.

– Гмырхово подхвостье дорхоту под нос... – почти неслышно сказал император. – Ты такое видал, дружище?

– Что? – не понял Кертал.

– Девчонка магом становится... Скрытый дар. Я о таком только читал, сам не встречал.

– То есть, она сейчас не только ученицей горного мастера, но и ведьмой стала? – нахмурился старик.

– Именно так. Но ей пока об этом говорить рано, придет время – научу всему, что нужно. Мальчишек я завтра отсылаю на Манхен, в одну из диверсионных групп – может, инициируются, жду этого с нетерпением. А девочку гоняй так, как этих обормотов гонял. Ни минуты роздыха не давай.

– Сделаю, твое величество.

Кертал с интересом изучал застывшую у ограды балкона Раху и отмечал про себя, какие упражнения и формы ей придется давать в первую очередь. Задачка та еще. У девочки очень плохая координация движений, дикая неуверенность в себе – явно родители постарались. Нелегко ей придется, даже труднее, чем Храту в свое время. Главное – заставить поверить в себя. На нее же и накричать толком нельзя, забьется в угол и плакать станет, вместо того чтобы побороть свою слабость. Ох, стар он уже, похоже, для всего этого. Пора на покой уходить. Девяносто два года – это вам не двадцать, не сорок и даже не шестьдесят.

Когда все вернулись в башню, Раха впала в обычное состояние полного неверия в себя. Создатель Миров, это ради нее сам элианский император сейчас творил непредставимую магию? Было бы ради кого... Девушка покосилась на пододвинутый ей Тинувиэлем стул и боязливо села на самый краешек. Даже не краешек, а на уголок. Стул, естественно, едва не перевернулся. С трудом удержавшись от визга, орочка судорожно уперлась руками в другую сторону сиденья и начала осторожно, рывками сдвигаться ближе к середине. Почему-то казалось, что все вокруг смотрят только на нее и смеются втихомолку. Она отчаянно покраснела, окончательно смущившись, и уперлась взглядом в пол. Стыдно-то как. Надо же было так опозориться перед императором...

Маран в самом деле незаметно посмеивался, глядя на девушку, но из-под маски этого не было видно. Он сам вырастил трех дочерей, поэтому прекрасно понимал метания Рахи. Вот отцу ее за такое воспитание морду бы набить не мешало. Какого дorchota ему понадобилось вбивать в мечтательного ребенка такой комплекс неполноценности? Неужели не понимал, что девочка отличается от других, и к ней неприменим обычный подход? Похоже, не понимал. Дурак. Дитя, судя по всему, очень талантливо, но страшно боится

привлечь к себе внимание. Наверное, только насмешки и шпильки дома получала. Ей сейчас очень нужно понимание и душевное тепло, надо будет сказать Керталу... Хотя, что это он? Уж мастер-наставник понимает такие вещи не хуже, опыта старику не занимать, сотни учеников вырастил. Сумеет добиться доверия обиженного ребенка.

Тинувиэль сунул в руки Рахе чашку с лартом. Девушка покорно взяла ее, только вот руки так тряслись, что горячий ларт плеснул на штаны. От неожиданности она выронила чашку, разбившуюся со звоном, показавшимся орочке похоронным звоном по ней самой. Девушка с ужасом уставилась на лужу у своих ног в полной уверенности, что ее сейчас вышвырнут не только из дворца, но и из учениц. Лицо Рахи было, наверное, настолько красноречиво, что многие не удержали смешка. От этих смешков орочка сжалась еще сильнее, из ее глаз крупным горохом посыпались слезы. Император задумчиво хмыкнул, щелкнул пальцами, и лужа вместе с осколками бесследно исчезла, а перед девушкой появилась новая чашка с парящим лартом.

– Не бойся, маленькая, – с сочувствием в голосе сказал его величество. – Теперь тебе нечего бояться, ты среди своих. Никто тебя не обидит. И меня бояться не надо, я к своим добрый. Раз уж ты в эту дурную компанию попала, то называй меня, как и остальные, на «ты».

– Я-а-а-а... – попыталась что-то сказать орочка, но не смогла, ее била крупная дрожь, да такая, что она едва не откусила себе язык.

Эльф встал, подошел и, ничего не говоря, обнял Раху. Девушка благодарно прижалась к нему, захлебнувшись давно прорывающимися наружу слезами. Тинувиэль что-то ласково шептал ей на ухо, орочка отчаянно рыдала, забыв, что на нее смотрит император, и никак не могла успокоиться.

– Напугали бедного ребенка до полусмерти... – неодобрительно проворчал мастер Кертал. – Слишком это все для нее было. Чем ее родители, интересно, думали, настолько зашпыняв девочку? Задницами? Похоже. Тини, передай ее отцу от меня пару ласковых сегодня вечером.

– Передам, – заверил его принц, продолжая утешать девушку. – Обязательно. И от себя тоже кое-что скажу.

Немного успокоившись, Раха вспомнила, где находится, и

залилась краской стыда. Никто не стал выгонять ее из-за стола за разбитую чашку, как обязательно случилось бы дома. Странно, непривычно, непонятно. Девушка растерялась, прежний опыт не помогал в новых обстоятельствах. Да что там, он оказался вообще лишним, ненужным. Здесь все было по-другому. Императора – самого императора! – называли на «ты», высказывали ему нелицеприятные вещи, даже обзывали...

Обсуждали отправку ее наставника с друзьями на Манхен, заниматься диверсиями в тылу святош. Поняв, что эльфу, к которому орочка прониклась трепетной благодарностью, грозит реальная опасность, она снова испугалась. За него. Это ощущение, бояться не за себя, а за кого-то другого, было непривычным, но в чем-то даже приятным.

Раха удивилась самой себе – Создатель, и что за чушь у нее в голове бродит? Нужно думать о том, что ее завтра начинает тренировать этот вот пугающий до безумия суровый старик, а не о красивом эльфе, при взгляде на которого сладко кружилась голова и слабели ноги. Да и не питала орочка никаких иллюзий по поводу себя – за ним, наверное, толпы красавиц бегают. Она даже не знала, насколько права...

По Волчьей улице двигалась небольшая процесия. Во главе шел череп знаменитого егерского полка Диких Котов с двумя подчерепами, все трое были изрядно навеселе. За ними следовали два горных мастера элианской империи – эльф и орк, тоже в подпитии. Многие узнавали прославившегося в последнее время Храта Сломанного Клыка и восторженно замирали при виде живой легенды. К эльфу жалась миниатюрная орочка, которую здесь хорошо знали, – дочь ткача Раста из восьмого дома. Соседи с недоумением поглядывали на нее, не понимая, что делает эта девица, которую в обычное время из дому и палкой не выгонишь, в обществе столь известных личностей, как командиры Диких Котов и горные мастера. Происходило что-то странное, и любопытствующие орки потянулись за процессией, всем было интересно узнать, в чем дело.

Это сон? Или нет? Раха была, как в тумане. После визита к элианскому императору они вернулись в Рурк-Дхалад, его величество создал портал небрежным движением пальцев. Эльф с орком, не успев отдохнуть, отправились на встречу с черепом Диких Котов,

зачем-то потащив девушку с собой. Впрочем, Раха и сама старалась не отставать от наставника, все еще не прияла в себя после посвящения. В голове был полный кавардак.

Егеря элитного полка издавна облюбовали себе для отдыха уютную таверну «Три Тролля» на северо-западной окраине столицы, неподалеку от казарм. Содержал ее вышедший в отставку бывший старший клык Диких Котов. Шума и драк здесь обычно не допускали, за чем внимательно следили старшие офицеры, от клыка до самого черепа. Бузотер, пропрезвев, обычно сильно жалел о своем поведении, имея столько неприятностей по службе, что больше никогда не решался шуметь в «Трех Троллях».

Горт Кривой Хвост очень обрадовался визиту Храта, он уж и не надеялся, что вечно занятый имперский посол найдет время. Череп тут же перезнакомил с ним всех случившихся в таверне друзей и приятелей. Многие молодые егеря полка готовились к послезавтрашней церемонии выбора учеников, офицеры тоже собирались прийти на площадь Камней, где она будет проходить, чтобы поболеть за сослуживцев. Они не обратили внимания, что второй горный мастер, кровный брат их героя, – эльф.

Врагами егеря считали карвенских святош. Видели их «подвиги». Если не успевали к месту высадки, и паладины захватывали какую-нибудь деревню, ее жителей убивали так страшно, что егеря потом сходили с ума от ненависти. Особенно при виде мертвых детей, с которых инквизиторы обычно заживо сдирали кожу. И жалости к палачам орки не ведали, убивая каждого карвенца, до которого могли дотянуться.

– А мы вообще-то к вам посоветоваться пришли, Горт, – вздохнув сказал Храт, когда все немного успокоились.

– Посоветоваться? – удивился офицер. – Что-то случилось?

– Да так, мелкая неприятность...

Слушая про похождения растяпистого эльфа в Пурк-Дхаладе, череп от души хохотал – а растяпу Тинувиэль сыграл мастерски. Рахе даже стало неудобно за наставника, таким недотепой он себя выставил. А ведь все из-за нее... Затем эльф достал из сумки небольшую лютню и спел несколько переведенных на урук-хее баллад. Создатель Миров, как же он пел! Раха откровенно плакала – да что она! – многие старые егеря, иссеченные шрамами, не сдержали

слез, слушая принца. Вся таверна завороженно внимала эльфийскому барду, поющему оркам на их родном языке.

Выпив еще эля, Горт немного подумал и предложил парадоксальный выход, принятый горными мастерами на ура. Оформленным задним числом приказом онемевшую от неожиданности Раху зачислили в егеря и торжественно объявили дочерью полка Диких Котов. Девушку заставили выпить огромную кружку крепчайшего эля, от чего она тут же опьянила, расплели десяток мелких косичек и заплели одну тугую косу, вплетая в нее ленты цветов полка – алью и черную. Именно так носили волосы егеря, по косе их узнавали всюду. Никто больше не рисковал заплетать косу, можно было и пинков схлопотать за наглость. Да и старейшины кланов неодобрительно относились к попыткам молодых орков выдать себя за егерей, что иногда случалось, и наказывали виновных очень строго.

Рахе вручили регалии егеря и новенькую хрустящую форму. Она только хлопала глазами, изо всех сил пытаясь убедить себя, что не спит. Эль шумел в голове, и орочка вела себя совершенно несвойственным ей образом – шутила, смеялась, танцевала и вообще чувствовала себя своей среди своих – впервые в жизни.

И вот теперь девушка подходила к родному дому, чтобы навсегда распрощаться с ним. Под взглядами соседей она чувствовала себя очень неуютно, серый шнурок на левом плече жег кожу даже сквозь ткань егерской формы, которая вызывала недоуменные перешептывания. Эта вот мелкая соседская девчонка – егеря? Да что же это на белом свете-то деется, уважаемые? Когда же это такое бывало? Но рядом с пигалицей шел череп Диких Котов, а значит – она имеет право носить эту форму. Горт подошел к круглой двери в дом отца Рахи и постучал. Вскоре хозяин появился на пороге.

– Я вижу перед собой господина Раста Двойного Когтя? – спросил офицер.

– Д-д-а-а...

– Я – Горт Кривой Хвост, череп егерского полка Диких Котов.

– Для меня величайшая честь приветствовать вас в моем доме, уважаемый! – Ткач низко поклонился, не понимая, что нужно от него столь высокопоставленному офицеру.

– По старой традиции командир полка всегда наносит визит

родителям нового егеря, – оскалился Горт. – Сегодня в полк была зачислена ваша дочь, и вот я здесь.

– Моя дочь?! – задохнулся от невероятного известия отец семейства. – Ох, ты ж... Которая, Вахья или Хада?

Перед глазами у него все плыло. Почтенный ткач даже подумать не мог, что семье выпадет такая удача – в Дикие Коты попадал мало кто, нужно было стать лучшим из лучших, чтобы на тебя обратили внимание офицеры легендарного полка. Да и то не всегда.

«Ох, девочки, вот так сюрприз вы преподнесли старику-отцу... Умнички вы мои, красавицы вы мои... Но кто же из вас стал егерем? Обе ведь дома, только дура Вторая где-то шляется. Ничего, останется без ужина – подумает в следующий раз, как на эльфов падать и старшую сестру дразнить».

– Ни та, ни другая, – довольно осклабился череп, будучи в курсе взаимоотношений в семье Радаг. – У вас ведь есть и третья дочь.

– Что?! – Желтые глаза пожилого орка стали круглыми. – Это Вторая-то?! Эта недотепа?!

– Не знаю, кто такая Вторая, но Раха Двойной Коготь занесена в списочный состав полка.

Гордо выпрямившись, орочка вышла из-за спины черепа и встала перед отцом, демонстрируя новенькую егерскую форму и косу с черной и алой лентами Диких Котов. Почтенный ткач смотрел на среднюю дочь и не узнавал ее. Куда девался устремленный в землю взгляд? Куда девалась вечная неуверенность в себе? Перед ним стояла сияющая радостью и гордостью юная орочка, даже красивая, форма очень шла ей. Да, удивила его Вторая, ничего не скажешь... От кого не ждал такого, так это от нее. И как это произошло, интересно? Чем она сумела заинтересовать черепа полка?

Раст жадно оглядел дочь. Хороша, непривычно хороша. Видимо, Рахе и в самом деле не место в мастерской, не приспособлена она к жизни ткачихи. Что ж, ей сильно повезло, пусть попробует себя в другом деле. Однако в глубине души пожилой орк испытывал досаду – почему, ну почему столь редкая удача выпала этой недотепе, а не красавице и умнице Вахье? Или Хаде, та не хуже. Несправедливо это. Он снова, уже с некоторой неприязнью, оглядел Раху. Девушка в егерской форме, ничего больше. Взгляд вдруг зацепился за какую-то выбивающуюся из общей картины деталь. Сперва ткач даже не понял

— за какую, только затем обратил внимание на светящийся мягким серым светом шнурок, свисающий с левого плеча дочери. Это что? Это же... Да нет, разве такое возможно?

— Имею честь также сообщить вам, что Раха Двойной Коготь приняла ученичество у горного мастера, — шагнул к порогу Храт. — У моего кровного брата Тинувиэля Эллевалериэ, младшего сына Хранящего Свет. Я — горный мастер боевого братства Элианской империи Храт Сломанный Клык.

— А-а-а... — только и сумел выдавить из себя Расти, неверяще глядя на живую легенду, непонятно как оказавшуюся у порога его скромного дома.

Из-за спины отца выскользнули Вахья с Хадой, услышавшие, что на улице происходит что-то необычное. Девушки сразу узнали горного мастера, виденного ими на встрече с молодежью города, и уставились на него настолько откровенными, обожающими взглядами, что Храт смутился. Затем они увидели сестру в пятнистой егерской форме и замерли с вытянувшимися лицами. А когда заметили на левом плече Рахи серый ученический шнурок, вообще не поверили своим глазам.

— Добрый вечер, уважаемый господин Расти Двойной Коготь! — прозвенел в воздухе melodичный голос эльфа. — Я — наставник вашей дочери.

— Но почему все этой недотепе?! — не выдержал ткач. — Лучше бы вы Вахью взяли...

— Почему? — Резко помрачневший Тинувиэль наклонился к невысокому орку. — А потому! Я дома был таким же Вторым, если не десятым. Хорошо помню, каково это. Я бежал и многое с тех пор добился, но отца с братьями так и не простил. И вряд ли прощу. Молите Создателя, чтобы девочка простила вас.

— Простила? — с недоумением переспросил Расти. — За что?

— Вы даже не понимаете... — горько усмехнулся принц. — Что ж, мне вас жаль, господин хороший. А девочка ваша не недотепа, она просто иная. Она способна на гораздо большее, чем эти вот двое. Все помыслы, небось, только о том, что вокруг видят. А для горного мастера этого мало, нужно уметь мечтать о небывалом.

— Может, вы и правы... — помрачнел ткач. — Я никогда не

понимал, чего ей надо.

– Меня просили передать вам пару «ласковых» слов за воспитание дочери, причем, просил сам император. И мастер-наставник, которому теперь придется выдавливать из Рахи неуверенность в себе, вбитую вами. Считайте, что я передал вам их слова, а они многое сказали. Думаю, вы понимаете, что именно.

– А императору-то вашему что до Рахи? – изумился Раст.

– Ничего, просто он ее сегодня видел, когда мы в Элиандаре были. А его величество, по его же словам, трех дочерей вырастил. Так вот, он сказал, что за такое воспитание руки нужно с корнем выдирать. Извините уж за откровенность! Не понимаю! Она ведь ваша дочь, вы же к ней хуже, чем к собаке, относились! Разве так можно?

– Это она так думает? – нахмурился ткач. – Да, я ее не понимал и не понимаю. Но ведь неправда, что как к собаке! Хотел только, чтобы она не хуже других была, а она вон как восприняла...

Он обреченно махнул рукой, в глазах застыли слезы обиды.

– Грустно все это... – вздохнул Тинувиэль. – Девочке ведь порой только несколько ласковых слов от вас нужно было, а не постоянные нотации. По себе помню, насколько это больно и обидно – выкладываться до последнего, надеясь получить похвалу отца, а вместо этого... А! Не хочу вспоминать! Она же тепла и доброты в жизни не видела, неужели вы этого не понимаете? Она плакала, а «любимые» сестры над ней смеялись. Знаете, когда бывают подкованным сапогом в самую душу, это очень больно... И такого не прощают.

– Все мы, наверное, были в чем-то неправы... – Раст опустил голову.

Впервые в жизни пожилой орк задумался о том, что чувствовала девочка, которую с самого раннего детства только шпионали, ставя в пример сестер. Она изо всех сил тянулась, с трепетом ждала хоть малейшей похвалы, но не получала ее. Только новые поучения. Вспомнилось почему-то, как Рахе впервые удалось выткать холст без грубых ошибок, и она принесла готовую работу отцу, с робкой надеждой глядя на него. А он, вместо похвалы, принялся выискивать мелкие погрешности и тыкать дочь в них носом. Сейчас ткач вспомнил, как помертвела в тот момент девочка, как погасла, так и не

услышав ни одного доброго слова. Вот с того времени, похоже, она и замкнулась в своих фантазиях.

– Кстати, именно ей послезавтра на площади Камней будет вручен Кагалом жезл Памяти, как первому орку, ставшему после уважаемого Храта учеником горных мастеров, – добавил недобро скалящийся череп, сильно не любивший, когда кого-нибудь все время топтали и унижали, как бедную девушку в этой семейке.

Потрясенные взгляды отца, матери, сестер и соседей бальзамом пролились на душу Рахи. Когда отец неожиданно подошел и попросил прощения, девушка очень удивилась, но тут же простила родным все обиды и бросилась обниматься, уже не сдерживая слез радости. Начался веселый переполох. Соседи повытаскивали из домов столы, устроив импровизированный праздник. Как же, уроженец Волчьей улицы вышел в горные мастера и егеря, такое грех было не отметить.

Вахья с Хадой все время теребили Раху, расспрашивая о случившемся и бросая завистливые взгляды на красивого эльфа, ставшего наставником их сестры. В полет над пропастью они, правда, не поверили, а слухи до улицы еще не докатились. Но и всего остального хватило для множества восторженных ахов и охов. Путь той, кого во всем мире вскоре станут звать Серой Звездой или Черной Ведьмой – в зависимости от отношения – только начинался.

4. Охотница

Густой подлесок хорошо скрывал отряд от постороннего взгляда. Затянутые в пятнистый камуфляж фигуры неслышно скользили между деревьями. Ни одна ветка не хрустнула под их ногами, ни один сухой листок не зашелестел. Они неслись подобно привидениям, казалось, что их не существует, что это какое-то наваждение, а не живые люди.

Впереди двигался командир, средних лет горный мастер Артин, родом с южного побережья Манхена. За ним призраком скользил отрядный маг, балагур и весельчак Ронх, сразу сошедшийся с Санти на почве любви к розыгрышам. По сторонам шло боковое охранение, роль которого выполняли Храт с Энетом. Последними были Тинувиэль, Лек и рыжий, даже на бегу довольно скалящийся, и еще три молодых мастера, недавно получивших черные шнурки.

Их отряду поручили препятствовать поставке продуктов и воды с Даркасадара на Манхен между Париадаром и Хардаланом, уничтожать небольшие подразделения в тылу карвенцев, охотиться на офицеров и вообще всеми силами сеять панику среди солдат врага. Многое, понятно, десять человек сделать не могли – между столицами двух провинций было больше пятисот верст. Но таких отрядов в лесах северного побережья была не одна сотня. Бесчисленные поселения и деревни опустели – людей по приказу императора отвели за перевалы Барталадарских гор, где на Раханском плоскогорье выстроили хорошо защищенные города-крепости с запасами воды и продовольствия на десять лет осады. Но чтобы добраться до этих городов, врагу для начала придется прорваться через перевалы, а сделать это не так-то просто – проходы перекрывали высокие каменные стены. Осадные машины по узким горным тропам не протащишь, придется штурмовать как есть, своими силами.

Север материка, за исключением осажденных городов, достался войскам Альянса, но это оказался рывок в пустоту – святоши не обнаружили не только имперских полков, но и мирных жителей. Теперь захватчики в растерянности бродили по бесконечным лесам, пытаясь понять, что им делать дальше.

Хуже прочего было, что на захваченной территории не осталось

никаких запасов продовольствия, а вода была заражена какой-то болезнью. Карвенцы с нартагальцами мерли от нее, как мухи. До тех пор, конечно, пока солдатам не запретили пить местную воду. Из Карвена и Нартагала начали приходить бесчисленные транспортные корабли с продовольствием и водой, но до создания достаточного запаса войска Альянса дальше наступать не могли. Вот и топтались они на прибрежной линии, стараясь не углубляться в леса дальше, чем на двадцать-тридцать верст.

Большинство разведывательных отрядов бесследно исчезало, а возвращающиеся одиночки рассказывали такие ужасы и небылицы, что поверить в них здравомыслящий человек не мог. Как возмущались вечерами в своих палатках карвенские и нартагальские офицеры! Так не воюют! Имперцы просто издеваются над всеми канонами тактики и стратегии! Только эlianцы на возмущение врагов плевали с высокого потолка – они продолжали убивать исподтишка, очищая свою землю от незваных гостей.

В список успехов отряда, в который вошли пятеро друзей, за неделю попали несколько потопленных файрболлами мага небольших шлюпов с продовольствием, два убитых полковника, десяток лейтенантов и взвод нартагальских кирасиров. Последних перебили так быстро, что они не успели даже за мушкеты схватиться.

Подобное происходило повсеместно, и встревоженные действиями диверсионных групп командующие вражеских армий отдали приказ передвигаться только большими отрядами. Чаще всего солдаты предпочитали отсиживаться в хорошо укрепленных лагерях, все равно в округе не осталось ни одного человека, грабить некого. В войсках постепенно начинался глухой ропот – это что за война такая идиотская? Какие-то неуловимые призраки нападают из леса, убивают нескольких солдат или офицеров и бесследно исчезают. Поиски не давали никаких результатов. Нападавшие растворялись в лесу, не оставляя следов.

Отправившийся на разведку Тинувиэль на мгновение показался впереди между деревьями и поднял руку, предупреждая о врагах. Командир показал двумя большими пальцами в стороны, приказывая рассредоточиться. Отряд растворился в лесу, а Артин с Леком кошками скользнули на ближайшее дерево, скрывшись в густой кроне. Вскоре там же оказался и эльф.

– Что? – почти неслышно спросил Артин.

– Полсотни человек, сопровождают какую-то важную персону. В основном паладины, но невысокого посвящения. Полных всего трое. Кстати, у них пленница. Какая-то дура не ушла с остальными в горы, похоже.

– Ясно, – кивнул командир, поворачиваясь к горцу. – Что думаешь?

– Справимся, – криво усмехнулся Лек. – А пленница?.. Останется жить – ее счастье. Нет – так нет. Ей лучше умереть, чем в руках голодной до женщин солдатни оказаться. Только вот важную персону мы отпустим. Наш план помнишь?

– А то! – тихо рассмеялся Артин. – Фантазия у вас на пакости, однако... Представляю, чего эта персона своим порасскажет.

– Вот-вот, – довольно осклабился горец, затем повернулся к принцу – Тини, ты во время боя сделай вид, что маску потерял. Пусть святоши эльфа увидят.

– Я еще и постреляю для начала немного... – кивнул тот – Лук свой я забрал из Тарсидара. Пусть стрелы останутся, так убедительнее – таких стрел вы, люди, делать не умеете. Их любой карвенец опознает.

Он был прав: зеленые, сделанные из непонятного упругого материала, покрытые рунами и ощутимо пропитанные странной магией, эльфийские стрелы невозможно было спутать ни с какими другими. Интересно, как себя поведут карвенцы, решив, что у них в тылу высадился эльфийский десант, выбравшийся за каким-то дорхотом из своего заколдованных леса? Перепугаются до смерти, скорее всего. А вечером можно будет усугубить впечатление нападением орков на укрепленный лагерь, Храт с удовольствием побросает по святошам томагавки и несколько раз покажется, чтобы уж точно узнали урук-хай.

Отряд паладинов, сопровождающих высокопоставленного инквизитора, одного из Светочей Веры, прибывшего с инспекцией, передвигался медленно и осторожно, опасаясь нарваться на загадочных невидимых убийц. Скольких уже офицеров те положили! Слухи в армии ходили самые разные, но командующие армией Альянса все-таки склонялись к мысли, что это, скорее всего, имперские горные мастера. Никто другой не сумел бы так легко уйти от хорошо тренированных бойцов, каковыми были паладины. Светоч

Веры посетил уже три больших лагеря – готовилось наступление, необходимые припасы и снаряжение потоком поступали из Карвена, Нартагаля и Даркасадара.

Еще одно обстоятельство очень раздражало святую инквизицию. Манхен ведь был довольно плотно населен – куда все это население подевалось? Не бывает так, чтобы сотни тысяч человек бесследно исчезли. Куда-то их спрятали, и первосвященники требовали от командующих армией выяснить, куда именно. Главная цель святой войны, борьба с еретиками, не достигнута. Это очень не нравилось инквизиторам, вынужденным со скуки выискивать крамольников в собственных войсках. Ежедневно они «воодушевляли» солдат кострами, на которых десятками горели их сослуживцы. Инквизиторы сожалели, что им не было доступа к войскам союзников, уж там бы они развернулись по-настоящему, там еретиков с избытком. Но увы – союзники. Ничего, их время еще придет. Скорее бы найти население Манхена, этих защитить будет некому, особенно после поражения империи, в котором святые отцы не сомневались. Никогда еще Карвен не собирал такой большой и сильной армии.

Вчера вечером отряд обстреляли, положив нескольких паладинов невысокого посвящения. Остальным впервые за все время с начала войны повезло – стрелка удалось взять живым. Такого до сих пор не случалось, и Светоч Веры приказал не трогать пойманную девчонку, на что солдаты ответили глухим недовольным ропотом. Да, как ни странно, стреляла совсем молодая девушка, затаившаяся на дереве. Ее уже раздели и собирались было пустить по кругу, когда подошел отец-инквизитор. Он тут же наложил на паладинов епитимью и забрал связанную лучницу, решив заняться ею позже. Пленницу пришлось нести весь день, солдаты успели так избить ее, что она не могла ходить. Сейчас девчонка, привязанная к дереву, затравленно смотрела на инквизитора, любовно готовящего пыточные инструменты.

Джартан, паладин шестого посвящения, стоял на страже, с трудом сдерживая зевоту. Одновременно он настороженно вслушивался в звуки ночного леса. Какие-то птицы верещат, да противно так, дома таких нет. Где-то рычит крупный хищник, но это не опасно, не полезет зверь к кострам. Часовой переступил с ноги на ногу и поежился, вспомнив полностью вырезанный небольшой лагерь, найденный отрядом несколько дней назад. Как кричал Светоч

Веры, какие кары небесные призывал на головы проклятых еретиков. Да Джартану и самому страшно было видеть трупы сослуживцев, многих из которых он неплохо знал, кое с кем даже сиживал за кружкой эля в казарменных тавернах. Вспомнив вчерашнюю девку, он досадливо цыкнул зубом. Принесло же этого паскудного инквизитора, только собрались с ребятами развлечься немного. А теперь Светоч Веры быстро превратит ее в воющий от боли кусок мяса, – видел он, что делают инквизиторы со своими жертвами.

Над головой внезапно раздался тихий шелест, и часовой встрепенулся. На Манхене водились ядовитые змеи, нападающие из кустов. Не хотелось бы нарваться на такую. Паладин не успел понять, что угрожает ему совсем не змея, а куда более опасное существо – человек. С ветки над головой медленно опустилась удавка и захлестнула его шею. Он судорожно дернулся несколько раз, и отдал Богу душу.

– Готов? – почти неслышным шепотом поинтересовался Санти.

Энет кивнул, лицо графа исказила брезгливая гримаса – не любил он убивать таким образом.

– Все часовые мертвы, – сказал незаметно подошедший Лек. – Тини, давай. Твоя очередь.

– Хорошо, – хищно усмехнулся принц.

Он взобрался на дерево, уселся в удобной развилке, достал из-за спины лук и натянул тетиву. Поляну, на которой остановились паладины, было видно как на ладони. Первым делом в поле зрения попали привязанная к дереву девушка и готовящий пытку инквизитор. Как жаль, что эту сволочь приказано оставить в живых. Но ничего, он свое все равно получит. Эльф зло оскалился и смазал наконечник первой стрелы очень интересным ядом, который знали только в Эльваране. Пузырек в поясной карман он припрятал заранее. На всякий случай. Этот яд убивал не сразу, а через полгода, причем умирал отравленный чрезвычайно неприятным способом – гнивая заживо.

Тинувиэль прицелился и спустил тетиву. Стрела вскользь задела руку инквизитора. Тот отчаянно завизжал и попытался спрятаться за ближайшим деревом. Принц едва слышно рассмеялся – все, святоша, ты уже мертв, только еще не знаешь об этом. Стрелы летели одна за другой, на поляне поднялась паника, солдаты бросались из стороны в

сторону, пытаясь спастиесь. Однако офицеры быстро навели порядок, принявшиеся отбивать стрелы мечами – паладины полного посвящения были на многое способны. Пора самому браться за мечи, стрелять дальше смысла нет. Тинувиэль обнажил картаги и мягко спрыгнул на траву, оставив лук и котомку на дереве – потом вернется.

Из леса на поляну одна за другой выскальзывали фигуры в грязно-зеленых пятнистых комбинезонах и масках, и накидывались на солдат и паладинов. Первых резали, как свиней, бедняги вообще не успевали ничего понять, зато со вторыми приходилось повозиться. Но против двух-трех горных мастеров даже паладин полного посвящения долго продержаться не мог.

Командир отряда сопровождения, полковник Рекст Охайрон, сражался с одним из пришельцев, отчаянно защищая свою жизнь. Он почти уверился, что перед ним горный мастер, никто другой не может так владеть мечами. Только фигура врага настораживала, какая-то она была обманчиво хрупкая. Отчаянным выпадом офицер задел врага, и с того слетела маска. Рекст едва не выронил меч, увидев наполненные яростью миндалевидные глаза и острые уши эльфа. Поняв, что разоблачен, перворожденный мелодичным голосом прокричал: «Элтиэ аль диль атэль!» – и отпрыгнул в сторону, исчезнув в зарослях. Вслед за ним скрылись и остальные нападавшие.

Оставшиеся в живых шестеро солдат, офицер и инквизитор долго приходили в себя. То, что пленница куда-то пропала, они заметили далеко не сразу, да и не до нее как-то было – слишком ошеломляющей оказалась страшная новость, что эльфы вышли из своих заповедных лесов и вступили в союз с империей еретиков, которую сами же когда-то объявили злом. Собрав стрелы, выпущенные из леса, офицер окончательно уверился в своих выводах. Перворожденные! Никто иной. Видел в старых книгах рисунки таких стрел, их только эльфы и делали, точнее, выращивали каким-то образом.

– Немедленно в главный лагерь! – глухо приказал инквизитор, едва успев перевязать себе руку. – Хоть один должен дойти и сообщить.

– Ночь... – поежился офицер. – Светоч Веры, идти по этому лесу ночью – самоубийство.

— Значит, выходим, как рассветет, — сказал тот, немного подумав. — К обеду доберемся к основному лагерю шестой армии, если поспешишь.

Они и не подозревали, что никто их больше не тронет: диверсионные группы имели постоянную связь друг с другом и в каждой знали, какой отряд можно бить, а какой не стоит.

Затаившаяся в удобной развилке ветвей пума встрепенулась и проводила взглядом пронесшихся мимо нескольких странных существ. Они прыгали с дерева на дерево, передвигаясь с невероятной скоростью. Животное недоуменно почесало задней лапой ухо и решило на всякий случай сменить место ночлега. Пума зло мяукнула и с сожалением оставила излюбленное место, отправившись на поиски нового.

Храт прыгал с ветки на ветку все так же быстро, но чувствовал, что начинает понемногу уставать. Отбитую у инквизитора жертву привязали ему к спине, как самому сильному. Орк не протестовал — не Энета же нагружать, графенок слабоват еще. Сам-то вон как летает, но с грузом за полчаса сдохнет, мало его мастер Кертал гонял, мало. Однако же девица тяжеленькая попалась. Здоровая дылда, почти с него самого ростом. Но не трусит, висит себе на спине, смотрит на пролетающие мимо кроны деревьев и молчит. Не орет... Это вызывало уважение, тем более что пленница была в сознании, вертела головой, дергалась, из-за чего Храт раза два едва не свалился вниз. Приказал дуре не шевелиться, она в ответ послала его куда подальше на незнакомом языке. Явно послала, интонации были соответствующие. Характер, похоже, еще тот.

Впереди прокричал филин — командир подавал сигнал, что нашел безопасную поляну для отдыха. Орк облегченно вздохнул, мышцы уже ощутимо ныли. Он завис, ухватившись одной рукой за ветку, и всмотрелся в темноту. Ночное зрение друзьямставил сам император, и Храт видел все вокруг как днем, только в оттенках серого. Ясно, овраг, незаметный среди заросшего леса. В эдаком-то буреломе и так ничего не найти, а тут еще и овраг. Если бы не девица на спине, он прыгнул бы вниз головой, перекатился и встал на ноги, но из-за нее пришлось спускаться осторожно, с ветки на ветку. Оказавшись на земле, орк скользнул в овраг. Ого! Командир нашел чудное место. Ручей неподалеку, сухая глинистая земля, даже травы немного есть. Сверху все закрывают побеги лепеники, куста, ягоды

которого жители Манхена собирали все лето, заготавливая на зиму. Сушили, варили варенья и морсы, делали довольно приятное вино. Пробовал Храт как-то лепениковое вино, очень даже неплохо пошло. Надрались они тогда вдвоем с эльфом вдрызг, таверну разнесли, потом от мастера Ланига так влетело, что вспоминать тошно.

– Снимите с меня это тяжеленное чудище! – недовольно проворчал орк. – Спину уже ломит.

– Подожди немного, – отмахнулся Лек, расстилая на земле одеяло.

Затем аккуратно отвязал продолжающую молчать девушку и положил на него. Кто-то еще зажег небольшой походный фонарь. Спасенная все так же молча и очень мрачно рассматривала обступившие ее фигуры в темно-зеленом камуфляже, пытаясь, видимо, понять, кто перед ней. Девушка отличалась изрядным ростом, будучи почти на голову выше Энета.

– Пустите-ка! – вышел вперед маг. – Не бойся, я маг, сейчас подлечу тебя немного.

– Крэ охт экве раом! – непонятно ответила девушка, настороженно глядя на него.

Лек нахмурился – очень искаженный вариант декве, его родного языка, на котором говорило все население Барталадарских гор и окрестностей. Но слишком уж искаженный, почти невозможно понять. Интересно, откуда она родом? Откуда вообще взялась на побережье?

– Она спрашивает, кто мы такие и какого дorchota нам от нее надо, – перевел горец. – Но я ее тоже понимаю с трудом, очень странный диалект.

– Не дело это... – нахмурился маг. – У меня есть переводной талисман для допроса пленников, можно пока воспользоваться.

Он порылся в своем кошеле, достал оттуда небольшую клипсу и резким движением защелкнул на мочке уха девушки. Та с гневным воплем попыталась сорвать украшение.

– Не трогай! – резко сказал Ронх. – Пока клипса на тебе, ты будешь понимать нас, а мы тебя. Ясно?

– Ага... – Пленница убрала руку от уха. – Вы, хвост горлом, чё

хотите?

– Вообще-то, от пыток тебя спасли, – удивился Лек.

– А я, хвост горлом, просила?! Идите вы...

И проинформировала, куда следует направиться незваным спасителям, как туда добираться, и вообще поделилась своими соображениями об их родословной. Храт заржал, слушая изощренную ругань. Ну, девка, ну дает! Остальные тоже улыбались, ничуть не обижаясь. Понимали, что бедняжка после всего пережитого в шоке.

– Успокоилась? – иронично поинтересовался Артин, когда девушка замолчала. – Ты лучше скажи: какого дорхота ты на побережье делаешь? Почему вместе с остальными в горы не ушла?

– Живу я здесь... – пробурчала пленница. – И племя наше... Жило.

– Жило? – прищурился командир. – В горы ушли?

– Не... Я на охоте была, декаду цельную. Вернулась с добычей, а они все мертвые... Убили их.

– А почему вы вообще остались здесь? – удивился Лек. – Неужто не слышали, что война началась? Император приказал всем племенам уходить, все знали, что мы не станем удерживать побережье!

– Какая война? – Девушка растерянно оглядела окружающих ее людей. – Какой император? У нас вождь был, Мака Битый Нос. Никаких императоров не знаю.

– Вот так так! – хлопнул себя руками по бокам Артин. – Она из крохотного кочевого племени, которое даже не знало, что живет в Элианской империи. Таких, по слухам, десятка два еще по лесам Манхена бродит. Я-то думал – сказки, а оно вот – живое подтверждение. То-то святоши обрадовались, небось, хоть кого-то отловив. Твои сородичи в чужое противостояние попали, девочка...

– Я этих сук убивала и убивать буду! – с яростью выкрикнула она. – Не прощу им...

Девушка закусила губу, едва сдерживая слезы.

– Кто ж детей убивает-то? – с мукой в голосе выкрикнула она. – Как же можно?! Та они ж такое сотворили, шо...

– Инквизиторы, наверное... – сочувственно вздохнул Энет. – Они и худшее творят. Мы тоже их убиваем и убивать будем, пока на нашей земле ни одного не останется. А потом придем к ним домой и выжжем заразу дотла.

– Ладно, разговоры потом, – вмешался Ронх. – Сейчас я тебя подлечу чуток, а то не дело, что ходить не можешь.

– А ты кто?

– Маг. Или шаман, по-вашему.

– А, шаман... – успокоилась девушка и позволила ощупать себя.

Руки Ронха засветились зеленым светом, он быстро шептал исцеляющие заклятия, обследуя освобожденную пленницу. Затем выдохнул слово-активатор, и девушка с воплем выгнулась дугой. Маг отряхнул руки и отошел, довольно ухмыляясь себе под нос. Пострадавшая ошалело хлопала глазами, ничего не понимая, затем неуверенно встала на ноги. Ощупала себя и восторженно присвистнула.

– Ну, ты крутой шаман, дядька... – восторженно сказала она. – Ничо не болит! Наш тако не умел.

– Этому только в элианской Академии прикладной магии учат, – понимающе улыбнулся Ронх. – А теперь садись, поедим. Голодная, небось?

– Ну... Да.

– Вот и лады, – кивнул Лек, распаковывая мешок со снедью. – Идти тебе, похоже, некуда, при нас побудешь. Зовут-то как?

– Тарика, – хмуро ответила девушка. – Токо меня ни одна собака так не звала, Охотницей кликали, али Тайкой. Здоровая я больно для девки уродилась, того и охотиться стала, все одно б никто замуж не взял. А жить надо. Мамка была больная, слабая совсем, братейка с сеструхой малые...

Вспомнив, что никого из родных уже нет в живых, Тайка сжала кулаки, в глазах появились слезы. Но одновременно в них читалась решимость отомстить. Любой ценой отплатить убийцам.

– А вы кто? – спросила она, немного успокоившись. – Никада не видала, шоб люди тако по веткам скакали.

— Горные мастера Элианской империи, — ответил Артин. — Слышала о таких?

— Слыхала, как не слыхать. — Девушка вздрогнула, посмотрев на окруживших ее людей с откровенным страхом. — Токо шаман баял, шо они демоны...

— Нет, не демоны, просто очень хорошо тренированные воины, — улыбнулся наивным бредням Лек. — Я сам родом отсюда, из племени Легконогих. В горах жили, потом империя пришла, стали ее подданными. Я вот на горного мастера выучился. И ты сможешь выучиться, если сильно захочешь. Только это очень трудно, спроси вон ребят, они совсем недавно черные шнурки получили.

— Точно наставник говорит, — согласился Энет, — думал, с ума сойду, так гоняли. Зато многое могу теперь. Так что ты нас не бойся, мы тебе плохого не сделаем. Вот святошам нас бояться надо.

— Это они моих убили? — голос Тайки дрожал.

— Больше некому, — развел руками юный граф. — Не вы первые, не вы последние, к сожалению. Вон Храт скажет, что с их деревнями на побережье карвенцы творят.

— А чего тут говорить? — зло проворчал орк, вцепившись зубами в кусок твердой, как камень, колбасы. — Давить их, паскуд, надо. Лезут и лезут, будто им у нас медом намазано. Сидели б себе в своем Карвене вонючем, кто б их трогал, так нет же. Все им мало. Но ничо, узнают почем фунт лиха. Скоро уже.

Привычные к походной жизни горные мастера выложили припасы прямо на расстеленное одеяло и с аппетитом принялись за еду. Тайка, впрочем, от них не отставала. Ничего особенного не было — сухари, колбаса, мелкий лук и сущеная рыба.

Поняв, что перед ней не враги, девушка несколько успокоилась. Она ведь уже подготовилась к страшной смерти. Вспомнив бегающие масленые глазки жирного инквизитора с его инструментами, Тайка вздрогнула. Будто камлать готовился, шаман точно так же свои принадлежности готовил. А затем налетели эти затянутые в пятнистую ткань воины и выдернули ее прямо из рук палача. Полет сквозь кроны деревьев вспоминался, как кошмар, как наваждение, до сих пор не верилось, что люди такое могут.

Белки, родное племя девушки, скитались по бесконечным

манхенским лесам уже не одно десятилетие, они даже не заметили захвата материка Элианской империей. Жили охотой и собирательством, избегая встреч с крупными племенами. Если замечали неподалеку чужое поселение, то сразу откочевывали, наученные не столь давним горьким опытом. Когда-то, еще во времена деда Тайки, незнакомое племя без всякой на то причины вырезало почти всех взрослых Белок, спастись удалось совсем немногим. Эти немногие забились в самые дальние чащобы и не казали оттуда носа. Благо, зимы на равнинах Манхена были относительно теплыми, зимовали в землянках или найденной пещере. Совсем не то в горах – тамошние бураны и лютые морозы маленькое племя не пережило бы. Металлическое оружие было среди Белок редкостью, иногда его находили на местах сражений крупных племен. А так Белки обычно пользовались обсидиановым, которое делали с удивительным мастерством.

Однажды у женщины по имени Ласка родилась очень крупная дочь, девочка выросла выше самого высокого охотника, ни одному из них даже в голову не пришло бы взять в жены эдакую дылду. Вот и пришлось Тайке самой становиться охотницей, отец погиб, когда ей не было еще и трех кулаков весен. А братик с сестричкой кушать просили. Никто не верил, что девка выучится из лука стрелять, однако выучилась, даже больше – стала самой лучшей лучницей племени, куницу в глаз била. К четырем кулакам лет больше всех добычи приносила, дальше других заходила, на два кулака дней в лес шла порой. Так случилось и на этот раз.

Девушка ушла, чтобы выяснить, куда откочевали олены стада, и не пора ли откочевывать самим. Узнала. Вот только сообщать новости оказалось некому. Все племя было мертвое. И не просто мертвое. Такого ужаса Тайка и представить себе не могла. Трупы несчастных Белок распяли на деревьях, над ними перед смертью страшно измывались. Даже над детьми. Особенно над детьми!

До ночи, наверное, простояла девушка над телом своей маленькой сестренки, с которой заживо содрали кожу. А когда стемнело, по-волчьи завыла от отчаяния. К утру она немного пришла в себя и похоронила мертвых – негоже им непогребенными оставаться, души к Отцу Леса не попадут. Затем Тайка поклялась над свежей могилой, что отомстит убийцам.

Девушка обошла окрестные леса и вскоре выяснила, что всюду

появились какие-то странные охотники, одинаково одетые, имеющие невиданное громобойное оружие. Говорили они не по-человечески, а на непонятном, лающем языке. Но они ли виновны в смерти Белок? Тайка долго сомневалась, убивать людей без причины ей не хотелось, пока однажды не увидела, как одетые богаче других схватили нескольких обычных охотников, избили их и сожгли заживо. Как бедняги кричали! От этих жутких, нечеловеческих криков прячущаяся на дереве Тайка едва не сошла с ума. И поняла, что перед ней виновники гибели близких. Раз они со своими так обходятся, то понятно, почему так страшно убили каких-то Белок.

Девушка начала исподтишка отстреливать убийц, стараясь уничтожать в первую очередь богато одетых. Довольно долго ей везло: после нескольких выстрелов из лука в стойбищах врага поднималась паника, и лучнице удавалось ускользнуть. Но везение закончилось позавчера вечером: среди чужаков нашлось несколько сильных воинов, не растерявшихся и быстро понявших, откуда стреляли. Чтобы добраться до Тайки, им пришлось срубить дерево, на котором она сидела. Для начала девушку избили так, что она и пошевелиться не могла, а затем собрались насиловать. Она терпела молча – убийцы родных не услышат от нее ни единого крика или стона! Но пришел какой-то похожий на старую толстую бабу обрюзгший мужик и накричал на воинов тонким, противным голосом. Они почему-то не накостили ему по шее, а слушали, как разве что вождя слушают.

Целый день Тайку несли на носилках, она никак не могла понять – зачем. Только вечером, когда ее привязали к дереву, а противный толстяк вынул из сумки незнакомые пугающие штуки, девушке все стало ясно. Она приготовилась встретить страшную смерть молча.

Тайка вспоминала светлые моменты своей недолгой жизни, прощаясь с ней, когда откуда-то вылетела стрела, только задев толстяка. «Мазила несчастный!» – фыркнула про себя девушка, уж она бы не промахнулась по этой жирной сволочи. Большая мишень, не верилось даже, что мужчина способен раскормить себя до такого состояния. Однако остальные стрелы неизвестного лучника били наповал, он очень быстро положил больше двух кулаков воинов! Но роскошно одетые начали отбивать стрелы длинными железными ножами. Тайка глазам своим не поверила, но они действительно делали это.

Вскоре из лесу начали выскальзывать затянутые с ног до головы в пятнистую одежду люди и убивать воинов врага, как беззащитных детей. Кто-то из нападавших отвязал девушку от дерева и закинул себе на спину. Затем был сумасшедший полет сквозь кроны деревьев. Тайка упрямо молчала, не позволяя себе взвизгивать от страха, хотя очень хотелось. И теперь вот слова этого носатого парня, что они горные мастера, непобедимые демоны, о которых столько страшных историй рассказывал старый шаман, прибившийся к Белкам лет тридцать назад, да так и оставшийся навсегда с крохотным племенем. Но эти молодые, веселые парни никак не походили на демонов! Хотя, если вспомнить дикие прыжки с ветки на ветку, то разное можно подумать. Кто их знает... Но они спасли Тайку, если разобраться. Долг на ней теперь. Кровный долг! Пока не вернет, покоя знати не будет.

Лек с легкой иронией поглядывал на спасенную девушку, настороженно жующую колбасу и явно не понимающую, что это такое она ест. Мясо как будто, но какое-то странное. Что же с ней делать-то? Придется, пожалуй, просить Ронха переправить в Тарсидар, не таскать же с собой, все равно не сумеет угнаться за горными мастерами. Но это потом, до атаки на лагерь второй карвенской армии осталось всего несколько часов, атаковать лучше под утро, когда часовые устанут.

– Наставник, – повернулся к нему Храт, все еще пережевывая колбасу. – У меня тут мысля интересная возникла.

– Я тебе уже не наставник, – проворчал горец. – Сейчас мы равны.

– Но ты ведь должен был белый шнур получить...

– Не готов я к белому шнуре, понимаешь? – тяжело вздохнул Лек. – Вырастишь своего ученика, узнаешь, каково оно. Не могу я этого рассказать. Белый полигон... Он есть и его нет. Это сама жизнь. И каждый сам понимает, когда готов, когда способен стать старшим мастером. Я пока не чувствую в себе этой готовности. Никому до меня к девятнадцати годам не удавалось вырастить ученика, обычно это происходит где-то к тридцати, тридцати пяти. Понимаешь, в душе я сам еще мальчишка. Извини, но больше мне сказать просто нечего.

– Артин то же самое говорил... – задумчиво покивал орк. – Да и Ланиг. Ладно, это не к спеху, придет время – пойму. Я вот о чем.

Мало меня одного, чтобы святоши поверили в нападение егерей.

– И что?

– А почему бы мне с Ронхом не смотаться в Рурк-Дхалад? Горт нам с радостью десяток сорвиголов выделит. Закисли Дикие Коты в столице, скучают по настоящему делу, бузят понемногу.

– Интересно... – прищурился Лек. – Даже очень. Ронх, Артин, идите-ка сюда, разговор есть.

Те подошли. Храт кратко описал им свою идею. Командир отряда подумал и согласился. Действительно, почему бы союзникам и не помочь немногого? Это ведь в их интересах. Маг немного покочевряжился, но позволил себя уговорить, поддавшись на лесть. Решив не терять времени, орк вытащил из своего вещмешка заготовленную в подарок черепу полка флягу со знаменитым инарским виски, которое Горт давно мечтал попробовать, и отошел в сторону. Вскоре к нему присоединился Ронх, нашедший в своей книге заклятий координаты орочьей столицы, и приятели исчезли в туманном облачке.

– Ой! – только и сказала увидевшая это Тайка.

– Никогда не видела, как шаманы с места на место перемещаются? – поинтересовался Энет, считавший, что это видел каждый человек.

– Наш не мог.

– Ясно.

Девушка покосилась на невысокого, некрасивого парня и удивилась сама себе. Чем-то он ей сильно понравился. А вот чем? Духи леса только знают, наверное. Странно, но этот молодой воин немного походил на старого шамана Белок, которого Тайка бесконечно уважала и даже любила. Чем похож? Опять же, непонятно. У старика не было слушателей, его странные истории в племени никого не интересовали, за исключением молодой охотницы.

Когда Энет достал откуда-то книгу и уткнулся в нее, не обращая внимания, что неровный свет костра едва освещает страницы, девушка окончательно убедилась в его сходстве с шаманом. Тот тоже постоянно перечитывал свои несколько потрепанных книг или что-то писал на оленьих кожах. Остальные Белки даже не знали, для чего

нужны эти несъедобные вещи, только Тайка, затаив дыхание, слушала сказки о дальних землях. Но и она не верила, что где-то есть стойбища, которые и за день не обойти. Не бывает такого, чтобы столько людей вместе селились! С голоду перемрут, столько дичи не наловишь, чтобы их прокормить. Но послушать было интересно.

Шаман не раз говорил, что есть книги, где записаны куда более захватывающие истории. Наверное, он прав, вон как молодой воин зачитался, ничего не видит и не слышит, весь где-то не здесь. Наверное, тоже забывает поесть и спать. Смотрит ли за ним кто-нибудь? А то ведь свалится, как порой шаман от истощения валился. Приходилось Тайке похлебку готовить и кормить старика. Этот, похоже, такой же чокнутый.

– А чего в ентой книжке? – не выдержала девушка, подсаживаясь к Энету, любопытство оказалось сильнее нее.

– Исторический роман о временах первого императора, Элиана Завоевателя, – ответил юноша, с удивлением взглянув на дикарку, непонятно почему заинтересовавшуюся книгой. – Ты умеешь читать?

– Не... – покраснела Тайка. – У нас токо шаман умел. Он не наш, пришел шесть кулаков весен назад, весь побитый, мамка говорила, аж синий. Пожалели его, не стали убивать, так и прижился. У него нескo книг в мешке валялся. Я у него, пока малая была, часто сиживала, старику поболтать хотелось, вот мне и баял всякое-разное. Звали его так, шо и язык поломать можно. Делият.

– Что?! – Потрясенный до глубины души Энет выронил книгу. – Делият Изартан?! Так его звали полностью?

– Да... А шо?

– Так вот где нашел свой конец величайший из ученых последних ста лет... – Юноша закусил губу. – Какая потеря... Не поверил императору, от святош чудом сбежал, а к нам не захотел. Эх! Его же должность ректора столичного университета ждала. Почему, ну почему он в леса забился?!

Энет досадливо ударил кулаком правой руки о ладонь левой. Тайка растерянно смотрела на расстроенного парня и ничего не понимала. Это что же получается, их старого шамана знают эти вот воины-демоны? И уважают? Никогда б не подумала... Совсем жалкий старикиашка был, только знал много. То его и спасало, что травами лечить умел, а то б давно зимой помирать из пещеры

выбросили. Зануда ведь. Порой только защита Тайки и уберегала шамана от гнева охотников, разозленных непонятными речами.

– Он шой-то писал усе время... – вспомнила девушка. – Присобачился из коры пырка делать черную воду, ею на оленьих кожах и писал.

– Эти писания сохранились?! – подпрыгнул Энет, глаза юноши загорелись лихорадочным, полубезумным блеском. – Это же невероятная ценность – посмертная книга великого Делията! Да мне никто не поверит! Единый!

– Я в дупло около его могилы сунула, – пожала плечами Тайка. – Не знаю, чего он там черкал, я спросила, старый такого понес, что у меня мозги сразу упарились. Как оно тама? Во! О сути бытия, вспомнила. Токо не спрашивай меня шо оно такое, ни фига не поняла.

– Философский трактат, – отмахнулся юный граф, у него дрожали руки. – Мы обязательно должны найти рукописи! Слышишь, обязательно? Ты помнишь, где они?

– Помню, – вздохнула девушка, которой очень не хотелось возвращаться на место гибели близких.

– Энет! – подошел ближе и постучал бывшего ученика по голове заинтересованно слушавший их беседу Лек. – Ты забыл, зачем мы здесь. Понимаю, писания какого-то философа, святое для тебя дело, но...

– Извини, ты прав, – тяжело вздохнул тот. – Только...

– Это недалеко, – заверила строгого носатого воина Тайка, которой совсем не хотелось огорчать так понравившегося ей парня. – За полдня обернуться можно.

– Там поглядим, – скривился горец. – Будет время – заскочим, заберем твои драгоценные рукописи. Но не сейчас же?

– Точно, – усмехнулся Энет. – Нам еще лагерь святош под утро потрошить.

– Ты бы поспал лучше чуток, чем читать.

– Не хочется, – отмахнулся граф.

– Вот ведь читака! – пожаловался Тайке Лек. – Все на свете за книжку отдаст.

– Не все, – резко помрачнел Энет, вспомнив испытание. – Далеко не все.

– Да знаю! – хлопнул его по плечу горец. – Шучу я.

– Иди-ка ты со своими шутками, дорогой наставник, к дорхоту под хвост! – огрызнулся граф.

Лек расхохотался. Тайка смотрела на них, хлопая в недоумении глазами. За такие слова любой охотник Белок избил бы наглеца, а этот смеется. Лесные духи их разберут, этих странных воинов.

– И где, интересно, Храта с Ронхом носит? – стал серьезным горец. – Пора бы им уже и вернуться.

Горт удобно расположился в углу любимой таверны «Три Тролля» и не спеша потягивал эль. Скучно. Создатель Миров, скорее бы закончился срок службы полка в столице, егеря совсем разленились в тепличных условиях. Ничего, попадут на границу с Карвеном, быстро вспомнят все навыки, коли жить захотят. Череп довольно ослабился. Хороши все-таки его ребятки, ничего не скажешь. Конечно, против горных мастеров слабоваты, но карвенцев чешут так, что от тех только перья летят.

Распахнувшаяся дверь привлекла внимание командира полка. Вот так сюрприз! Храт! Собственной персоной. Он радостно взревел и полез обниматься. Орка сопровождал невысокий, худощавый человек с белым шнуром на плече.

– Рад видеть, Горт! – облапил его в ответ Храт. – Я к тебе по делу.

Череп отстранился и с интересом оглядел его. Одет в камуфляж, похожий на полевую форму егерей, но куда более толково пошитый. Весь увешан хорошо закрепленным оружием. Откуда это он такой красивый взялся? Явно с вылазки, другого вывода опытный егерь сделать не мог.

– Святош мы тут немножко режем, – понял его интерес Храт. – Только что телепортом с Манхена. Недели две уже оттуда не вылезаем.

– Подхвостье гмырха, завидую! – оскалился Горт. – А мы тут уже заплесневели в этой долбаной столице.

– И я так подумал, – хитро ухмыльнулся Храт, почесав испачканную чем-то щеку. – Не найдется ли у тебя десятка лихих парней, желающих святошам подбрюшье легонечко так пощупать?

– Даык, как же не найтись? – довольно хохотнул череп. – Хватает. Я сам первым пойду!

– Только подбери ребят, которые языками зря не метут, – буркнул горный мастер, щелчком пальцев подзывая подавальщика. – Эля мрокского мне и моему другу!

– Сей момент, уважаемый господин! – поклонился мелкий, красновато-рыжий орк и исчез. Не прошло и минуты, как на столе стояли две большие кружки с пенящимся черным элем.

– Попробуй, Ронх. – Храт приглашающе показал магу на табурет. – Ты такого точно не пил, его только у нас в Мроке варят.

– Можно, – кивнул тот, садясь и отпивая глоток. – Хорош, собака!

– А при чем здесь собака? – растерялся орк, до сих пор приходящий в недоумение от человеческого чувства юмора.

– Присказка, – ухмыльнулся маг. – Но давай о деле, ребята там ждут, волнуются.

– О деле – так о деле. Мы, понимаешь ли, панику среди святош сеем. Седня уверили, что у них эльфы в тылу десант высадили. Поверили, представляешь, Горт?

– Да ну?! – расхохотался тот. – Вот ведь долбо...бы!

– Поди не поверь, когда с одного из наших маска спала, они эльфа и увидели. Тини до того еще и с десяток паладинов стрелами положил, а эльфийские стрелы ни с чем не спутаешь. Теперь вот хотим орками паладинов попугать. Пусть думают, что их из леса егерский полк атаковал. На самом деле нас десять будет и твоих столько же. Хватит, чтобы панику поднять.

– А коли контратаку затеют? – нахмурился Горт.

– Успеем уйти, Ронх с нами, он маг, выдернет.

– Маг? – Брови черепа удивленно вздернулись, он с интересом оглядел некрупного, жилистого человека, с явным удовольствием пьющего эль. – Тогда ладно. Тогда можно.

Командир полка подозвал к себе скучавшего неподалеку кряжистого орка с нашивками старшего клыка и о чем-то пошептался с ним. Тот одобрительно рыкнул, ослабился и тут же испарился, отправившись, видимо, отбирать бойцов. Любили урук-хай это дело – резать карвенцев, ох, и любили же! Впрочем, те сами были виноваты в таком к себе отношении. Мало какому кораблю святош удавалось прорваться к побережью Оркограна, броненосцы курсировали возле него постоянно и топили любого нарушителя границы, но если какому-то все-таки удавалось высадить десант, то веселого для орков в этом было очень мало. Господа инквизиторы считали краснолицых исчадьями ада, и убивали всех. А урук-хай никому не прощали убийства детей. За него мстили всегда, и срока давности это преступление не имело.

Не прошло и получаса, как в таверне появились девять полностью снаряженных егерей в полевом камуфляже, все до единого – офицеры рангом не ниже клыка. Один из них принес форму и оружие командира, и тот быстро переоделся. Орки выстроились перед Хратом, остающиеся смотрели на них с завистью, они тоже не отказались бы от участия в столь интересном деле. Никого постороннего в «Трех Троллях» не было, бармен в прошлом тоже служил в полку, поэтому Горт знал, что его егера слова лишнего никому не скажут, за командаира kostьми лягут, но не выдадут. У черепа элитного полка хватало недоброжелателей среди старейшин Кагала, не стоило давать им лишнего повода наступить ему на хвост.

– Ну, с богом! – выдохнул Храт, вставая. – Давай, Ронх.

Маг хмыкнул, одним глотком допил эль и тоже встал. Внимательно оглядел шеренгу орков и что-то пробормотал себе под нос. Перед ним возникло серое, туманное облачко. Егера по одному заскочили туда, последним уходил Горт. Храт переглянулся с Ронхом, и горные мастера тоже остались позади таверну, оказавшись в знакомом овраге.

Тайка круглыми от изумления глазами смотрела на выпрыгивающих из ниоткуда краснолицых, клыкастых уродов, которых горные мастера приветствовали как своих. Мамочка родная, это сколько же чудес ей еще сегодня повидать придется? Похоже, немало. А когда девушка узнала, что перед ней орки, о которых столько ужасов рассказывал шаман, то вообще онемела.

– Привет, – подошел к ней высокий краснолицый урод. – Ты нас, сестренка, не бойся, мы тоже святош бьем. Сочувствую, мою родную деревню, как и твою, вырезали. Были у меня жена и двое детей. Больше нету. С тех пор я мщу им.

– И я буду мстить! – Тайка закусила губу, перед глазами снова возникла мертвая младшая сестренка.

– Оставь это мужчинам, девочка… – посоветовал орк, обнажив клыки в ироничной ухмылке.

– Я их больше пяти кулаков положила! – обиделась девушка.

– Это как же? – изумился он.

– Из лука. Забиралась на дерево, стреляла нескo раз и драпала.

– Молодчина! – хлопнул ее по плечу орк, да так, что плечо сразу онемело.

– Я не хуже этого вот остроухого стреляю! – буркнула Тайка.

Эльф услышал ее слова и очень удивился. Даже уши встали почти горизонтально. Человек говорит, что стреляет не хуже него? Невозможно!

– Не бывает, – покачал головой орк. – Остроухие стреляют, как никто.

– А давай проверим! – возмутилась Тайка.

– Проверить-то можно. – Тинувиэль встал. – Но учти, проиграешь – отшлепаю, чтобы не врала.

– Вот еще! Только у меня лука больше нет…

– Лук дам, – усмехнулся эльф. – У меня даже запасной есть, только его искать долго. Эй, народ, тут наша спасенная говорит, что не хуже эльфов стреляет! Сейчас соревнование устроим.

– Делать вам больше нечего, обалдуи, – проворчал Артин, клюющий носом у костра. – Поспали бы лучше чуток.

– Так не хочется! – отмахнулся загоревшийся азартом принц.

– Ладно, дорхот с вами. Только не шуметь мне тут!

Тинувиэль быстро снарядил лук, достал из котомки пучок зеленых стрел, которых взял с собой из дома несколько тысяч – котомка-то безразмерная – и подошел к Тайке. Они отошли на

ближайшую поляну, благо свет двух лун был достаточно ярким. Следом двинулась чуть не половина заинтересовавшихся соревнованием егерей, даже Горт решил посмотреть. До атаки на лагерь еще оставалось время.

Эльф отошел к краю довольно большой поляны и быстро выпустил десять стрел, вонзившихся в ствол сухого дерева локтях в ста пятидесяти и образовавших из себя руну языка квенья. Тайка презрительно фыркнула – нашел, чем удивить. Она приняла лук из рук принца и восторженно выдохнула. Это же не лук – это чудо! Руки ощущали его как свое продолжение. Да из такого стрелять одно удовольствие! Тайка подняла его и не менее быстро, чем принц, выстрелила десять раз. Каждая стрела выбивала стрелу эльфа, занимая ее место.

– Вот так! – гордо сказала девушка, с сожалением возвращая лук хозяину.

– Ну, ты даешь... – только и сподобился выдавить тот, глядя на нее с удивлением. – Знаешь что? Держи!

Тинувиэль снова протянул лук охотнице. Она недоверчиво уставилась на принца. Это ей?!

– Бери, бери, – подтвердил он. – У меня еще один есть. Нельзя такой лучнице оставаться без лука. Это подарок.

– Подарок? – ошеломленно переспросила Тайка, не понимая, как можно подарить такую вещь.

– Его имя – Поющий Ночью. Думаю, вы с ним подружитесь, ты ему понравилась.

Эльф ласково улыбался. Девушка держала в дрожащих руках лук и все никак не могла поверить, что он отныне принадлежит ей. Она любовно ощупывала и поглаживала лук, шепча про себя его имя. Поющий был прекрасен, не верилось даже, что кто-то смог сделать такой. Экое чудо...

– Хватит вам развлекаться! – оторвал Тайку от подарка недовольный голос Артина. – Пора. Выдвигаемся на позицию. Девушка останется здесь.

– Но я могу помочь! – возмутилась охотница.

– Подтверждаю, – подошел ближе Тинувиэль. – Она стреляет не

хуже меня. Двумя луками мы легко сдержим любую контратаку.

– Даже так? – удивился командир. – Ладно, отвечаешь за нее головой.

– Принято, – согласился эльф. – Постреляем!

Горные мастера быстро собрались, а егерям и собирать было нечего. Маг куда-то ненадолго исчез, затем снова появился и принялся переправлять бойцов по двое-трое. Тайка приплясывала от возбуждения, глядя на это – их с Тинувиэлем забрали последними. Совсем близко виднелась ярко освещенная факелами высокая бревенчатая ограда. Вот же идиоты! Тайка только плечами пожала, хищно оскалившись. Сами облегчают лучникам задачу.

Эльф показал на одно дерево ей, а на второе взобрался сам, да так быстро, что девушка и уследить за ним не успела. Она нашла удобную развилку, устроилась в ней, приготовив Поющего и пучок стрел. Ими эльф обеспечил охотницу надолго, пять полных колчанов. Хватит, чтобы испортить убийцам отдых. Опервшись спиной о ствол, Тайка ждала условного сигнала – двойного крика филина. Она зловеще скалилась, уже выбрав себе цель – здоровенного воина, зевающего на своей вышке. Недолго тебе зевать, будь ты проклят...

Ночь близилась к концу, часовые на вышках клевали носом, но задремать не решались, за это можно было и на костре оказаться, офицеры часто отдавали провинившихся солдат инквизиторам. Да и лесных призраков карвенцы боялись до одури. Отлучаться в лес в одиночку давно никто не смел, двух дней хватило, чтобы понять – это чистой воды самоубийство. Кто-то исподтишка резал любого, оказавшегося в сотне-другой локтей от лагеря. Многие вспоминали прежние надежды поживиться чужим добром со злой ухмылкой. Поживились. Ничего не скажешь. Как говорится, пошли за шерстью, вернулись стриженными. Еще не вернулись, конечно, но почти никто из рядовых не сомневался, что скоро придется возвращаться не солено хлебавши. Да и многие офицеры думали так же. Никто, конечно, не высказывал свои мысли вслух.

Кто мог подумать, что имперцы станут воевать таким образом? Ждали самой обычной войны, ждали, что их встретят на побережье войска манхенского гарнизона, для которых было заготовлено немало сюрпризов. Однако элианцы первыми преподнесли врагу свой сюрприз. Солдат охватил мистический ужас, когда они поняли, что

на побережье не осталось ни одного человека. Только бесчисленные пустые деревни вызывали дрожь своими распахнутыми окнами и хлопающими дверьми. В укрепленных городах были сильные гарнизоны, вооруженные новым страшным оружием – картечью. Да и колдуны сильно прореживали ряды наступавших своими паскудными файрболлами.

Часовой окинул взглядом стену деревьев в двух сотнях локтей от ограды и поежился. Хорошо хоть, додумались вырубить лес вокруг, не подберешься к лагерю незаметно. Хотя для этих дорхотовых горных мастеров ничего невозможного нет. Он поежился. Будь она проклята, эта война! Не сидится инквизиторам дома, жаждут еще кого-нибудь под себя подмять. А солдатам кровь проливать из-за их жадности. Надоело.

В лесу вдруг зажегся какой-то огонек, и часовой настороженно уставился на него. Огонек полыхнул жарким пламенем, и к ограде понесся, набирая скорость, файрболл. Один, другой, третий. Солдат едва успел крикнуть «Тревога!», как ему в глаз ударила зеленая стрела, и мир перестал для него существовать.

Паника поднялась почти мгновенно, лагерь осветился десятками факелов, офицеры пинками и воплями поднимали спящих солдат, гоня их на стены. Главное – защитить образовавшийся после атаки колдуна пролом. К нему из леса устремились темные фигуры, в которых многие с ужасом узнали орочьих егерей. Как умели воевать краснорожие, карвенцы хорошо знали. Не дай Единый такого врага! Арбалетчики едва успели дать один залп, как лучники из леса перебили их, и началась общая свалка.

Орки легко проломили спешно выстроенную стену щитов и оказались за спинами солдат. Навстречу им храбро выступили несколько нартагальских кирасиров, никогда не встречавшихся с егерями в бою, и быстро полегли – орочьи боевые топоры проламывали их щиты и доспехи с легкостью. Но орки напали не одни – рядом с ними дрались фигуры, затянутые в пятнистый камуфляж. Кем они были, в темноте разглядеть не удалось, но явно не урук-хай. Эти оказались еще опаснее, никого из них задеть не удалось, верткие, сволочи. Нападавших не раз пытались окружить, но они исчезали в туманных облачках, создаваемых их паскудным колдуном, и появлялись уже в другом месте, продолжая убивать.

Опытные офицеры быстро выстроили линию обороны, зная, что

иначе орков не удержать – нелюди своих жизней никогда не жалели, прорываясь вперед с такой яростью, что дрожь пробирала. Хуже всего, что непонятно, сколько нападающих. Если егерский полк, лагерь конец – сметут. Если поменьше, можно и продержаться. Полных паладинов, способных противостоять егерям и горным мастерам на равных, было совсем немного, не больше двухсот человек, и именно их вражеские лучники выбивали первым делом. Меткие, гады! Ни одного промаха, каждая стрела нашла свою цель.

Бой продолжался до самого рассвета. Но не успело небо порозоветь, как нападавшие растворились в лесу, как всегда и происходило. После них не осталось ни трупов, ни раненых. Да и были ли у них вообще потери? Нартагальские лесные следопыты опять не нашли никаких следов, только выяснили, что лучников было всего двое: обнаружили места, откуда велась стрельба. Судя по всему, нападал не полк, орки просто так не отступили бы.

Кое-как приведя лагерь в порядок, высшие офицеры собрались в палатке командующего, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Больше всего их потрясло, что все до единой вражеские стрелы, собранные на поле боя, оказались – ни много ни мало! – эльфийскими. Эльфы высадились на Манхене и сражаются рядом с орками? Невозможно! Но что же тогда произошло?! Офицеры долго ругались между собой, но так ничего и не поняли, только послали гонца с сообщением в главный командный лагерь войск Альянса.

Отряд собрался в знакомом овраге. Орки были сильно удивлены тем, что не потеряли никого из своих, а раны пострадавшим залечил маг. Горт довольно скалился, он неплохо поразвлекся этой ночью – карвенцы паниковали, и опытный егерь давил их, как кутят. Его топор побурел от чужой крови, и череп тщательно, любовно чистил оружие.

- Теперь можно и отдохнуть, – довольно улыбнулся Артин, присаживаясь к нему. – Хорошо вместе получается.
- А то! – не менее довольно осклабился орк, продолжая полировать топор. – Надо бы нам это дело продолжить.
- С вашим Кагалом не больно-то договоришься.
- Да пошел этот Кагал в габтов зад! – отмахнулся череп. – Достали своими склоками, грызутся и грызутся, никак шкуру

неубитого медведя не поделят. Напрямую с егерями лучше договариваться. Могу взять это на себя, многие черепа полков с радостью помогут.

– Буду благодарен, – покивал горный мастер. – Но говорить с Кагалом все же придется. Император вскоре пришлет посла.

– Тогда пусть лучше Храта присыпает, ему Кагал ни в чем не откажет, они перед парнем благоговеют. Хорошего вы бойца воспитали, слов нет.

– Егеря, которых недавно в ученики взяли, тоже со временем не хуже станут, – пожал плечами Артин. – Их уже гоняют как следует.

– Это еще когда случится, – проворчал Горт, спрятав топор в чехол. – А Храт все равно останется первым. Жезл Чести за последние полста лет еще никому, кроме него, не вручали.

– Я передам его величеству твое мнение, – кивнул горный мастер. – Думаю, он прислушается. Толковый мужик нам в императоры достался, ничего не скажу. А кузнец он какой!

– Завидую... – тяжело вздохнул череп. – Нам давно надоели старейшины, тянувшие каждый в свою сторону. Пора своего императора на престол возводить. Пусть лучше один волк во главе будет, чем целая стая шакалов.

– Это уж вам решать, – ухмыльнулся Артин. – Тебя с ребятами сейчас домой отправлять?

– Ага. Надо еще отдохнуть чуток, днем мне в Кагале отчитываться. Скоро на границу, слава Создателю Миров. Не люблю в столице служить, скучно.

– Прекрасно тебя понимаю, сам такой же. Ронх, ты как?

– Сейчас, – недовольно пробурчал маг, подходя к ним. – Дай хоть отдохнуться, умаялся я.

Но много времени ему не понадобилось, вскоре орки исчезли в туманном облачке. Тайка с интересом проводила их взглядом, она чувствовала себя усталой, но очень довольной. Доказала этим воинам-демонам, что не просто балласт, а тоже кое-что может! Она бросила взгляд на Энета и удивленно вскинула брови – юноша снова уткнулся в книгу. Нет, один в один их старый шаман, ничем не отличается. Только что молод. Но надо бы выполнить обещанное,

охотница только при свете дня поняла, где находится овраг. Совсем рядом с последним стойбищем Белок, пробежаться недолго... Она подошла к Энету и сказала, что ее бывший дом совсем рядом. Юноша встрепенулся.

– Артин, – подошел он к командиру. – Отпусти, а? Мы быстро.

Тот тяжело вздохнул. Ну что ты будешь делать с этим сумасшедшим книжником?

– Я с ними смотаюсь, прикрою, – рассмеялся случившийся рядом Санти. – Лучше отпусти, а то ведь он никому покоя не даст. Плешь проест.

– А по шее? – приподнял левую бровь Энет. – Могу и дать.

– Это еще кто кому даст, – весело хмыкнул скоморох, поглядывая на друга.

– Ладно уж, обормоты, идите, – махнул рукой командир. – Только смотрите мне, попадетесь святошам – выдеру. Всех троих!

– Не хватало только! – хихикнул рыжий. – Пусть сперва попробуют поймать.

– Да были бы вы вдвоем, я бы и не беспокоился, но с вами девушка. Она воздушной акробатикой не владеет.

– Вытащим, – отмахнулся Энет, приплясывая в предвкушении, известие о предсмертной рукописи карвенского философа Делията возбуждало юношу донельзя.

Бежали быстро, деревья сливались в туманную полосу. Тайка не отставала от горных мастеров, даже смеялась на бегу, что не могло не удивлять. Впрочем, дикарка – охотница, для которой выносливость означает выживание. Дорога заняла полчаса, Энет первым заметил полусгнившие, сливающиеся с кустами, травяные шалаши и остановился. Оглянулся на девушку и замер. По щекам Тайки текли слезы, она с тоской смотрела на остатки стойбища. Здесь ведь погибли все ее родные. Он сочувственно поглядывал на девушку, застывшую у пологого холмика, в котором угадывалась могила.

– Идем, – голос Тайки был тихим и дрожащим. – Шамана я зарыла дальше.

Еще несколько холмиков обнаружилось между деревьями. А затем Энет увидел настоящее капище с грубо вырезанным

деревянным идолом. Девушка низко поклонилась этому идолу, что-то неслышно шепча. Положила перед ним несколько отрезанных вражеских ушей – заранее озабочилась, наверное. Когда и успела-то? Как будто бы и не приближалась к месту боя, на дереве с луком сидела.

Поговорив с богом племени, Тайка в который раз поклонилась и направилась в большому дубу с морщинистой корой. Он был весь в дуплах, в одно из которых девушка и запустила руку. Немного порывшись, она достала кожаный сверток, вздохнула и протянула его Энету. Юноша дрожащими руками развернул его и замер. Исписанные плотным мелким почерком листы плохо выделанного пергамента из оленьей кожи. Энет попробовал разобрать написанное. По-карвенски. «О смысле бытия. Иссование, испытание и суть, выделенные в тезисы. Писания Делията Изартана Этаронского».

Так и есть! Посмертная книга великого философа, которого в Карвене, конечно, приговорили к сожжению за ересь. Как он бежал оттуда, ведает, наверное, только Единый. Может, невидимки помогли? Но тогда почему он оказался на Манхене? Не захотел связываться с «колдунами»? Побоялся? Но чего? Император ведь переписывался с ученым, насколько было известно Энету, и не раз приглашал Делията в Элиан.

Тридцать лет назад северное побережье Манхена еще не принадлежало империи, и решивший не связываться с его величеством перепуганный до смерти человек вполне мог здесь высадиться. Эх, дурак высокоучченый... Сколько бы он еще мог сделать, а предпочел столичному университету прозябанье в лесу. Но все-таки оставил потомкам кое-что. И хорошо, что его работу удалось найти. Ректор Тарсидарского университета будет счастлив, увидев эту рукопись, она, наверное, сразу же пойдет в перевод и в типографию. Профессор Зарген – большой поклонник ранних идей Делията, и при виде посмертной книги своего кумира потеряет покой.

– И чего он тама накатал? – задала риторический вопрос Тайка. – Он шибко умный был, стоко занятного баял, никто боле так не мог.

Энет покосился на нее и вдруг осознал: эта вот дикарочка, неграмотная, невежественная, грязная, имела такую же, как и он, страсть к знаниям. Хотела все понять и пощупать своими руками. Бывает ведь, что уродится в диком племени вот такое. Что с ней станет-то? Пропадет ведь в незнакомой жизни, затопчут, сожрут. Она

же не знает даже, что такое деньги. А как помочь? Граф на минуту задумался. Есть способ, но одобрят ли это друзья и его величество? Не одобрят? Ну и пусть. Девочка не заслуживает борделя, куда обязательно попадет, если оставить ее без помощи в любом городе империи.

– Хочешь стать моей ученицей? – негромко спросил он. – Научу всему, что знаю и умею сам.

– Ученицей? – удивилась Тайка. – Хочу.

– Вот и хорошо. Только смотри, гонять стану страшно, спать никогда будет. Я, пока в учениках ходил, об одном только мечтал – высаться вдоволь, да чтобы отстали. Зато научишься драться, как мы, да и грамоте научу, сама книги читать сможешь.

– Правда?! – Глаза девушки расширились, ради этого она готова была на все.

– Правда-правда, – рассмеялся Энет.

Санти ехидно ухмыльнулся и открыл было рот, собираясь что-то ляпнуть. Пришлось показать рыжему кулак.

По возвращении на них накинулся Артин. Выслушав мнение командира о своих умственных способностях, граф сильно удивился. Что случилось-то? Сам ведь отпустил.

– Приказ по амулету связи пришел, – несколько успокоился мастер через некоторое время. – Вас срочно требует к себе император.

– Девушку я забираю с собой, беру ее в ученицы, – решительно сказал Энет, когда Артин закончил разоряться.

– Да что ж вы все девок-то берете? – удивился подошедший Лек. – Сперва Тини, теперь ты. С ними ведь возни втрое больше!

– Так получается, – отмахнулся граф, переглянувшись с ехидно ухмыляющимся эльфом.

Вскоре на поляне появилось туманное облачко, из которого вышел высокий, худой эльдар. Туманная маска на месте лица до смерти перепугала Тайку, вот теперь она видела перед собой настоящего злого духа, совсем такого, как описывал шаман. Да и мамка о них рассказывала, стращала, что вот придет страшный туманнолицый и заберет непослушную девчонку прямо в Бездну. Вот

и пришел. Неужто – все? Но горные мастера почему-то ничуть не испугались, наоборот уважительно приветствовали пришельца. Девушка тяжело вздохнула и позволила увести себя в туманное облачко.

5. Чужие игры

Небольшая, но уютная комната была вся заставлена книгами. Единственное место в элиандарском дворце, где император любил бывать. Точнее, здесь он отдыхал и размышлял в те редкие дни, когда появлялся в столице. Администрация Элиандара работала как часы, и присутствие его величества не требовалось. Вот только канцлера придется вскоре менять, к сожалению. Наглеть начал высокий лорд, властелином себя почувствовал. Опять, что ли, старшину торговой гильдии взять? Толковый мужик, в отличие от господ аристократов, и без лишних амбиций. Жаль только – стар.

Маран недовольно поморщился, снова открывая опечатанную его личной печатью небольшую книгу. Никто в мире не смог бы открыть ее без разрешения императора, она казалась вырезанной из дерева, становясь настоящей только после произнесения заклятия. Никому постороннему не полагалось знать полный список «Пророчества Пятерых» – на всякий случай.

Только что Марану сообщили, что носитель Мудрости взял в ученицы Охотницу. Ожидаемое событие, только удивительно, что это оказался Энет, император думал, что учителем девушки станет Храт. Надо поглядеть на нее, оценить, да и посвящение лучше провести самому. Теперь наступает очередь Жрицы. Почему Жрицы? Каких богов? Языческих? Так не осталось в мире язычников, лет триста, как. Разве что на островах, где иногда еще встречаются дикие племена. Но как островитянка окажется в империи? Ох-хо-хо... Устал он, до такой степени, что и дышать не хочется. А некому больше тянуть эту дорхотову ношу. Император досадливо повел плечами, и в который уже раз задумался о преемнике. Никак не находился человек, обладающий нужными качествами, которого не испортит власть.

Хорошо, что его сын не подходит, не хотел Маран сыну этой адской судьбы. Пусть служит, раз уж выбрал парень себе военную стезю и дослужился до лейтенанта Серых Псов. Кажется, собирается просить ученичества у кого-то из горных мастеров, чтобы после получения черного шнурка поступать на военный факультет Академии – туда принимали только горных мастеров. Надо будет попросить кого-нибудь из лучших наставников братства взять его.

Или не надо? Пусть сам добивается? Может, и так. После смерти императора его сын официально получит титул принца, но не наследного, конечно, – наследственная монархия ни к чему хорошему не приводит, пример Нартагаля и Даркасадара перед глазами. Особенно нартагальский король – слабый и безвольный, капризный и мстительный, жалкий человек, думающий только о своих удовольствиях. И это монарх? Смех и грех... Такой только страну погубит.

Последние новости не радовали. Маран прихлебывал горячий ларт и размышлял. Бражеские десантные флоты имперские адмиралы упустили, несмотря на все свои хвастливые заверения. Неизвестные маги хорошо их прикрыли, даже он сам не сумел найти, а уж сильнее императора мага в мире нет. Неприятно. Куда же они высаживаются-то? Ох, похоже, святоши все-таки сумели договориться с ханами Великой Степи. Мировая война уже идет, первые кровавые жертвы собраны. Но это мелочи по сравнению с тем, что еще предстоит. В стороне остались пока только эльфы в своем заповедном лесу, но император подозревал, что и это ненадолго. Выйдут, никуда не денутся. Вопрос только – на чью сторону они встанут, если выйдут. Но об этом думать пока бессмысленно, неприятности следует разгребать по мере их поступления.

– Твое величество! – ворвался в кабинет секретарь, Кирт ар Сартан, один из немногих людей, которым было позволено тревожить Марана всегда и везде. – Началось!

– Что началось?

– Кочевники атакуют Южные Цитадели по всей протяженности! От Форт-Астара до Форт-Талара. И насчет пороха ты оказался прав, было уже три попытки взорвать стены.

– Ясно... – вздохнул император. – Святош там рядом нигде не видно?

– Пока нет, – покачал головой Кирт. – Но думаю, объявятся. Им еще недели две пути до Цитаделей.

– Позови мне Ланига, – приказал Маран, задумчиво постукивая пальцами по столу.

– Да он уже здесь, услышал, что ты в столице объявился, и прибежал. У него какие-то новости.

– Да? – оживился император. – Так зови! И принеси мне бумаги по Академии, о которых мы с тобой на неделе говорили. Надо заняться.

Секретарь кивнул и исчез. Вскоре в дверь вошел Ланиг, брезгливо поджавший губы. Маран давно не видел старого мастера таким недовольным. Усталый, руки дрожат, – похоже, несколько ночей подряд не спал.

– Садись, дружище, – приветствовал император начальника тайной стражи поднятой кружком с лартом. – Совсем ты замученный.

– Зато выяснил кое-что интересное, – проворчал Ланиг, падая в ближайшее кресло. – Здравствуй, твое величество. Дай-ка и мне ларта покрепче, а то засну.

Маран щелкнул пальцами, и перед стариком появилась парящая кружка с круто заваренным, почти черным лартом. Начальник стражи склонился над кружкой, с удовольствием втянулся в ноздри бодрящий запах и начал, обжигаясь, пить. Император смотрел на него и укоризненно качал головой. Нельзя же доводить себя до такого состояния! Свалится, а кто его заменит? Два-три человека по всей стране имеют достаточно знаний и опыта, не больше. Да и то один из них продался.

– Знаю теперь на чем Диппата прихватили, – заговорил, наконец, Ланиг. – Помнишь, у него пять лет назад единственная дочь погибла во время кораблекрушения?

– Помню, конечно, бедняга весь черный ходил, любил девочку больше жизни.

– Так вот, не погибла она. Карвенцы взяли и сумели представить отцу убедительные доказательства, что она жива. Диппат и сломался, когда ему палец любимой дочери привезли и пообещали привезти голову, если не согласится сотрудничать...

– Паскуды! – яростно прошипел Маран. – Где держат, известно?

– Только приблизительно, – скривился Ланиг. – Около Кар-Шантара, в личном замке одного из первосвященников. Это работа для невидимок.

– Да, больше никто не справится, – вздохнул император. – Плюс пятерку нашу драгоценную подключу, хватит им дурью маяться. Но я другого не понимаю. Почему Диппат не попросил помохи у меня?

Даже тайно? Уж ради своего мы бы все сделали.

– А ты поставь себя на его место, твоё величество, – поджал губы старый мастер. – У тебя ведь, кажется, тоже есть дочери, и ты их любишь. Представь, что это тебе привезли отрезанные пальцы твоих девочек. С приметными шрамами, не узнать невозможно. И при малейшем твоем трепыхании дочерей убьют. Медленно и страшно.

– Не дай Единый! – императора передернуло от одной мысли об этом. – Да, ради их жизни я бы все сделал... Даже предал бы.

– Вот именно, – кивнул Ланиг. – Диппат слишком любит Кару, у него больше никого нет, дочь – единственная отрада, свет в окошке. Побоялся он рисковать ее жизнью.

– Это я способен понять... – грустно вздохнул Маран. – И даже простить. Но обезопаситься тоже обязан. А если мы сумеем вырвать девочку из рук святош, у нас появится козырь. И немалый.

– Какой? – Косматые брови начальника тайной стражи иронично вздернулись. – Карвенцы сразу перестанут доверять Диппата. Они, к сожалению, не идиоты.

– Я тоже не вчера родился! – зловеще хохотнул император. – Они будут думать, что девочка еще у них в руках. А на самом деле...

– О, раз так, то можно и поиграть, – довольно осклабился Ланиг. – Жаль мне Диппата. Я ведь, пока не узнал о дочери, все никак не мог понять, что им двигало? Как он мог предать? Мастер-наставник ведь. Поэтому и рыл так.

– Спасибо, что дорылся, – негромко сказал император. – Мне тоже было жаль терять Диппата. Редкий профессионал.

– Но его служба пронизана предателями снизу доверху. Настоящими предателями, продавшими родину за деньги.

– Они получат достойную награду, – в голосе его величества звучало мрачное обещание. – Но позже. А пока проведи через свою тарсидарскую канцелярию вот эти документы.

Маран подал Ланигу неприметную серую папку. Тот взял и принялся быстро просматривать ее содержимое.

– Что это за чушь? – спросил он через некоторое время.

– Чушь, – согласился император, откинувшись на спинку кресла. – Забыл, что у тебя там утечка?

– А-а... – почти неслышно рассмеялся начальник стражи. – Да, если святоши в это поверят, то хорошо получат по ушам.

– А вот после ухода информации бери всех, кого заподозрил, – пусть в Карвене считают, что их сеть провалилась при передаче этих документов. Быстрее поверят. Столь масштабная дезинформация может пройти только однажды.

– Понял, – кивнул Ланиг, закрывая папку. – Сделаю. Но у меня есть еще кое-что, и не слишком утешительное.

– Говори.

– Неизвестно куда пропала добрая третья самых сильных магов Академии. Судя по всему, это именно они прикрывают флоты святош. И занимаются еще чем-то. Вот только чем? Увы мне, не знаю. Это, кстати, те самые, что были недовольны своим подчиненным положением в империи и все время бухтели. Говорил я тебе, твое величество, что ты слишком много воли им дал!

– Магов под жестким контролем не удержишь, – тяжело вздохнул Маран. – Недовольные всегда были и всегда будут. Но что могли пообещать им святоши? Они же жгут всех колдунов!

– Не знаю. Но у меня все больше подозрений, что происходящее в последнее время координируется из одного центра, что за всеми нашими неприятностями стоит какой-то очень умный и нестандартно мыслящий человек. Не карвенец, наш. И что война нужна ему только ради того, чтобы в нужное время и в нужном месте не оказалось имперских войск.

– Если ты прав, дело худо. – Император поежился. – Будем искать.

– Будем, – согласился Ланиг. – Но не думаю, что найдем. Слишком умен и осторожен. Придется ждать, пока не высунется. Не люблю предоставлять врагу инициативу, но иного выхода не вижу.

– Да, ты дал мне еще один повод для размышлений, – мрачно сказал Маран, постукивая пальцами по столу. – Кол им всем в глотку! Что ж все эти гнойники одновременно лопнули?

– А вот потому, что одновременно, я и заподозрил единый

центр. – Старый мастер невесело усмехнулся. – Ладно, твое величество, я в Тарсидар. Передам документы и лягу все же поспать, пока совсем не свалился. Переправишиь?

– Что за вопрос? – пожал плечами император, создавая портал. – Иди, прямо в твою канцелярию ведет.

Ланиг попрощался и шагнул в туманное облачко. Император погасил заклинание и откинулся на спину кресла. Невеселые новости принес ему начальник тайной стражи... Ладно, с Диплатом все понятно, его дочь освободят, очень не хочется терять этого человека. Слабость, конечно, проявил, но понять и простить можно – родная кровинка ведь. Он снова поставил себя на место бедняги и вздрогнул – не дай Единый кому-нибудь такой страшный выбор. Маран не знал, как поступил бы сам, потому и готов был простить.

А вот маги Академии... Этим прощения нет. Если начнется война магов, то мир может не выдержать. Придется сходить в Замок Призраков за одним древним оружием, созданным как раз на такой случай. Власти, значит, вам не хватает, господа хорошие? Зря вы это, честное слово. Нет ничего опаснее мага, жаждущего власти, таких придется уничтожать без всякой жалости и оглядки на прежние заслуги. Опаснее всего, похоже, потомственные маги. Ими и придется заняться в первую очередь.

– Ваше величество! – заговорил амулет связи голосом начальника стражи императорской башни. – Мальчишки прибыли. Куда их?

– Ко мне, немедленно! – отозвался Маран. – И прикажи подать горячий обед на шестерых. Девушка с ними?

– Да.

– Хорошо, жду.

– Ее тоже к вам?

– Естественно! – рассердился на недогадливость офицера император. – Все?

– Так точно!

Вскоре дверь приоткрылась, и в кабинет осторожно заглянул Лек. Увидев Марана, коротко поклонился.

– Чего в дверях мнешься? – насмешливо спросил его

величество. – Заходите, дорхоты бесхвостые, жду.

– Э-э-э... – покраснел горец, входя. – У нас тут новости...

– Энет ученицу взял? Знаю уже, доложили. Давайте ее сюда, погляжу.

Горец быстро исчез за дверью. Вскоре в кабинет вошли остальные ребята и рослая девица в костюме из плохо выделанной кожи, в ее широко распахнутых глазах плывало изумление. Она была на добрую голову выше своего наставника и шире его в плечах. Император только головой покачал – крупная девочка. И, похоже, совсем дикая. Маран задумчиво наблюдал за Охотницей, пытаясь понять, чего от нее ждать. Любопытно, первым делом с восхищением уставилась на книги. Так же любит читать, как и Энет? Тогда понятно, почему граф взял ее в ученицы – одного поля ягоды.

Тайка шла как во сне, не веря своим глазам. Все вокруг настолько не походило на родной лес, что девушке было сильно не по себе. Хорошо хоть Энет держал за руку... Она оказалась на огромной платформе, находящейся на непредставимой высоте. Бесконечные разноцветные шпили внизу заставили ее отшатнуться от края: упадешь – костей не соберешь. Энет повел Тайку за собой в какую-то непонятную, очень красивую пещеру.

– Вот и она, твое величество, – донесся до охотницы голос смуглого носатого парня, которого остальные почему-то называли наставником. – Зовут Тайкой, из дикого кочевого племени. Их святоши нашли и всех перебили, одна она чудом осталась в живых. Начала отстреливать карвенцев из лука. Поймали, конечно, собирались пытать, но мы освободили. А...

– Наслышен, наслышен о ваших подвигах, – прервал его туманнолицый демон в сером плаще. – Молодцы! Тайка, значит? Подойди ко мне, девочка.

Она осторожно подошла, вспомнив, что этот демон, по словам Энета, самый могучий вождь мира, что сильнее его никого нет. Несмотря на туманную маску, девушка каким-то образом поняла, что ее изучают.

– Вижу, ничего не понимаешь? – со смешком спросил император. – Не бойся, никто тебя не обидит. А поймешь со временем: жизнь здесь куда разнообразнее, чем в твоем лесу. Пойдем на балкон, посвятим тебя в ученицы. Потом тебе придется остаться у

мастера Кертала, твой наставник отправляется в Форт-Астар, тебе там пока не место.

– Она не хуже меня, если не лучше стреляет, – возразил Тинувиэль.

– Этого мало, – отмахнулся Маран. – Кочевники атакуют Южные Цитадели по всей протяженности, вам тоже запрещаю лезть на рожон, но хочу, чтобы вы сами увидели, что такое штурм и оборона крепости. Пригодится на будущее.

– Как скажешь, твое величество! – поклонился Лек.

– Ты вождь здешний, тебе приказывать, – заставила себя заговорить растерянная Тайка. – Вождю не прекословят, вождю подчиняются.

– Правильно рассуждаешь, – одобрительно кивнул император. – Так, значит, и сделаем.

Все еще растерянную девушку отвели на балкон, затем Энет произнес какие-то малопонятные слова, их подтвердил громовым, перекатывающимся голосом туманнолицый вождь. Когда ее спросили согласна ли она стать ученицей, растерянная Тайка ответила «да», не совсем понимая, на что соглашается. В лицо охотнице ударили с вершины башни ярко-синий луч. Этого оказалось для нее слишком много, и девушка впервые в жизни потеряла сознание.

– Твое величество! – негромко сказал Энет, когда Тайку привели в себя и все вернулись внутрь. – Извини, но, по-моему, ты неправ. Может, все-таки лучше взять ученицу с собой? Тини ведь постоянно просил мага его в Тарсидар перебрасывать, чтобы проводить Раху. В любую свободную минуту. Сам знаешь, что первые дни – основополагающие в становлении отношений учитель-ученик.

Маран откинулся на спинку кресла и задумался. А ведь прав мальчишка, если разобраться. Технику дать любой толковый боец может, невелика проблема, а вот душевые травмы подлечить никто, кроме наставника, не сумеет. Да никому другому ученик и не доверится по-настоящему. Кертал, например, жаловался, что Раха – та еще проблема, голоса на нее не повысь, не ударь, не обзови. Плачет сразу, забивается в какой-нибудь закуток и тихонько так плачет, будто щенок обиженный. Старый мастер в растерянности разводил руками, не зная как воздействовать на девочку, как заставить тренироваться по-настоящему. Только Тинувиэль

ухитрялся быстро выводить ученицу из этого состояния. Две-три шутки, погладил по щеке, и все – улыбается, горы готова свернуть. Втрескалась, конечно, в наставника по уши, что вполне естественно в таких случаях.

Император краем глаза покосился на дикарку, недоверчиво щупающую серый шнурок на своем плече и явно не понимающую, что это такое. Этую вот – тоже на голову замученного девяностолетнего старика? Наверное, пусть мальчишки все же сами занимаются своими ученицами. Опасно? Ничего, зато будут головами, а не другим местом думать, что в обычное время случается постоянно.

– Ладно, – заговорил он наконец. – Берите. Только на стены девчонок не пускайте, там без вашей подготовки легко сгинуть можно. Помните, что они еще не умеют того, что умеете вы. Неопытные наставники, забывающие об этом, довольно часто теряют учеников. Только в прошлом году пять таких случаев было. Не хотелось бы, чтобы это случилось с вами.

– Не пустим! – заверил Энет, подмигнув довольному эльфу, которому надоело быть обязанным отрядному магу за переброску в Тарсидар – тот порой требовал в благодарность совсем уж несуразных вещей.

И где, скажите на милость, взять кумыс, которого Ронх возжелал попробовать? Не продают его в империи, нет торговли со степняками. Нет и никогда не было! А когда эльф все-таки исхитрился обменять десяток своих знаменитых зеленых стрел на мех с кумысом у одного ушлого торговца, Ронх только плевался и говорил, что большей гадости в жизни не пил. Так зачем же заказывал, если гадость?! Тинувиэль с ужасом представил, чего тому еще может захотеться, и поежился. Нет уж, пусть лучше Раха при нем будет, всяко дешевле обойдется, чем капризного мага ублажать.

– Погляжу я, как вы с ними мучиться будете, вот уж посмеюсь... – едва слышно проворчал себе под нос Лек, но император услышал и ухмыльнулся под маской.

Да, горцу можно только посочувствовать. Четыре таких раздолбая в учениках? Это вам не просто так, господа, это жуть, как он еще не свихнулся, бедный. Уже и не ученики, но ведь бывший наставник все равно чувствует себя за них ответственным, никуда от

этого не деться.

– Ладно, дорхоты бесхвостые, – вздохнул его величество, – даю вам время до завтра. Сейчас открою портал в Тарсидар, в поместье отца Энета. По городу не слишком шляйтесь. Это к тебе, Лек, относится в первую очередь! Не может она сегодня с тобой увидеться, иначе вся ее работа за три месяца наスマрку пойдет. Извини, но придется подождать. Твоя Элиа играет заметную роль в одной очень важной интриге, если все получится, то мы, благодаря ей, хорошоенько прижмем епископов.

– Понял... – грустно вздохнул горец. – Не буду шляться. Но в Тарсиадре ведь думают, что я умер.

– Кому надо, все знают. Уж лорд Дайар знает точно. Ушлый у тебя отец, Энет, очень ушлый, пальца в рот не клади. Иногда я подозреваю, что его разведка не хуже моей работает. А то и лучше.

– А на какого дорхота ему разведка нужна? – изумился граф, растерянно глядя на императора.

– Ты у меня спрашиваешь? – со смешком поинтересовался Маран. – Это ты у него спроси. Я знаю только, что разведка у него есть, и его люди не раз моим палки в колеса ставили. Терплю пока, но предупреди его, что терпение может и закончиться.

– Спрошу, – кивнул, нахмурясь, Энет, не замечавший за отцом склонности к интригам. – И предупрежу.

– Где твоя ученица живет, друг ситный? – повернулся к эльфу его величество.

– В казармах стражи, – ответил Тинувиэль.

– Тогда тебя я переброшу туда, забери девочку вместе с ее вещами к лорду Дайару. Теперь обращаюсь ко всем пятерым. Яды на вас больше не действуют, никакие, не волнуйтесь по этому поводу, отравить не смогут. Убийцы Черного Клана тоже не страшны, сила великих мечей убережет вас в любом случае, но на рожон не лезьте, а то я вас знаю.

– Не будем лезть, твое величество! – заверил Лек, но император ему почему-то не поверил, иронично хмыкнув.

Маран еще некоторое время смотрел на мнущихся юнцов и незаметно вздыхал. Знать бы, чего ждать, ох, знать бы. Увы,

пророчество слишком туманно, да и сбываться начнет только после того, как к этой разбитной компании присоединятся Жрица, Беспалая, Неизвестная и Принцесса. Кого, интересно, подразумевал Элиан под Принцессой? Уж не одну ли из его дочерей? Не хотелось бы, вот только его не спрашивали. А какие еще в мире принцессы есть? У короля Нартагаля только малолетний сын, у касика Даркасадара есть одна дочь, но ей под сорок – толстая, капризная, склонная баба, к тому же – невероятная дура. Вряд ли кто-нибудь из юнцов способен обратить на такую внимание. Или это только прозвище? Кто его знает... Император в который раз поежился. И за что Единый возложил эту неподъемную ношу именно на него? Однако деваться некуда, придется тащить.

Похожие на теней слуги быстро накрыли на стол, опасливо поглядывая на императора, который нечасто баловал дворец своим присутствием. Как и всякого неизвестного, его побаивались. Канцлер был злом давно известным, привычным, каждый слуга хорошо знал, чего ждать от высокого лорда. А вот чего ждать от его величества? А дorchot его знает! Лучше стараться вести себя повежливее и понеприметнее. Никто не помнил, чтобы император приказал наказать слугу, но все ведь когда-нибудь случается в первый раз. Никому не хотелось стать таким первым, вот каждый и старался, как мог.

Оголодавшая молодежь быстро смела все со стола, ничуть не смущаясь присутствием императора. Маран с любопытством наблюдал за ними. Многое можно сказать о людях, да и не только о людях, по поведению за столом. Лека взять хотя бы. Привык есть, что дают, не пререкаясь, дома у него небогато, лорд Кетван прижимист. Ест аккуратно, держит кусок хлеба под ложкой, чтобы не упустить ни капли похлебки. Энет характеризуется только одним – прекрасным воспитанием, истинный лорд незнамо в каком поколении. Храт ест руками, как принято среди урук-хай, но тоже очень аккуратно, со стороны это выглядит даже красиво. Об эльфе и говорить не стоит, эстет до мозга костей во всем, в том числе и в поведении за столом. Каждую мелочь обставляет так, что залюбуешься. Санти. Да, Санти. Манеры скомороха оставляли желать лучшего. Улица оставила на парнишке свой гнусноватый след. Придется просить Энета дать кровному брату несколько уроков этикета, не помешает. Император покосился на дикарку и хмыкнул. Тихий кошмар – чавкает, вся перемазалась кремом. Наверное, в жизни пирожных не ела, вряд ли в

ее племени знали другие сладости кроме меда и фруктов.

Когда все насытились, Маран не стал больше задерживать ребят – пусть отдохнут немного, а то замученные какие-то. Он открыл портал во двор дома высокого лорда ар Инвата. Горные мастера один за другим нырнули в туманную дымку и исчезли. Император вздохнул. Что же вас ждет, ребята? Почему именно на вас свалился весь этот кошмар? Стать исполнителями древнего пророчества? Врагу не пожелаешь.

Энет с интересом оглянулся, оказавшись во дворе родного дома. Почти ничего не изменилось, все так же спокойно, тихо, благообразно, только изредка мелькнет какой-нибудь слуга, бегущий по своим делам. Однако охрана не зевала: заметив выход нескольких человек из портала, воины на всякий случай изготовились к бою, однако, узнав молодого хозяина, расслабились. Кто-то побежал докладывать лорду Дайару о возвращении сына с друзьями, улыбающийся во весь рот начальник охраны подошел и низко поклонился. Любили молодого хозяина в этом доме, еще с тех времен, когда он был калекой. Не стал ведь капризной сволочью, как многие, совсем наоборот – всегда заступался перед строгим отцом за провинившихся слуг, а тот ни в чем не мог отказать любимому сыну – и прощал.

Не прошло и двух минут, как на лестнице показался хозяин дома. Дайар очень соскучился по сыну, ежедневно и ежечасно думая о нем. Ланиг ар Вортон на запросы отвечал только, что с парнем, мол, все в порядке, а этого измученному неизвестностью отцу было мало. И вот появился. Запыленный, замученный, оборванный, вытянулся едва ли не на голову. Сплошные мышцы и сухожилия, куда только подевался калека-книжник. А это еще что? Высокий лорд с недоумением уставился на черный шнурок, свисающий с левого плеча сына. Он уже младший мастер? За полгода?! Единый! Да разве такое бывает?

Друзья сына тоже носили черные шнурки, а значит – бывает. Нет, сегодня Энету придется рассказать отцу все, не отделается общими словами, как обычно. Но как же он изменился. Все-таки великое счастье, что покойный Лек ар Сантен взял сына в ученики. Стоп. Почему покойный? А это кто стоит? Покойник ведь, собственной персоной! Интересно. Слухи о том, что горец жив, доходили до лорда Дайара, но он не поверил, сам видел парня

мертвым. Но, несмотря на это, – вот он, улыбается. Ох, какая-то здесь интрига. И понять, какая – просто необходимо.

– Искренне рад, что вы живы, светлый лорд, – поклонился отец Энета Леку, ничем не выдавая своей заинтересованности. – Добро пожаловать в дом рода ар Инват!

– Искренне благодарен за ваше гостеприимство, высокий лорд! – не менее церемонно поклонился горец. – А жив? Спрятали меня так, пусть святоши думают, что у них все получилось.

– Но вы здесь, они узнают.

– Теперь это уже не имеет значения. – Юноша позволил почти незаметной улыбке скользнуть по губам. – Яды ни на одного из нас больше не действуют. Вообще. Охотники Черного Клана тоже не страшны. К моему глубочайшему сожалению, этому есть цена, та древняя легенда оказалась правдой – все произошло из-за нее.

– Вы имеете в виду Пророчество Пятерых? – нахмурился лорд Дайар.

– Да. Оно о нас. Мы, все пятеро, носители великих мечей первозданных сил. Мечи наградили нас многими интересными способностями. Я говорю вам это, чтобы не возникало ненужных вопросов, если увидите что-нибудь из ряда вон выходящее. Впрочем, об этом лучше не здесь.

– Согласен. – Хозяин дома задумчиво посмотрел на горца.

– Отец, – заговорил Энет. – Я взял ученицу, теперь я несущ за нее ответственность.

– Девушку? – искренне удивился лорд Дайар. – Почему?

– Так уж вышло, – развел руками юный граф. – Позволь представить тебе ее.

Он подтолкнул ошеломленную Тайку вперед, будучи не уверен в реакции отца. При виде рослой, на голову выше него самой девицы в грязной и рваной кожаной одежде лорд замер на месте, только брови взметнулись вверх, сложившись домиком. Обычно такого рафинированный аристократ себе не позволял, одно это говорило о степени его изумления. Лорд Дайар покосился на сына, тяжело вздохнул, поклонился и сказал:

– Добро пожаловать в наш дом, ученица моего сына! С этого

момента он вам родной, сударыня. Даю в том слово главы рода ар Инват.

– Сп-па-а-асибо... – едва сумела выдавить ошеломленная Тайка, понявшая только, что перед ней отец ее наставника.

Девушка пыталась как-то разобраться в происходящем, но запутывалась с каждым мгновением все больше и больше. Взять хоть этого пожилого, роскошно одетого человека. Кто он? Вождь? Охотник? Шаман? Нет, что-то совсем иное. А что? Почему здесь все так сложно? Как просто было в родном племени... Тайка ощутила острую тоску при воспоминании о несчастных Белках, даже слезы на глазах появились.

Лорд Дайар сразу отметил это и вопросительно покосился на сына.

– Святоши убили всех в ее племени, – помрачнел Энет. – Даже детей. Она домой вернулась, а там...

– Ясно... – В глазах высокого лорда появилось сочувствие, он знал насколько это больно – терять тех, кого любишь. – Надеюсь, девочка, мы сумеем стать тебе новой семьей.

Этого Тайка уже не вынесла и, сев прямо на землю, разрыдалась. Энет кинулся утешать ученицу, но она ничего не замечала. Столько времени молча носимое в себе горе властно потребовало выхода.

– Не трогай ее, пусть выплачется, это даст хоть какое-то облегчение, – дотронулся до плеча сына лорд. – И вообще, в первые дни будь с ней поласковее.

Беда девушки сразу изменила отношение лорда Дайара к ней. Никогда он не забудет своего отчаяния после неожиданной смерти Ленеки. Только осознание того, что у него остался маленький беззащитный сын, удержало от самоубийства. Слишком лорд любил жену. Потерять всю семью, наверное, еще страшнее. Тем более – увидеть мертвые тела близких. А как карвенцы умеют изгаляться над «еретиками», Дайар хорошо знал, доводилось видеть последствия развлечений господ инквизиторов.

– Добрый вечер! – поздоровался вышедший из туманного облачка Тинувиэль, ведя за руку смущенную Раху.

Лорд Дайар только сейчас обратил внимание, что эльфа не было. Взглянув на крохотную орку, прячущуюся за спину принца, он едва

слышно хмыкнул. И этот туда же. Что ж они все себе девчонок-то в ученицы набирают? Не понимают, сколько проблем те доставят? Женщины совсем другие, у них иные интересы, делать из женщины воина – неблагодарное занятие.

– А почему Тайка плачет? – удивленно вздернул уши эльф.

– Семью вспомнила… – вздохнул граф.

– Ясно… Раха, это – ученица Энета. Будете вместе жить и тренироваться. У нее всех родных святоши убили. Ты знаешь, как они убивают.

– Ой, мамочка, ужас-то какой… – Орочка вцепилась себе зубами в руку, с состраданием глядя на дикарку, уткнувшую голову в колени.

Тайка в конце концов сумела заставить себя успокоиться и встала. Покраснев, она уткнулась взглядом в землю, досадуя, что позволила себе распуститься – это недостойно охотника, который никому не должен показывать своих чувств. Никогда и ни при каких обстоятельствах! А она? Позор. Но люди вокруг почему-то не восприняли ее поведение как позор, как слабость, ни один не смотрел на девушку осуждающе. Наоборот, во взглядах каждого она видела сочувствие.

– Здравствуй! – подошла к Тайке невысокая девушка с красной кожей и выступающими из-под верхней губы клыками. – Меня Рахой зовут. Я ученица Тинувиэля.

Она показала на парня, с которым охотница соревновалась в стрельбе. Но раньше девушка не особо присматривалась к нему, отметила только, что очень красив. Теперь присмотрелась. У Тинувиэля были огромные, нечеловеческие глаза и лицо, заставляющее цепенеть от восторга. Даже постоянно шевелящиеся остроконечные длинные уши совершенно его не портили, совсем наоборот.

Тайка долго завороженно смотрела на эльфа. Ну, не бывает таких красавчиков. Охотница понимала, что у нее никогда не будет ни мужа, ни детей, это ей вполне доходчиво объяснили еще в родном племени. Ее судьба – одиночество. Навсегда. Но не смотреть на Тинувиэля не могла.

Многое еще случилось в этот вечер, о многом говорили давно не видевшие друг друга отец с сыном. Лорд Дайар был потрясен

рассказом Энета, не хотел верить, но полуупрозрачные крылья и горящие синим огнем картаги младшего ар Инвата говорили сами за себя. Значит, правда. И никуда от этого не денешься, придется учитывать новые обстоятельства в своих планах. Высокий лорд молча выслушал императорское предупреждение и высокомерно усмехнулся. Еще посмотрим, кто кого, тайной страже Марана до его разведки далеко, не умеют тонко играть, привыкли, что сильнее всех. А сила далеко не всегда решает, кто победит, тут еще и ум нужен. Так что – посмотрим, ваше величество. Но сын его не поддержит, это ясно. Ничего, со временем все поймет, молод еще. Для отвода глаз лорд Дайар пообещал не мешать имперской разведке, не собираясь, конечно, выполнять свое обещание.

Энет уснул прямо в кресле. Лорд приказал лакеям отнести сына в спальню, раздел, уложил, укрыл и долго еще смотрел на юношу, до боли похожего на мать. К сожалению, времена, когда Дайар был молод и любим, не вернуть. Осталось только обеспечить единственному сыну будущее, достойное наследника древнего королевского рода.

6. Дитя Света

Небольшая комната с серыми каменными стенами, выделенная двум ученицам в казармах стражи Форт-Астара, была не слишком-то уютна, по мнению орочки, но привередничать она не решалась – война, не до уюта тут. Только изредка неприязненно морщила губы и скалила клыки, привыкнув к комфорту Рурк-Дхалада и Тарсидара, но старалась не делать этого при наставнике. Вызвать недовольство строгого эльфа орочка боялась пуще смерти. А Тайке и такое жильеказалось верхом роскоши.

Тинувиэль с Энетом в последние дни гоняли учениц так, что у тех не оставалось сил ни на что, добирались до казарм и валились на узкие, жесткие кровати с жалобными стенами, сразу проваливаясь в сон. И жалости наставники не ведали! Когда же они были заняты, девушками занимались мастера-наставники из местного тренировочного зала.

Даже Тайка, привыкшая к постоянным физическим нагрузкам, неправлялась и падала без сил, тяжело, с хрипами дыша. Что уж говорить о слабосильной Рахе? Но орочка не сдавалась, ведь обожаемый Тинувиэль смотрел на нее такими требовательными глазами. Как можно его подвести? Никак нельзя. Одно обе ученицы поняли твердо – легкой жизни не будет. Тем более – видели, как тренируются сами горные мастера. Это же просто ужас какой-то!

Циклопические стены Южных Цитаделей, взметнувшиеся вверх на добрых две сотни локтей, потрясали воображение. И такие стены возвели от западного до восточного побережья Элиана? Трудно поверить, однако это и в самом деле было так. Без магии это явно невозможно. Впрочем, все знали, что имперские маги-инженеры на многое способны.

Раха не переставала изумляться здешнему богатству. В Оркогране самые простые продукты стоили дорого, дороже всего прочего в несколько раз. А здесь? Таких вкусностей орочка в жизни не пробовала, в каждом кабачке подавали что-нибудь свое, фирменное. Чтобы бесплатно поесть в любом из них, достаточно было показать серый шнурок ученицы.

Горных мастеров в Форт-Астаре любили и уважали, ведь именно

они стояли между жаждущими крови кочевниками и горожанами. Хозяева лавок и кабаков без пререканий обслуживали их, но мастера старались не злоупотреблять благодарностью людей. За них, как всегда во время войны, платил император. И платил щедро.

Обычным солдатам и офицерам тоже перепадало достаточно. Многие дочери степенных горожан ничего не имели против того, чтобы провести ночь с каким-нибудь бравым защитником отечества, чем те частенько пользовались. Родители ворчали, конечно, не одобряя разврата, но не слишком сильно, нравы в империи были относительно свободны. К тому же довольно часто случалось так, что соблазнитель становился зятем. А это означало, что дочь и ее дети никогда не останутся без куска хлеба с маслом. Если кормилица погибал, семью воина брал на полное содержание его величество. В Элиане искалеченные на войне ветераны никогда не просили подаяния и не рылись в помойках, это было просто невозможно.

– Рах, а чего оно с нами вообще буит-то? – спросила Тайка, сладко потянувшись. – Ну, махать железяками настрополимси, а тама?

– Откуда же мне знать? – поморщилась орочка, растирая противно ноющие икры. Тинувиэль под вечер устроил ученицам пробежку верст на двадцать, да еще и с мешком песка у каждой за плечами. – Наши и сами ни дорхота не знают. Кидают их куда попало, будто на прочность испытывают.

– А может, и так, – усмехнулась охотница, раскрывая книгу. С тех пор, как Энет обучил ее чтению, она читала не переставая, даже если совсем не понимала прочитанного, интереса непонимание не убавляло. – Ты гля, мужиков то к вам шлют, то к нам на Манхен, то сюды, а мастер Кертал баял, шо их скоро к святошам в Карвен погонют, девку якую-то рятовать.

– Ой, мама! – вздрогнула Раха. – Совсем очумели, ребята же только младшие мастера, а не невидимки...

– Ха! – довольно осклабилась Тайка. – Бают, шо они шибче невидимок машутся. Эни вчерась мастера-наставника уронил, тот имявкнуть не успел. Долго опосля башкой тряс, все спрашивал: как? Сама видала!

Орочка, впрочем, тоже была свидетельницей этой сцены. Девушки дружно захихикали, вспомнив ошарашенную физиономию

мастера-наставника, которого победил вчерашний ученик. Потом принялись сплетничать о Тинувиэле с Энетом. У тех бы уши в трубочки свернулись, если бы случайно услышали. Разговор тек неспешно, время было, до утра их обещали не трогать.

Откровенно говоря, подруги, – а они успели за прошедшие дни стать подругами, – скучали в Форт-Астаре, несмотря на постоянные тренировки. На стены девушкам разрешили подняться только однажды, да и то во время затишья. Варвары ходили на приступ по два раза в день, но как-то вяло, явно чего-то дожидались. А вот чего? Предположений высказывалось множество, да только как оно на самом деле – никто не знал

Кочевники продолжали атаки, имперские войска на стенах отбивали их почти без потерь, но все понимали, что это неспроста. Не так воюют степняки, совсем не так. Куда подевалась их знаменитая безумная ярость? Атакуют лениво, без какого-либо задора, будто выполняют неприятную повинность. По городу ходили слухи о десанте святош с другой стороны. Если это случится, то город окажется в настоящей осаде. Да и с паладинами справиться куда труднее, чем с варварами.

– Может, прошвырнемся? – спросила Тайка, отложив книгу, не читалось ей этим вечером. – Да и жрять охота.

– И то дело, – согласилась Раха, сглотнув голодную слону, желудок настоятельно заявлял о себе уже давно.

Собирались недолго, только смотались в подвальную мыльню, по-быстрому ополоснулись и переоделись в чистую одежду. Скатав грязное в узел, отнесли в прачечную при казарме. Прачки, как обычно, встретили подруг потрясенными взглядами, они никак не могли взять в толк, что Раха с Тайкой обучаются у горных мастеров. Нечасто такое случалось, и на женщин-воинов смотрели как на заморских чудищ по всей империи. Оскорбить их, конечно, никто не решался, все равно ведь горные мастера. Дадут по зубам, а то и вовсе без потомства оставят, с этих станется. Поэтому забияки предпочитали делать вид, что не замечают подруг, даже если те случайно забредали в самый низкопробный кабак.

Выйдя из ворот казармы и поулыбавшись стражникам, даже отпустив пару соленых шуточек, девушки пошли по улице, направляясь к торговой площади. Форт-Астар совсем не походил на

Тарсидар, это был чисто пограничный, постоянно воюющий город, что не могло не отразиться на архитектуре. Здания чаще всего представляли собой крепости в миниатюре – на случай прорыва врага внутрь стен. Все было приспособлено для уличных боев, дома строились разной высоты, что давало немалое удобство лучникам и мушкетерам, чьи посты находились на крышах самых высоких зданий. Кроме того, имелось немало ловушек, вплоть до проваливающихся под землю улиц, магического огня, лабиринта подземных ходов, имеющих выходы в любую точку Форт-Астара... Красоты здесь было немного, не до нее как-то, хоть горожане и старались украшать свои дома, как могли.

Тайка бросила две мелкие монетки уличному пирожнику, и подруги с удовольствием съели по горячему сладкому пирогу с тазимой, ягодой белого цвета, которой на юге империи росло немерено. Сейчас был как раз самый сезон для ее сбора. Охотница до сих пор не понимала, почему несъедобные металлические кругляши охотно меняют на еду. Энет не раз пытался объяснить ученице принципы денежного обращения, но она так и не сумела осознать столь непривычную концепцию. Однако пользоваться деньгами научилась. Ими Энет снабдил Тайку в достаточном количестве, чего-чего, а средств у его отца хватало, один из самых богатых людей Элиана, как-никак. Девушки шли, рассматривая лавки, товар, выложенный прямо на выдвинутые на улицу прилавки, людей. Горожане, заметив их серые шнурки учениц, уважительно кланялись. Подруги в ответ улыбались.

Торговая площадь открылась неожиданно, сразу плеснув в глаза яркими одеждами, в ноздри – запахами экзотических фруктов, а в уши – разноязыким гомоном. В империи государственными считались три языка, оставшиеся от трех самых крупных стран древности. Лаарский, сенторский и ратанский. Остальные были давно и прочно забыты. Но даже в областях, где население говорило не полаарски, люди знали основной язык Элиана и вполне сносно могли на нем объясняться. В Форт-Астаре разговаривали на ратанском. Национальные признаки еще кое-где сохранились, но повсеместно превратились в обычай, истоков которых почти никто не помнил.

Конечно, до роскошных рынков Тарсидара здешней торговой площади было далеко, но, несмотря на это, имелось все, чего душа пожелает. Были бы деньги. В дальнем углу базара продавали продукты задешево, пусть и не слишком высокого качества, однако

даже самые бедные горожане вполне могли прокормиться. Тем более что работы в Форт-Астаре было полным-полно, рабочих рук не хватало, немногие хотели жить на границе с Великой Степью. Стены стенами, но мало ли. А вдруг кочевники прорвутся? Все ведь потеряешь, даже жизнь. Лучше не рисковать. Однако кое-кто ехал сюда на заработки – платили на южной границе существенно больше, чем в центре и на севере, порой в два-три раза, а цены завышать не позволял император. Спекулянтов ждал позорный столб и конфискация имущества.

Девушки бродили между прилавками, с интересом глазея на выложенные товары. То их внимание привлекали полуопрозрачные, яркие и цветастые платки из Фан-Киона. То шелковые платья и шаровары, поставляемые урук-хай из Урхуда, Мрока и Гортаха. То янтарные бусы и ожерелья из Нерлавана. То практичные, крепкие костюмы из гаара, ткани, вытканной из древесных волокон, добываемых в лесах возле Шерандара и Тавиенталя. То поделки ремесленников из Нартагаля и Даркасадара. О фруктах, овощах, рыбе, мясе, сладостях даже говорить не стоило, их было столько видов, что глаза разбегались.

Впереди собралась небольшая толпа. Заинтересовавшись, подруги прорвались сквозь нее и оказались у помоста, на котором развлекали людей два паяца. Скоморохи приехали? Хорошо, бродячие труппы циркачей уже около десяти дней обходили Форт-Астар стороной, и горожане соскучились по развлечениям. Тайка с Рахой тоже совсем не прочь были посмотреть на представление. Внезапно орочка заметила неподалеку знакомую копну рыжих волос и ткнула подругу пальцем в бок. Санти, конечно, – эту огненно-рыжую шевелюру и сияющую улыбкой конопатую физиономию не узнать невозможно. А он что здесь делает? Тоже посмотреть пришел? Девушки протолкались к парню и вежливо поздоровались.

– А, это вы, – улыбнулся рыжий. – Гуляете?

– Нас отпустили, – поспешила сообщить Раха, вполне справедливо опасавшаяся, что кровный брат наставника способен погнать учениц на новую тренировку, как не раз уже случалось.

Санти понял ее опасения, помнил, как сам стонал еще несколько месяцев назад. Пусть себе девочки немного отдохнут, замучились, бедные, совсем их Тини с Энетом загоняли. Впрочем, еще неизвестно, что будет после того, как у него самого появится ученик.

На помост выскочил бело-синий паяц, сделал сальто и низко поклонился зрителям.

– Ой, это же дядька Таван... – растерянно сказал Санти. – Точно он. Во дела, а я думал, он умер...

– Вы его знаете? – удивилась орочка.

– Друг отца. Я сам отца едва помню, он погиб, когда мне четыре года было, потом дядька Таван о нас с мамкой заботился, еще вот таким меня жонглировать учил.

Санти показал – каким. Не выше колена. Раха удивилась, услышав, что такого малыша учили всяким хитрым штукам. Что он в этом возрасте понять-то мог? На помосте между тем разворачивалось представление. Паяца сменили акробаты, легко ходившие по канату, натянутому между двумя столбами. Орочка знала, что их с Тайкой тоже вскоре будут учить этому, и нервно поежилась. Не представляла, как можно выучиться. Но раз наставник научился, то и она справится. Никуда не денется.

На помост вышел жонглер. Очень необычно выглядящий. Раха удивленно приоткрыла рот – не видела еще таких людей. Светлокоричневая кожа, узкие синие глаза, вздывающиеся к вискам, горятели яростным огнем. Точеные черты лица и грива золотистых волос. И... Это была молодая женщина. Она, ничего не говоря, поклонилась зрителям и начала зажигать факелы.

Санти завороженно смотрел на циркачку. Какая невероятная, какая необычная красавица! Но откуда она такая взялась? Не было в империи народа, к которому она могла бы принадлежать: странная, полуэльфийская какая-то внешность. Золотоволосая подбросила вверх один факел, за ним другой, потом третий. Вскоре она жонглировала уже десятком, в темнеющем вечернем воздухе это выглядело удивительно красиво. Рыжий вздохнул, понимая, что сам никогда больше не выйдет на арену. Все в прошлом, как ни грустно это осознавать.

Л'эт привычно подбрасывала и ловила факелы, а сама не могла оторвать глаз от трех зрителей, стоящих перед самым помостом. Вот они и пришли, люди из снов. Живые, не призраки. Да, это они. Даже этой ночью снилось, как отбивается от толпы карвенцев двумя мягко светящимися мечами спиной к спине с этой вот краснолицей, миниатюрной девицей с клыками. Рыжего тоже помнила. Он почему-

то ощущался самым близким человеком на свете, самым дорогим, просто бесценным. Единственным и неповторимым. Даже давно погибший отец не был так близок, как этот незнакомый парень в ее лихорадочных, возможно, пророческих снах.

Боги, смилийтесь над своей служительницей! Ради чего вы послали все эти видения? Неужели она обладает древней силой служителей Астаг? Способностью видеть будущее? Выходит, обладает. До этого дня юная жрица думала, что людей из ее снов не существует. Что это наваждение. Но вот ведь они, стоят перед помостом. Значит, сны все-таки были пророческими... Она настолько погрузилась в свои мысли, что два факела вырвались из рук и полетели в толпу.

Санти заметил летящие к нему факелы, легко подхватил их и отправил обратно. Девушка почему-то растерялась и поступила так же. Вскоре они жонглировали вдвоем, факелы образовали в воздухе между жонглерами огненную цепочку. Рыжий с неизвестной девушкой увлеклись, начав произвольно менять рисунок. Понявший, что происходит что-то не совсем обычное, паяц перехватил пару пролетавших мимо факелов, и жонглеров стало трое. Зрители взывали от восторга, настолько красивого представления они давно не видели. Огненные цепочки метались между тремя людьми, вращались, складывались в различные фигуры. Люди вокруг вопили, аплодировали, буквально сходили с ума.

Санти был счастлив. Такого наслаждения он не испытывал никогда в жизни, в балагане Балдура был только один жонглер – он сам. А втроем – совсем другое дело. Красота какая!

Представление закончилось, и в шляпу, с которой начал обходить зрителей паяц, потоком посыпались монеты. Попадались даже серебряные. Он сильно удивился, давно труппа не знала таких сборов, за неделю, бывало, столько не собирали, как за один этот вечер. Добравшись до зрителя, так хорошо умевшего жонглировать и выручившего отступившуюся Ле, паяц низко поклонился со словами благодарности. А потом заметил на левом плече незнакомца черный шнурок. Единый, да это же горный мастер! Тогда понятно, горные мастера еще и не то могут, никакому акробату не повторить их трюков.

– Дядь Таван... – заговорил улыбающийся рыжий. – Али вы меня не узнали? Я же Санти, сын Вила Эрхи.

Что? Санти? Но... Но как?! Как презираемый всеми скоморох смог стать горным мастером? Пожилой циркач с недоверием уставился в лицо парню: да, это тот самый наглый рыжий мальчишка, которого он когда-то учил жонглировать. Только выросший, сейчас он просто копия отца, Вил отличался такой же бесшабашной, обаятельной улыбкой, за которую ему прощали очень многое. После смерти матери мальчика Таван хотел было забрать ребенка, но владелец балагана, Балдур, не позволил, выгнав возмущенного паяца посреди зимы. Он выжил и со временем собрал свою труппу.

— Ты очень похож на отца... — негромко сказал циркач, окончательно убедившись, что перед ним сын давно погибшего друга.

— Я знаю, — помрачнел Санти. — Балдур мне говорил.

— Как он сам-то?

— В Тарсидаре осел, не выступает давно. Да что мы на улице-то? Пойдем, я тут кабачок приятный неподалеку знаю. Недорого и вкусно.

— А переночевать там можно будет? Не прогонят?

— Пусть попробуют, — хищно осклабился Санти. — Я горный мастер или погулять вышел?

— Как ты им стал-то? — поежился Таван, с недоумением глядя на юношу.

— Да уж стал... Попал, как кур во щи, выхода другого не осталось. Но я доволен, у меня есть настоящие друзья, за которых и шкуру отдать не жаль, если придется. Научился столькому, что слов нет. С императором на «ты». К тому же я теперь не просто сын безродного скомороха Вила Эрхи, а граф ар Эрхи. Какое-то поместье даже пожаловали дней десять назад, только я там еще ни разу не был, не до того как-то.

— За все это чужой кровью платить надо... — вздохнул циркач.

— Надо, — помрачнел Санти. — Но я никого невиновного еще не убил, дядь Таван. И постараюсь, чтобы так оно и дальше было.

— Благими намерениями... — криво усмехнулся тот. — Подождешь, пока мы реквизит соберем?

— Конечно. Кстати, познакомьтесь, это Раха и Тайка, ученицы

моих кровных братьев.

Таван покосился на двух девушек с серыми шнурками на плечах и уважительно поклонился. Потом сообразил, что одна из них никак не походит на человека.

– Простите, вы орка? – растерянно спросил он.

– Да, – вежливо показала клыки Раха.

– У меня не только орк, но еще и эльф в кровных братьях имеется, – хохотнул Санти.

– Эльф?!

– Да, принц Тинувиэль Эллевалериэ, младший сын Хранящего Свет. Я вас познакомлю. Ох, как он поет... Упасть и не встать.

– Эльфы, говорят, всегда этим отличались... – озадаченно пробормотал циркач, не поверивший, что перворожденные вышли из своего заповедного леса.

– Чего это ты тут меня обсуждаешь, зараза рыжая? – раздался из-за спины Санти наполненный смехом, мелодичный голос. – А по шее не хошь? Могу обеспечить.

Перед Таваном стоял самый настоящий остроухий эльф, обнимающий двух прильнувших к нему красоток. Раха при виде столь откровенного бесстыдства едва не зарычала, с трудом сдержавшись. Ей было нестерпимо больно видеть наставника с этими распутными женщинами. И каждый вечер у него появлялись новые! Кобель бессовестный! Орочка, конечно, понимала, что не способна привлечь такого красавца, что он не видит в ней женщину, но ничего не могла с собой поделать, думая о Тинувиэле постоянно, ревниво следя за наставником. Однажды даже нарвалась на потрясающую картину, сунувшись вечером в его спальню что-то спросить, – распутный эльф развлекался там сразу с тремя. С невероятным трудом она заставила себя не устроить скандал, а тихо уйти. Потом, правда, долго плакала, забившись в какой-то закуток. Обидно было до невозможности. Впрочем, а чего она ждала? Читала ведь, что такое эльфы. Да, читала, но не верила. А они, оказывается, и вправду развратные...

– Сам сейчас получишь, хмырь ушастый! – хохотнул Санти. – Познакомься вот лучше с дядей Таваном, он мне вместо отца был.

– Здравствуйте, уважаемый! – Эльф вежливо наклонил уши вперед. – Я рад знакомству.

– Я тоже... – дрожащим голосом ответил циркач, все никак не могущий прийти в себя от явления перворожденного.

– Тебя ждать? – снова повернулся к кровному брату принц.

– Нет, я давно скоморохов не встречал, соскучился.

– Тогда мы пошли. Не забудь, утром прибывает его величество, нас ждут на совещании. Кертал уже здесь, грозился заняться нашим воспитанием.

– Копыто дорхота ему в глотку! – поежился рыжий. – Устроит он нам теперь веселую жизнь.

– Устроит... – тяжело вздохнул эльф. – Это он хорошо умеет. Ладно, я пошел. Всем до свидания!

Он коротко поцеловал повисших на нем хихикающих красоток и скрылся в толпе. Раха едва сдержала рвущиеся наружу слезы. Создатель Миров, до чего же обидно!

– Да... – протянул Таван, обалдело покачивая головой. – Жизнь у тебя, похоже, богата на приключения.

– В гробу я их видел, эти приключения! – поморщился Санти. – Только деваться некуда. Обратно на арену пути нет, это в прошлом. Увы. Я тут в такие дела ввязался, что...

– Зачем же ввязывался?

– А меня кто-нибудь спрашивал? Бросили, как щенка в воду, – плыви как хочешь. Вот и плыву, тонуть-то неохота. Завтра вон император вызывает, снова куда-то пошлет. А он в хорошие места не посыпает, только в такую задницу, что... Мужик он, конечно, неплохой, но слишком уж доставучий.

– И ты не боишься так о его величестве говорить? – передернуло пожилого скомороха.

– С чего бы? – удивился Санти. – Слышал бы ты, как мы его порой в глаза называем. Ланиг вон позавчера полчаса его так костерил, что только запоминай на будущее. А Маран слушает, да ржет. Своим его величество многое позволяет.

– Своим... – повторил Таван, не понимая, каким образом сын его

друга сумел стать своим для грозного повелителя Элианской империи.

– Твои, между прочим, уже собрали реквизит, – заметил рыжий.

Пожилой скоморох обернулся и увидел, что остальные циркачи времени не теряли, пока он тут разговоры разговаривал. Неудобно даже, ну да ладно, не чужие люди, сочтутся как-нибудь. Вскоре все были готовы. Скоморохи с беспокойством поглядывали на хозяина труппы, о чем-то беседующего с горным мастером. Ничего хорошего проклятые Церковью от этого разговора не ждали.

Санти отвел труппу в кабак «Веселый осел», где частенько столовался. Хозяин его сразу узнал – забыть рыжую шевелюру и улыбчивую, конопатую физиономию молодого горного мастера было невозможно – и поспешил навстречу, низко кланяясь по дороге.

– Добрый вечер, уважаемый! – поздоровался Санти, бросая кабатчику негромко звякнувший кошелек, который тот ловко подхватил. – Мои друзья поживут у вас в гостевых комнатах недельку-другую. Здесь хватит на все.

– Всегда к вашим услугам, уважаемый господин ар Эрхи! – снова поклонился хозяин, низенький смешной толстячок. – Комнаты сейчас приготовят.

– Вот и хорошо.

– Зачем... – простонал пожилой скоморох, чувствуя себя очень неудобно. – У нас неплохие сборы...

– Ой, оставьте, дядь Таван! – отмахнулся рыжий. – Было бы из-за чего переживать. Мне столько платят, что я не знаю куда эти деньги девать. Кормят, плюют – бесплатно, одежду тоже выдают, как только потребуешь. Я вам стольким обязан, что слов нет. Не хватало еще деньгами считаться.

– Ну, как хочешь... – тяжело вздохнул тот.

– А что это за девушка? – Санти проводил взглядом давешнюю жонглерку. – Такая красивая и необычная...

– С островов возле Эльварана она, – ответил скоморох, садясь за стол в углу. – Грустная это история. Расскажу, если хочешь.

– Хочу.

Подбежавшая служанка быстро расставила на столе кружки с элем, другая принесла миски и жареного каплуна с залитой топленым маслом пшеничной кашей. Санти пригубил эль и одобрительно кашнул головой. До того, которым угощает император, конечно, далеко, но относительно неплохо. Он с удовольствием сгреб ногу каплуна, зная, что скоро мясо станет для него запретным. Уже даже начал понимать – почему. Но это потом. Таван тоже поел и выпил эля.

– Теперь можно и поговорить, – сказал он, отдуваясь. – Ты прав, вкусно здесь кормят.

– Потому и облюбовал этот кабачок, – кивнул Санти. – Хотите знать, как я стал горным мастером?

– Да уж неплохо бы.

Рыжий вздохнул, погружаясь в воспоминания. Мамочка, это же всего восемь месяцев прошло, не больше, а столько событий, что, кажется, годы и годы назад все случилось. Он не спеша, в лицах, рассказывал о невеселой жизни в доме осевшего в Тарсидаре хозяина балагана. О своих глупых и порой жестоких шутках, из-за которых рыжего мальчишку возненавидел весь город. А затем о случайной встрече с прибывшим с Манхена молодым горцем, в которого по недомыслию швырнул шишку. И обо всем, что случилось потом, кроме того, конечно, о чем приказал молчать император. Таван слушал рассказ, недоверчиво покачивая головой, но понимал, что мальчик не лжет. Повезло ему, если честно. Эх, знал бы, что у бедняги в Тарсидаре такая невеселая жизнь, обязательно бы туда наведался, да забрал Санти к себе. Теперь поздно, он ушел совсем в другую жизнь.

– Ты, главное, человеком постараися остаться, – вздохнул он. – Власть людей здорово портит, а у вас, горных мастеров, этой власти немерено.

– Подлый и корыстный человек, дядь Таван, испытания не пройдет, – вздохнул Санти. – Не допускаем мы в свою среду скотов.

– Да я не о том. – Скоморох внимательно посмотрел на рыжего. – Даже самого доброго и честного человека власть испоганить может. Ты вот говорил, что твой наставник кого-то в каменоломни сослал. А за что?

– Жену до полусмерти избил, сына хотел нартагальцам продать,

чтобы на выпивку было. Думаешь, такой не заслуживает каменоломен?

– Такой и худшего заслуживает. Только вот слишком просто ошибиться и невиновного сослать.

– Не знаю таких случаев. – Санти отрицательно покачал головой. – Это величайшая ответственность – судить человека. Поэтому мы осуждаем только задержанных на месте преступления, когда доказательства налицо. В любом другом случае производится тщательное расследование. А большинство слухов о горных мастерах – полная чушь. Боятся нас люди, вот и выдумывают всякие небылицы.

– Может, оно и так, – вынужден был согласиться Таван. – Фантазия у людей богатая, такого навыдумывают, что уши вянут.

– Вот-вот, – рассмеялся Санти. – Ты, кстати, обещался рассказать о девушке.

– Понравилась? – Скоморох иронично прищурился.

– Ну-у-у... – смутился юноша. – Понравилась. Красивая она.

– Это лет пять назад случилось. – Таван помрачнел. – Мы тогда из Аранара в Дир-Арнат плывли, купили себе палубные места на небольшой торговой шхуне. В шторм попали, неделю по океану носило, думали – уже все, конец пришел. Но выжили. Капитан, как выяснил куда занесло, полдня богохульствовал. К самому Даанскому полуострову, что из Эльварана выступает. Повезло, что до защитной границы не доплыли – эльфы чужие корабли жгут каким-то колдовством. На всех парусах оттуда драпали. Только воды почти не осталось, пришлось к первому попавшемуся небольшому островку приставать. А там...

Скоморох закусил губу.

– Что там?

– Там святоши побывали... Знаешь, наверное, что они после себя оставляют? Осмелились, паскуды, рядом с империей дела свои палаческие творить... Племя там какое-то жило. Живых мы уже не нашли, только распятые, ободранные тела. Точнее, нашли – одну живую девочку. Лет тринацати, может четырнадцати, не больше. В пещере пряталась. Как-то матросы ее заметили и поймали. А потом... Они не лучше карвенцев оказались, гады!

Таван залпом выпил эль и поморщился.

– Она ж совсем малая была, а матросня девочку всю дорогу насиловала! – резко выдохнул он, сжав кулаки. – Бедное дитя уж и не шевелилось, только смотрело такими глазами, что... В жизни не забуду этого молчаливого крика: «За что?!» А как пришли в Дир-Арнат, капитан приказал продать полуживую девочку на нартагальский корабль. Тут уж мы не выдержали, собрали все деньги, что остались, отдали этой сволочи и сказали, что если не согласится, то сообщим в тайную стражу, что он работогловлей занимается. По приходу в порт он нам ничего сделать не мог, тем более что двое уже сошли на берег, а на кол капитану совсем не хотелось, вынужден был согласиться. В море выкинул бы обнаглевших пассажиров за борт, и все, концы в воду. В порту, понятно, не посмел, только проклинал нас, грозился отомстить – нартагальцы ведь дали бы раз в десять больше. С тех пор только по суше ездим, страшно, а вдруг на такую же паскуду нарвемся? Вот так маленькая Ле среди нас и оказалась. Девочки наши ее полгода выхаживали, есть-пить отказывалась, жить не хотела, только тихо плакала. Потом привыкла. Жонглировать вот научилась, по-лаарски говорить. Приняла нас. Она мне как дочка. Только вот ночами девочка кричит. Страшно так...

– Понятно, – скрипнул зубами Санти. – Единый, ну почему в мире столько сволочей? Попался бы мне этот капитан... Зря вы страже о нем не сообщили.

– Мы всего лишь бесправные скоморохи. – Таван опустил глаза. – Забыл уже, как это – дрожать перед каждым, облеченым хоть малейшей властью? Нас ведь по приказу любого стражника из города вышвырнут, как собак бродячих. Презираемые мы люди, Церковью проклятые.

– Я поговорю с императором об этом. – В сузившихся глазах Санти появилась холодная, жестокая угроза, от которой пожилому скомороху стало не по себе. – Неправильно это. А пока возьми.

Он потребовал у кабатчика принадлежности для письма, которые тут же принесли, быстро написал что-то на листке дорогой кагровой бумаги, обнажил картаги и скрестил над ним. Мечи полыхнули белым светом, и под ровными строчками появилось изображение человеческой ладони на фоне восходящего солнца – именно такой герб избрал себе юноша, став аристократом.

– Этот документ защитит от произвола наместничьей стражи, да и императорской тоже, ни один стражник не решится оспорить приказ горного мастера. В случае любых неприятностей мне сообщат, выручу. Только береги эту бумагу, дядь Таван.

– Да уж сберегу как-нибудь, – криво усмехнулся тот, складывая листок и бережно пряча его в кошель – охранная грамота от горного мастера, тем более – приближенного к самому императору, дорого стоит.

– Я тебя знаю, – заставил Санти обернуться приятный женский голос с легкой хрипотцой.

Рядом стояла девушка, чью историю только что рассказал старый скоморох. Рыжий удивленно посмотрел на нее. Знает? Что за чушь? Откуда?

– Я видела тебя во сне, – продолжила она. – Боги послали мне видение. Мы сражались с теми, кто убил моего отца и осквернил наши жертвенники. У тебя в руках были белые мечи. Этих двух я тоже видела.

Девушка показала на Раху с Тайкой за соседним столом, с аппетитом поедавших ужин.

– Во сне? – задумчиво переспросил Санти.

Император предупредил побратимов, чтобы искали Жрицу. Языческую жрицу. Неужели это она? Вполне возможно. Но тогда... Тогда пришло его время брать ученицу.

– Ты была жрицей? – спросил юноша, настороженно глядя в раскосые, ярко-синие глаза.

– Была и есть! – гордо выпрямилась Ле. – Боги не оставили меня. Все это время я ждала тебя, хоть и не верила, что ты появишься, владыка. Но ты пришел.

– Я не владыка, – отмахнулся юноша. – Я всего лишь горный мастер.

Девушка пожала плечами. Она-то лучше знает. Не хочет считать себя владыкой? Его дело, но от воли высших сил никуда не уйти. Он – владыка, Дарующий Свет, предстоящий перед тронами богов.

– Ле, – вмешался удивленный Таван. – Ты что? Тебе плохо, девочка?

– Мне хорошо, мой второй отец! – Она низко поклонилась. – Я благодарю тебя за все, что ты для меня сделал и никогда тебя не забуду. Но я встретила того, кому принадлежат мое тело, моя жизнь и моя душа.

– Значит, это ты... – закусил губу Санти. – Ты – Жрица. Ты – Четвертая. Вот уж не гадал, что встречу тебя здесь. Надо же...

– Что это значит? – растерянно спросил скоморох, глядя на внезапно свихнувшихся молодых людей.

– Пророчество, дядь Таван, – скривился Санти. – Очень древнее пророчество, которое начало сбываться и взяло нас всех за глотку. Судя по всему, девушка – Жрица из этого пророчества. Не смейся, я знаю, что ты не веришь ни в какие пророчества. Я тоже не верил, пока меня мордой в него не ткнули.

– Пророчество? – Глаза Ле широко распахнулись. – Было пророчество? Ты его знаешь?

– Не полностью, – вздохнул рыжий, озабоченно потирая щеку. – Завтра встретимся с императором, он понимает в этом лучше меня. Именно он приказал нам искать жрицу.

– У него вместо лица туман? И громовой голос?

– Да.

– Его я тоже видела. Он скоро умрет.

– Что?! – едва не подпрыгнул Санти. – Не дай Единый! Надо обязательно ему об этом сказать! Завтра же и скажешь!

– Я выполню любой твой приказ, владыка, – безразлично отозвалась девушка, склонив голову.

Опять за рыбу деньги! Придется отучать ее говорить так. Представив, как будут ржать Тинувиэль с Хратом над «владыкой», юноша поморщился. Жизни ведь не дадут...

– Дядь Таван, – обратился юноша к скомороху, удивленно глядящему на золотоволосую. – Я беру эту девочку в ученицы. У меня просто нет другого выхода. Извини... Я позабочусь о ней.

– Я всегда знал, что когда-нибудь она уйдет, – тяжело вздохнул тот. – Ле – нечто большее, чем просто жонглер, все в труппе это ощущают. Она вызывает какое-то благоговейное уважение даже у

меня.

– Пойдешь ко мне в ученицы? – негромко спросил Санти, снова посмотрев на замершую перед столом странную девушку.

– Все, что прикажешь.

– Тогда иди за мной.

Он повернулся к ошелевшим Рахе с Тайкой.

– Девочки, – усмехнулся рыжий их удивлению, – вот и у меня ученица появилась. Надеюсь, вы подружитесь.

Обе озадаченно кивнули.

Оказавшись на улице, Санти окинул взглядом толпу и сразу нашел нужного человека. Возле одной из витрин стоял погруженный в свои мысли седой человек средних лет с полупрозрачным шнурком на плече.

– Здравствуй, уважаемый старший брат! – поклонился юноша, подойдя.

– Здравствуй, младший брат. Нужна помощь?

– Да, прошу тебя стать свидетелем произнесения Слова Воина.

– Ученика берешь? – улыбнулся мастер-наставник.

– Ученицу, – поправил Санти.

– Хм-м... – поморщился седой. – И на кой ляд тебе столько проблем на голову? Я бы ни за что не стал с девкой возиться – пока выбьешь из нее бабские заморочки, три раза с ума сойти можно.

– Так уж вышло... – развел руками юноша. – Слово сказано.

– Твое дело, конечно. – Мастер-наставник укоризненно покачал головой. – Где она?

– Вот, – показал Санти на застывшую рядом девушку.

– Эта? – Брови седого взметнулись вверх. – Так она же жонглерка...

– Я сам в прошлом скоморох, – по губам юноши скользнула горькая усмешка – надо же, даже мастер-наставник подвержен предрассудкам толпы.

– Постой-ка... Ты один из Пятерых, насколько я понимаю?

– Да, старший брат.

– Тогда понятно, – кивнул тот. – От вас любого фортеля ждать можно. Что ж, приступим. Серый шнурок есть?

– Да, – Санти достал шнурок из кошеля.

– Назови свое полное имя, девочка, – обратился к Ле мастер-наставник.

– Л'эт, посвященная жрица Астаг, Дитя Света.

– Жрица Астаг?! – вскинулся седой. – Истинная?! Ты не лжешь? Жрецов Астаг перебили больше тысячи лет назад!

– Мы жили на небольшом острове, – безразлично ответила девушка. – Там стоял Храм Света. Потом пришел корабль с Карвена, и нас не стало. Храм разрушили. Я единственная выжившая.

– Ясно. – Мастер-наставник закусил губу. – Ты видишь пророческие сны?

– Да.

– Мне надо поговорить с тобой. Обязательно.

– С разрешения владыки.

Ле кивнула на застывшего на месте Санти.

– Владыки? – Брови мастера-наставника взметнулись вверх. – С чего это она тебя так называет, мальчик?

– Да не знаю я! – раздраженно пожал плечами юноша. – Взбрело что-то в голову.

– Жрицам Астаг никогда и ничего просто так в голову не взбредало, если судить по хроникам. Но ладно, ты дашь ей разрешение встретиться со мной позже?

– Только с позволения его величества, – развел руками Санти. – Это его приказ, извини, старший брат.

– Приказ... – задумчиво повторил мастер-наставник. – А когда ты увидишь императора?

– Завтра утром.

– Хорошо. Мое имя – Диппат ар Тарнель.

– Диппат?! – Санти, слышавший на военном совете, что этот

человек – предатель, побелел.

– Ты знаешь обо мне?

– Кто же не знает имени начальника третьего приказа? – опомнился юноша. – Ты, старший брат, хорошо известен в империи, да и не только в империи.

Стоящий неподалеку Таван схватился за сердце. Сын старого друга, оказывается, запросто подошел к самому страшному человеку Элиана, не считая, конечно, Ланига ар Вортоне. Но тот вообще чудовище. Кошмар!

Обряд прошел как обычно, однако Диппата явно удивил белый луч принадлежности к Свету, доставшийся юной жрице. Ле не удивилась ничему. Даже когда луч ударил ей в лицо, только пошатнулась, оставшись невозмутимой. Мастер-наставник подтвердил Слово Воина, продолжая задумчиво разглядывать девушку. Когда все закончилось, Санти поспешил распрощаться, досадуя про себя на то, что умудрился нарваться именно на начальника третьего приказа. Другого никого не нашлось! И что он делает в Форт-Астаре? Надо будет обязательно рассказать императору и Ланигу обо всем, случившемся этим вечером. Ле ненадолго задержалась. Она некоторое время смотрела на Диппата, затем почти неслышно сказала:

– Не бойся, твоя дочь жива.

Жива! Измученный неизвестностью отец, предавший ради дочери все, прежде для него святое, едва удержался на ногах. Уже больше месяца он не чувствовал Кару, хотя раньше постоянно ощущал ее боль и отчаяние. Думал, уже все. Планировал месть. Жива... Спасибо тебе, Единый! Спасибо! Значит, эта девочка и в самом деле последняя в мире жрица Астаг, воплощенного Света. Диппат долго смотрел вслед золотоволосой девушке, не зная, что ему делать. Карвенцы требовали от высокопоставленного агента любым способом устранить Пятерых, угрожая новыми пытками его несчастной девочке, но Диппат не мог оставить империю без последней надежды и отговаривался невозможностью пробиться сквозь охрану. Он ведь хорошо понимал, что на самом деле происходит в стране. Только молчал, хотя молчал из последних сил.

Пообещав Тавану навестить труппу завтра вечером, Санти распрощался с ним. Нужно было еще успеть поставить Ле на

довольствие в казармах, а спать хотелось сильно – забегался. Он оглянулся на ученицу. Нет, ну надо же, спокойна, как дерево. Совершенно невозмутима, ничем ее не пробьешь.

Комендант казарм давно отыск чему-либо удивляться – работая с горными мастерами, иначе нельзя, или быстро с ума сойдешь. Поэтому не обратил внимания на необычную внешность новой ученицы, без лишних слов выдав ей все положенное и вернувшись к себе досыпать. Поселили Ле вместе с Рахой и Тайкой. Поговорив с девушкой еще немного, Санти ушел в свою комнату, глаза слипались, а завтра придется вставать с рассветом.

Он не ошибся: разбудили, не успело еще и солнце взойти. Не прошло и получаса, как зевающий и трущий кулаками глаза юноша стоял перед императором, рассказывая о вчерашнем. Его величество был очень зол на кого-то, что ощущалось даже сквозь туманную маску, прорывалось в интонациях.

– Значит, Жрица нашлась... – резюмировал Маран. – И то хорошо. Остались Беспалая с Принцессой. И Неизвестная. Скорее бы уже вы собирались, сил нет ждать непонятно чего.

– Нашлась, – вздохнул Санти, отлично понимающий, сколько забот добавит ему это обстоятельство, насмотрелся на постоянно взмыленных Тинувиэля с Энетом. – Меня больше встреча с Диппатом настороживает. Как будто случайная, но кто его знает...

– О Диппате можешь не беспокоиться, – отмахнулся император. – Из-за дочери предал, святоши ее в заложницах держат. Если он не подчиняется – куски тела девочки присыпают. Кто такое выдержит? Я – нет. Поэтому и готов простить.

– Я бы тоже не выдержал! – Санти передернуло.

– Мы уже знаем, где карвенцы держат Кару. Именно вы, ребятки, и пойдете ее освобождать. Не сами, конечно, – с отрядом опытных невидимок и эльдаром. Хочу, чтобы вы своими глазами увидели, что такое святоши.

– Мы многое уже видели.

– О, нет! – возразил император. – Ничего вы не видели! Ты даже не представляешь себе, что увидишь в замке первосвященника. То, что делают инквизиторы на чужих землях – это детские игры по сравнению с тем, что они творят у себя дома. Однажды я там

побывал, потом полдня рвало, представить не мог, что с живыми людьми можно так обходиться.

— Надо так надо, твое величество, — вздохнул Санти, поежившись.

— А пока не мог бы ты слетать на разведку, посмотреть сверху, нет ли где святош. Не пойму я что-то поведения кочевников, не так они обычно воюют.

— С удовольствием! — просиял рыжий, летать он обожал. — Когда?

— Да прямо сейчас, чего время терять.

Император долго стоял на стене, провожая взглядом превратившегося в точку Санти. Вряд ли святоши догадаются, что это не птица. Им в головы не придет, что кто-то из людей умеет летать. Только потому и запрещали Пятерым летать — пойдут слухи, которые вполне могут докатиться до карвенцев. А уж разведка святош свои выводы сделает, там, к сожалению, умные люди сидят. С дураками бороться было бы проще, да только так не бывает, чтобы враг дураком оказался. Только в сказках, а жизнь, увы, не сказка.

7. Невидимая смерть

Негромко перекликались ночные птицы, шелестели листвой деревья арва, древесина которых очень ценилась в Карвене. Посреди расчищенного от леса пространства на полсотни локтей выселились стены небольшого замка. Обманчиво хрупкие на вид, они на самом деле могли выдержать удар батареи имперских гаубиц, будучи укреплены магией, о чем, понятно, второй первосвященник не распространялся. Коллегам только повод дай – сожрут со всеми потрохами. Сами будто, сволочи, колдовством не балуются. Еще как балуются! Только поди докажи, концы давно в воду упрятаны, а все знающие люди – в могилу.

С тех пор как людям Далха удалось похитить дочь начальника третьего приказа империи и посадить Диппата ар Тарнеля, одного из самых опасных врагов святой Церкви, на короткий поводок, позиции второго первосвященника сильно выросли. Кервех, первый из пяти, уже слишком стар, вполне можно «уйти» слюнявого идиота и занять его место. Если, конечно, остальные трое не подставят, что вполне возможно. Все время ищут способ подгадить, шпионов засылают – вчера вон только двух поймали, сейчас с ними разбираются палачи в подземном каземате. Надо будет обязательно устроить показательную казнь. Олто, старший палач, горазд на выдумки, обязательно найдет способ развлечь господина. Эх, увидеть бы на месте незадачливых шпионов «дорогих» коллег... Мечты. Увы, только мечты.

Далх приказал подать выдержанного этаронского вина, – другого он не пил, – и задумчиво переплел пальцы. Не все шло, как должно. Возникло множество неучтенных факторов, с которыми придется считаться при составлении новых планов. Хочется того или нет. Не нравились второму первосвященнику неожиданности. А кому, впрочем, они нравятся? Империя оказалась куда сильнее и хитрее, чем докладывали шпионы. Если бы не надежда на высокого лорда, который должен вскоре уничтожить самых страшных колдунов Элиана, карвенцы никогда не ввязались бы в эту безумную авантюру. Не идиоты. Силе императора с эльдарами им противопоставить нечего. Чудовища проклятые! Ничего, скоро уже, союзник сообщил, что все готово.

Еще одно лишало Далха сна. Пророчество Пятерых. Все попытки расправиться с проклятыми мальчишками ничего не дали, их спрятали в казармах императорской стражи, куда доступа не было никому постороннему. Черный Клан потерял больше двухсот лучших охотников в попытках прорваться, только бесполезно, горные мастера свое дело знают. Второму первосвященнику уже доложили, что Лек ар Сантен жив, что святую Церковь подло обманули. Как детишек обставили! Почему ни одному идиоту не пришло в голову проверить могилу? Почему?! Обрадовались, расслабились – все, мол, получилось. Держи кошель шире! Не знают, что ли, что с имперской тайной стражей нужно держать ухо востро? Придурки! Неужели в элианской Церкви не понимают, насколько опасны эти мальчишки? Носители первозданных сил! Ни больше, ни меньше. Жуть! Первосвященник поежился. Но полной инициации, слава Единому, еще не произошло, она случится только после того, как вместе соберутся все двенадцать, упомянутых в Пророчестве.

Странно, пророчество называется пророчеством Пятерых, а речь идет о двенадцати. Да, Пятеро останутся самыми сильными, но остальные тоже не подарок. Поэтому придется продолжать попытки убрать хотя бы одного, иначе все тщательно разработанные за десятилетия планы пойдут дорхоту под хвост. По последним сообщениям разведки, мальчишки сейчас в Форт-Астаре, который вскоре будет атакован силами лучших паладинских корпусов Карвена при поддержке варваров Великой Степи. Нет, такого напора элианцы не выдержат, город падет и откроется дорога вглубь империи. Вожди степняков ждут этого уже несколько сотен лет. Они с радостью устроят элианцам кровавую баню.

Диппат тоже подтвердил полученную информацию, даже лично видел кого-то из Пятерых. Кажется, скомороха. Редкостная сволочь этот Диппат, его за глотку держат, а он строит из себя дорхот знает что, надменен, как белый орел севера. Ничего, скоро он станет не нужен. Первосвященник довольно ослабился. Интересно было бы поглядеть на лицо начальника третьего приказа, когда он увидит свою дочь и поймет, что с ней сделали. Куда бы подевалась вся его надменность! Да жаль, невозможно, Диппат пока слишком полезен, нельзя дать ему возможность соскользнуть с крючка. Мстить ведь начнет, а ему достаточно всего лишь кое-что рассказать императору, чтобы месть свершилась.

Открыв свою копию пророчества Пятерых, Далх углубился в

чтение. Великое счастье, что карвенская Церковь сохранила писания Завоевателя, размножив для собственного пользования. Иначе явление Пятерых оказалось бы для первосвященников неприятным сюрпризом. Да и многие другие, уже прошедшие события, тоже. С какой стати Единый наградил колдуна пророческим даром? Непонятно, однако сомнения в том, что Элиан был пророком, давным-давно исчезли, слишком многие его пророчества сбылись. Осталось последнее, самое страшное. Пророчество с вилкой, и какая ветвь станет реальностью – зависит только от людей. Удастся остановить Пятерых – победа будет за святой Церковью. Нет? Неизвестно выживет ли тогда Церковь...

Второй первосвященник бросил взгляд на свое левое запястье, где висел кулон, контролирующий заклятие, связывающее Диппата с дочерью. Все-таки идея первого не уничтожать детей с магическим даром, а воспитать верными Матери-Церкви, оказалась на удивление продуктивной. Бить врага надо его же оружием, колдовством. Молодые маги-священники в глубокой тайне обучались в нартагальском Ализиуме, аналоге имперской Академии. За это пришлось заплатить королю с советниками очень дорого, три шкуры, гады, содрали. Пусть, придет время, за все ответят. Империю бы только раздавить, чтобы не мешала. Шанс на это есть, и немалый: разленились элианцы, привыкли за полторы тысячи лет, что самые богатые и сильные, не обратили внимания, что северный сосед стремительно набирает силу. Карвен с каждым годом все увереннее превращался в сжатый стальной кулак. Все силы были брошены на подготовку будущей войны, все отдано ради этого. И скоро, совсем скоро Элиан прекратит свое существование.

Хищно оскалившись, Далх позволил себе несколько минут предаваться мечтам о скорой победе и наказании гнусных еретиков. Костры! Бесконечные ряды костров ждут их. Каждого, кто посмел сопротивляться Матери-Церкви в проповеди слова святого Карвена.

Однако время было уже позднее, а завтра придется отправляться в столицу, предстоит расширенное заседание Синклита Первосвященников. Надо решать, что делать с внезапно обезлюдевшим Манхеном. Пора наступать, времени терять нельзя, до зимы осталось всего четыре месяца, а зимой ни о какой войне и речи идти не может, манхенские снежные бураны печально известны во всем мире.

Он с сожалением спрятал список пророчества в сейф, запер и опечатал личной печатью. Надо будет попозже еще подумать над некоторыми неясными местами. Не прошло и получаса, как второй первосвященник Карвена, Далх Раасахат, сладко спал на своей роскошной кровати, где мог без особых проблем разместиться взвод солдат, и еще место осталось бы.

Ни первосвященник, ни дежурившие на стенах паладины, ни случайные прохожие из недалеких деревень не заметили, как в ночном небе мелькнули пять почти невидимых теней. Две из них несли веревки, в которых удобно устроился невысокий человек в серо-серебристом плаще с капюшоном. Если бы было светло, стало бы видно, что вместо лица у него туман. Эльдар, никто иной. Сосредоточившись, рыцарь престола наложил на замок составленное лично императором сонное заклятие.

Часовые на стенах опустились на камни и дружно засопели. Заснули узники в тюрьме, палачи, занимавшиеся двумя шпионами. Последние тоже уснули прямо в оковах. Спали слуги, повара, да и вообще все, кто находился в замке второго первосвященника. Проснувшись, ни один человек не вспомнит последних минут перед тем, как уснул. И не удивится. Только два мага-священника что-то заподозрили, слишком уж резко навалился сон, но не успели среагировать, заклятие эльдара оказалось им не по зубам.

Из леса выскоцкнули еще несколько теней и понеслись вперед с непредставимой скоростью. Они с ходу перелетели через стену, не задерживаясь возле спящих часовых. Быстро обследовав наземные помещения, элианцы на несколько секунд сошлились, о чем-то коротко посовещались и направились к подвалам, где обычно находились казематы.

Первосвященник оказался приверженцем традиций – камеры, в которых содержали узников, были именно там, где их ожидали найти. Никому в голову не могло прийти, что элианские невидимки доберутся сюда – до побережья было далеко, пробраться сюда сквозь тысячи кордонов не сумел бы никто. Однако карвенцы напрочь забыли о магах, способных перебрасывать небольшие отряды на любое расстояние. К сожалению, таких было очень мало даже в империи, а в самом Карвене и Нартагале не имелось вовсе. Телепортация осталась прерогативой императора с эльдарами и избранных ими магов, которые в обязательном порядке становились

горными мастерами. Никому иному секрет быстрого перемещения не передавался.

Санти шел от камеры к камере, замки которых открывались перед молодым горным мастером сами по себе, повинуясь отмычке, данной его величеством. Прав император, раньше рыжий действительно представить не мог, что можно так издеваться над живыми людьми. Да, в подвалах тайной стражи пленников тоже пытали, но, добыв необходимые сведения, безболезненно умерщвляли, не заставляя жить и мучиться. А когда вошел в практику способ, предложенный Тинувиэлем, то и пытки прекратились. Зачем, если информацию можно добыть куда быстрее и чище?

Увиденное здесь вызывало невольную дрожь. Паноптикум калек. Возникало ощущение, что кто-то просто развлекался так. Люди-пауки, которым сломали конечности и срастили самым непредставимым образом. Безногие, безрукие, вообще ни на что не похожие. И все они были живы – слава Единому, что спали.

– Рыжий, иди сюда! – послышался слева неуверенный голос эльфа.

Санти аккуратно запер дверь камеры и направился к Тинувиэлю. Очень хотелось освободить здесь всех, наказав палачей, но, к сожалению, нельзя оставлять следов, иначе вся операция пойдет насмарку. В этот момент скоморох окончательно понял, что Карвен должен пасть, – страна, в которой с людьми творят такое ради развлечения, не имеет права на существование. Принц нашелся в небольшой камере. Он молча стоял и смотрел на изможденную, с ног до головы покрытую шрамами девушку, свернувшуюся в клубочек на куче гнилой соломы.

– Она? – глухо спросил эльф.

– Не знаю, – ответил Санти, не отрывая горящих гневом глаз от трехпальых, похожих на клешни краба рук с многократно переломанными крючковатыми пальцами. – Сейчас гляну.

Он достал данную Ланигом миниатюру и посмотрел на нее. Какое-то сходство есть, но очень отдаленное. Непонятно, Кара ар Тарнель это или кто другой. Если она, то слишком изменившаяся. Скоморох представил себя на месте узницы и вздрогнул. Пережив такое, любой изменится. Но была еще одна примета. Осторожно

приподняв подол грязной юбки, напоминающей собой скорее половую тряпку, Санти увидел на левой лодыжке девушки похожий на молнию белый шрам. Она! Все-таки она. Юноша достал амулет связи и сообщил о находке мастеру-невидимке Сарту, возглавлявшему группу.

Вскоре в дверях камеры показались командир с эльдаром. Рыцарь престола внимательно осмотрел узницу и согласно кивнул, подтверждая, что перед ним дочь Диппата, затем пошевелил пальцами, снимая с девушки сонное заклятие. Она резко дернулась.

Кара очнулась от забытья и сразу ощутила в камере чужое присутствие. Над ней стояли несколько человек. Снова... Снова! Да сколько же можно над ней издеваться? Девушку затрясла крупная дрожь. Наверное, подонок в рясе про нее вспомнил. Добрых два месяца ее не трогали, разве что надсмотрщики изредка насиловали, но от этого ни один узник или узница не застрахованы. Даже раны после последних развлечений первосвященника успели поджить. Умереть бы, так не дадут. Лекари у святош хорошие, знают, что с ними сделают, если позволят ценной пленнице сдохнуть раньше времени. В душе клокотала черная, холодная ненависть. Но нет, не позволит себе слабости дочь Диппата ар Тарнеля, не увидят святоши ее слез, не услышат крика. Она уже несколько лет переносила самые страшные пытки молча. Плакать и просить – только доставлять палачам дополнительное удовольствие. Не добьются! Кара медленно села и открыла глаза.

– Здравствуй, девочка! – подошел к ней смутно знакомый человек. – Ты меня не помнишь? Я Сарт, Сарт ар Исонх.

Дядя Сарт?! Здесь?! Мамочка! Кара недоверчиво уставилась на пожилого мужчину. Да, перед ней стоял старый друг ее отца, не раз в почти уже забытом счастливом прошлом игравший с девочкой и носивший ее на руках.

– Мы пришли за тобой, – вмешался эльдар.

– Где же вы были раньше? – глухо спросила девушка, из последних сил сдерживая слезы, слабости себе нельзя позволять даже среди своих. – Все эти годы...

– Мы только недавно сумели выяснить, где тебя держат. – Сарт виновато вздохнул. – Прости...

– Простить? – Кара подняла на него походящие на темные омыты

глаза. – Простить... Вас-то я прощу, вы ничего не знали, а вот кое-кого другого не могу. Меня ведь Ватех святошам сдал, дядя Сарт...

– Что?! – Глаза пожилого мастера расширились. – Но он же безобидный ученый чудак, как...

– Он далеко не безобидный чудак, – оборвала его Кара с кривой усмешкой. – Он паладин полного посвящения, а ему даже отец поверил, настолько хорошо, сволочь, маскировался.

– Ясно. – Глаза Сарта угрожающе сощурились. – Спасибо.

Он достал амулет связи и вызвал кого-то. Коротко сообщив о шпионе, снова виновато посмотрел на искалеченную девушку. Хотел дотронуться до нее, но Кара отдернулась.

– Не трогайте меня! – зло прошипела она. – Господин эльдар, на мне заклятие сродства, отец всегда знал, когда меня мучили. А я ощущала его ужас! Вы знаете, что меня нельзя трогать, или...

– Всем отойти! – резко скомандовал рыцарь престола, затем всмотрелся в девушку, одновременно делая пассы руками.

Вокруг нее появилось множество разноцветных светящихся линий, сплетенных в кокон.

– Какой недоумок творил это заклятие? – недоуменно проворчал эльдар. – Кто его учил? Дилетант гребаный! Впрочем, плевать, оно все-таки работает. И дело куда хуже, чем ты думаешь девочка. Твоя жизнь намертью завязана на лояльность твоего отца святошам.

– Папа предал?! – Глаза Кары распахнулись.

– Он тебя спасал, неблагодарная! – голос рыцаря престола прозвучал пощечиной.

– Зачем? – простонала девушка, не сдержав-таки слез. – Зачем он меня спасал?! Лучше бы я умерла. Вы не знаете, что со мной здесь творили! Мамочка...

Она скорчилась на полу, искореженные трехпалые руки медленно скребли по грязным камням. Глаза... Нет, глаза несчастной описать было невозможно, такая боль, что даже эльдар вздрогнул. Тихо стоявший в углу Санти отвел взгляд, его душа в этот момент рвалась прочь из тела.

– Я знаю... – очень тихо сказал эльдар. – В свое время я провел в

пыточных застенках святош четыре года. Я понимаю тебя лучше, чем кто-либо другой! Но я выжил и теперь делаю все, чтобы остановить эту нелюдь. И тебе нужно жить, девочка. Хоть ради мести. Хоть ради чего. Жить и помнить!

Голова Кары медленно приподнялась, глаза загорелись темным огнем.

– Мстить? – хрипло выдохнула она. – Что может сделать искалеченная девчонка? Как она может отомстить?

– Стать чем-то большим, чем просто девчонкой, – холодно сказал эльдар. – Как стал я. Это трудно, но куда достойнее, чем плакать над своей изломанной судьбой. Слышишь, достойнее!

– Спасибо за урок, господин мой. – Кара наклонила голову. – Я плачу в первый раз за последние пять лет. И в последний.

– Император исполнит любую твою просьбу, девочка, – в голосе эльдара звучала улыбка. – Думаю, ты знаешь, чего просить.

– Знаю... – кивнула девушка.

Пока они говорили, рыцарь престола времени не терял, его руки то и дело освещались сплохами разных цветов, разноцветные линии заклятия сродства одна за другой сходили с тела Кары, прилипая к жезлу мага. Вскоре жезл пылал так, что глазам становилось больно при взгляде на него.

– А теперь мне нужно сотворить заклятие тождества, – снова заговорил эльдар через некоторое время. – Твое место займет невидимка, а святоши будут думать, что ты все еще у них в руках. На этом мы немало выиграем, а они потеряют.

Губы Кары перекосила злорадная гримаса. Вскоре к девушке подошла сходная с ней фигурой молодая женщина, только двигалась невидимка подобно сытой кошке, с ленивой грацией. В глазах узницы на секунду мелькнула зависть, и она сгорбилась, ощущая себя ничтожеством, пустышкой рядом с этой мастерицей невидимой смерти.

– Извини, но для заклятия тождества необходимо, чтобы ты обнажилась, – виновато развел руками эльдар.

– Пусть все выйдут... – Кара моментально охрипла, затравленно глядя на него. – Останетесь только вы и она. И вы оба должны дать

мне слово молчать о том, что увидите! Никто не должен знать, что со мной сделали!

– Даже отец?

– Прежде всего – отец! Он с ума сойдет, если узнает.

– Даю слово молчать, – заговорила невидимка.

– Я тоже даю такое слово, – неохотно сказал рыцарь престола. – Слово эльдара. Санти, Тинувиэль, выйдите!

Рыжий юноша, стоявший в углу, поклонился и выскочил наружу. Его примеру последовал еще один молодой человек, выглядевший несколько странно – кажется, у него были слишком длинные для человека уши. Кара проводила молодых мастеров взглядом, подождала, пока они прикроют дверь, немного помедлила и стащила с себя платье. Точнее, платьем это одеяние назвать было никак нельзя – так, джутовый мешок с дырками для головы и рук. Невидимка судорожно выдохнула, с ужасом глядя на представляющее собой сплошной шрам тело.

Эльдар сжал кулаки и глухо выругался. Святоши искалечили девушку настолько страшно, что непонятно, как она вообще выжила. Ее руки несколько раз ломали и сращивали так, чтобы жертва почти не могла ими пользоваться. Но без помощи явно не оставляли – наверное, чтобы дольше продержалась. Следы магического исцеления видны, однако неполного. Специально так лечили, чтобы шрамы остались? Наверное, и боль не снимали, только ослабляли, чтобы болевого шока не случилось. Зачем? Какая-то у этих святош вывернутая, нечеловеческая психика. Похоже, с Карой сделали еще кое-что. Слухи о том, что в Карвене такое практиковали, ходили – но так ли это? Проверять эльдар не стал, чтобы не смущать несчастную калеку еще больше.

Невидимка тоже разделась. Стоя рядом с такой красавицей, Кара совсем съежилась, чувствуя себя отвратительным пауком. С пальцев рыцаря престола потек светящийся, серый туман, окутывая две женские фигуры. С губ срывались четкие, чеканные слова первого языка, которым издавна пользовались маги. Он обращался к силам, доступным только эльдарам и императору. Когда туман исчез, напротив друг друга стояли две совершенно одинаковые, покрытые шрамами, очень грязные девушки. Одна стояла совершенно спокойно, зато вторая, увидев подобие себя, едва не упала. Лицо ее

исказилось, в глазах появилось что-то такое, чему эльдар не нашел названия. Какое-то непонимание, неверие и одновременно страх.

– Это я сейчас так выгляжу? – глухо спросила Кара, пытаясь сдержать дрожь, но у нее не слишком-то получилось, руки не желали подчиняться и тряслись, как у пьяницы.

– Да, – вздохнул рыцарь престола, с грустью глядя из-под туманной маски на девушку – бедняжке ведь еще и двадцати нет. – В элиандарском госпитале тебе помогут прийти в себя.

– Прийти в себя? – Она глухо, зло рассмеялась. – Разве после такого в себя приходят? Разве такое лечат? Ни один маг не вернет мне того, что...

Кара резко оборвала себя, не желая сообщать чужому человеку, чего ее лишили. Отцу она тоже не скажет. Пять лет! Пять лет ада! За что, Единый? Закусив губу и снова из последних сил сдерживая слезы, Кара смотрела на эльдара. Она понимала, что у нее не будет в жизни ни любви, ни детей, ни малейшего счастья. Ей осталась только месть. И ради этой мести дочь начальника третьего приказа готова была на все. Наступит время, и она придет за первосвященником. Да, наступит.

– Что я должна знать, чтобы не выдать себя? – спросила невидимка.

– Если ты готова к пыткам и насилию, то ничего, – ответила Кара. – Раз в несколько дней ко мне наведываются надзорители, насилуют. В... Ну...

– Я поняла, можешь не уточнять, знакома с их повадками. К пыткам я готова, его величество внедрил в меня арват^[6] исцеления, боль я умею отключать по своему желанию. Насилие, конечно, хуже, но ради дела вынесу. Тем более что это ненадолго.

– Нам нужен всего месяц, – пояснил Кара эльдар. – Эльна, через месяц уходи, одноразовый арват перемещения у тебя в левом нижнем зубе мудрости. Как активировать, знаешь?

– Естественно. – Невидимка криво усмехнулась. – Не в первый раз.

– Да, конечно. Извини, что мы обрекаем тебя на это, но...

– Кому-то надо. – Эльна пожала плечами. – А ради того, чтобы

святошам насолить, я на что угодно пойду. Пусть насильничают, плевать, вспомню молодость.

Она повернулась к Каре, улыбнулась и сказала:

– Я ведь родом отсюда, девочка, и что такое инквизиция, знаю не понаслышке. На своей шкуре испытала. Понимаю, каково тебе пришлось. Но ты не сломалась, вижу. Молодец. Мы им еще покажем. Не сдавайся!

– Я и не собиралась. – Кара тоже улыбнулась. – Спасибо тебе...

– Не за что, – отмахнулась Эльна. – Я просто делаю свое дело. Почему-то мне кажется, что мы с тобой коллегами будем.

– Дай-то бог... – поежилась девушка. – Для меня другой дороги не осталось. Забыть все это невозможно.

– Согласна, – скривилась невидимка. – Я тоже ничего не забыла, поэтому и стала тем, что есть.

– Не будем терять времени, сонное заклятие скоро прекратит свое действие, – вмешался эльдар. – Пора уходить. Сарт!

– Здесь! – На пороге камеры появился командир группы.

– Собирай ребят, уходим. Следов не оставили?

– Издеваешься? – обиделся Сарт. – Ты меня не знаешь?

– Тебя знаю, – рассмеялся рыцарь престола, – но с нами новички.

– Я за ними следил, – усмехнулся командир группы. – Не мальчик, понимаю. Ребята хорошо отработали, претензий нет, еще немного подрессировать – и можно будет в самостоятельное плавание отпускать. Справятся.

– Что ж... – вздохнул эльдар. – Успеха тебе, Эльна. И спасибо, что согласилась.

Он подошел и обнял невидимку. На мгновение задержал в объятиях, потом отступил на несколько шагов и перенес на нее заклятие сродства со своего жезла, адаптировав под нового носителя. Дилетанты не заметят разницы, да даже магистры Академии ничего не поймут, куда им, грешным. Рыцарь престола снова вздохнул и вышел из камеры, взяv за руку Кару. Заперев дверь, проверил, чтобы не осталось следов постороннего присутствия, и активировал заранее подготовленное заклятие перемещения. В воздухе возникло едва

заметное туманное облачко. Невидимки начали один за другим нырять в него. Однако для себя, пятерых побратимов и Кары эльдар создал еще один портал, ведущий, видимо, в другое место.

Император, удобно развалившийся в кресле и потягивающий любимый черный эль из Замка Призраков, говорил со Жрицей, обсуждая ее странные, полные загадочных образов сны. Известие о скорой смерти не удивило его, у самого такие предчувствия возникали. Маран ни о чем не жалел, он прожил достойную жизнь, немало сделал. Умирать его величество не боялся, глупо, все там будут. Преемник – вот в чем вопрос. Кому передать власть? Похоже, кроме Кирта, собственного секретаря, некому. Всеми нужными качествами обладает как будто. Только вот есть в нем что-то скользкое, не дай Единый – властолюбец. Натворит ведь такого, что никто исправить не сумеет. Надо будет вызвать и прощупать его, мало ли. Жаль, что Ланиг стар, лучшего императора не найти. Но, увы.

Маран, конечно, не собирался покорно умирать, меры безопасности он примет, но предусмотреть следовало даже такой исход. Страна важнее его жизни. Значительно важнее. А если Кирт не подойдет? Кто тогда? Лек. Лек ар Сантен. Молод, честен, благороден. Только опять есть одно «но». Носитель истинной Тьмы. А куда она может завести своего носителя? Дорхот его знает, но рисковать не хочется. И почему Свет достался не ему, а рыжему разгильдяю Санти? Его, что ли, взять?..

Представив себе наглого скомороха в императорах, Маран поежился. Нет уж, он не враг своим подданным. Бедные они будут, если это чудище корону напялит. Серьезности ни на грош, шуточки сплошные да смешочки. Посмеяться иногда нужно, но не постоянно же? Интересно, а почему Жрица упорно называет своего наставника владыкой? Что-то это, да значит – служители Астаг никогда и ничего не делали без веской на то причины, хорошо понимая последствия своих поступков. Что же в этом рыжем наглеце такого, что истинный Свет избрал его, именно его, а не кого-то иного? Что-то, получается, есть. Жрица ничего не говорит прямо, это раздражает немного, но девочка иначе не умеет, так ее научили.

Ох, Единый, как же все это надоело. Отдохнуть бы, но когда? Война, чтоб ее! Жена дома, наверное, уже извелаась вся, думая, где это

носит ее бродягу-мужа. Обязательно скандал устроит, когда он появится, крича, что хватит уже по всей империи шляться, не мальчик, скоро шестьдесят, давно пора образумиться и дома осесть. Правду она узнает только после смерти мужа. Представив себе лицо Рины после того, как ей сообщат, что ее муж – император, Маран усмехнулся под маской. Жаль, он не увидит. Впрочем, вряд ли Рину это удивит. Плакать она станет – плевать, кем там он был. Четверых детей ведь вместе вырастили. Любили друг друга. Ссорились порой, как и все прочие, но понимали, что порознь не могут. Всегда его величество находил время, отрывал от государственных дел несколько дней, чтобы проводить семью, снова превращаясь в горшечника Марана из Шадна. Ругался с соседями, пил дрянной эль в ближайшем кабачке с другом юности, вникал в домашние дела, играл с детьми, учил их, чему мог. Только вот теперь уже добрых пять месяцев дома не появлялся. Нет, надо все-таки вырваться ненадолго, нельзя так относиться к спутнице жизни.

Мысль о собственных детях вернула его к несчастной дочери Диппата. Пора бы посланным уже возвращаться. Как будто в ответ в углу кабинета сгостились тени, и из портала выскользнули Санти с Леком, за которыми следовали остальные. Последним вышел эльдар, ведя за руку очень грязную девушку в драном платье из мешковины, с волосами непонятного цвета, сбившимися в колтуны. В нос императору шибануло воюю, он даже поморщился, благо никто этого не видел. Бедное дитя! Подойдя ближе, Маран пришел в ужас. Трехпалые руки узницы, похожие на клешни краба, тряслись, их покрывали десятки шрамов.

– Здравствуй, девочка, – как мог ласковее сказал император. – Садись. Хочешь ларта?

– Здравствуйте, ваше величество... – пролепетала растерянная Кара, никак не ожидавшая оказаться перед императором. – Хочу, наверное... Я не помню, какой он на вкус.

Она опустилась в роскошное кресло, на столике рядом из ниоткуда появилась кружка с ароматным, до черноты заваренным лартом. Девушка с трудом обхватила ее своими клешнями, пальцы почти не слушались, жара Кара тоже не ощущала – шрамы, покрывающие ладони, давно потеряли чувствительность. Отпив глоток, она вслушалась в свои ощущения. Как хорошо пить что-нибудь, кроме тухлой воды, отдающей мертвчиной. Изредка

встречаясь с другими узниками, Кара слышала, что в подземные колодцы сбрасывали трупы и оттуда же брали воду, чем-то другим трудно было объяснить ее неизменно отвратительный вкус и запах. Но заразных болезней в узилище почти не случалось. Наверное, все-таки, просто слухи, не могли святоши оказаться такими идиотами, эпидемии им совсем ни к чему.

Она жадно пила горячий ларт, обжигалась, но не обращала на это внимания. Где-то глубоко в душе начал таять лед недоверия, она видела сочувственные взгляды, здесь каждый стремился помочь, а не сделать еще больнее. Неужели кошмар закончился? А вдруг это только сон, и она сейчас проснеться на знакомой охапке гнилой соломы? Девушка незаметно ущипнула себя за одно из немногих мест на руке, еще сохранивших какую-то чувствительность. Больно. Значит, не сон. Освободили. Все-таки освободили. Но расслабляться нельзя, перед ней сам император. Не может правитель огромного государства отличаться добротой. Невозможно это. Понятно, что Кару вытащили только потому, что она дочь начальника третьего приказа. Вряд ли невидимки стали бы корячиться из-за обычной девчонки.

– Может, тебе ванну принять? – спросил его величество. – Да и переодеться не помешает, эта хламида совсем не к лицу красивой девушке.

– Красивой?! – не выдержала Кара. – Где вы видите красоту?! Я и не женщина даже, а так, нечто!

Его величество что, издевается? И так ведь тошно, страшно вспомнить, как выглядит когда-то действительно красивая девушка. Ее затрясло при воспоминании о пытках, о боли, терзающей тело изо дня в день. Но самым страшным была даже не физическая боль, а отчаяние, постепенно убивающее душу. И непередаваемый ужас. Поначалу она просто не понимала, не верила, что кто-то способен так страшно издеваться над живым человеком. Поверила. Убедили. Очень действенным способом убедили.

Первые месяцы Кара кричала, плакала, умоляла. Никто не пожалел пятнадцатилетнюю девочку, палачи только хотели над ее слезами и ее отчаянием. А потом что-то произошло, что-то изменилось в душе, возникла холодная, жестокая гордость, понимание, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях – и девушка замолчала. Как только над ней не измывались, но Кара

продолжала молчать, с ненавистью и презрением глядя на нелюдь. Изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год. Палачи злобно проклинали «гнусную Диппатову породу», пытались сломать девушку, прилагая к тому все усилия, но не преуспели. Она выносила самые страшные пытки, не издав ни звука, не раз готова была откусить себе язык, чтобы только не предать саму себя.

Маран смотрел в глаза этому несчастному, искалеченному, но не сломленному существу, и понимал, что перед ним нечто особенное. Понимал, что эта девочка, которой нет еще и двадцати, вынесла такое, что далеко не каждый мужчина сумеет. И... Нет, не может того быть... Однако вскоре император осознал, что Кара выносила самые страшные пытки молча. Его величество низко поклонился ей.

– Прости нас всех, девочка... – негромко сказал он. – Прости за то, что не сумели защитить.

– Да за что мне вас прощать, ваше величество? – безразлично спросила она. – Вы-то здесь ни при чем.

Император протянул вперед руку и вызвал диагностическое заклятие. Пальцы засветились мягким серым светом. Несколько минут прошло в молчании, а затем заклятие вернулось. У Марана потемнело в глазах, когда он все понял.

– Единый, что они с тобой сотворили... – простонал он, закусив губу.

– Ваше величество! – вскинулась Кара. – Умоляю вас, молчите! Пусть никто этого не узнает!

– А отец?

– Вы считаете, он выдержит это знание? Не сойдет с ума? Я не уверена. Лучше не надо.

– Хорошо, – кивнул Маран. – Никто и ничего от меня не узнает, даю тебе слово императора.

– Спасибо...

– Надо позвать Диппата.

– Твое величество! – вышла из своего угла Жрица. – Подожди немножко. Это она.

Она повернулась к безучастной Каре, поклонилась и сказала:

– Рада видеть тебя, Беспалая! Здравствуй, сестра!

– Беспалая?! – Император резко повернулся к Ле. – Ты уверена?

– Как в том, что меня зовут Л'эт. Именно ее я видела во сне, эти трехпальые руки ни с чем не спутаешь.

– Я должен был сам догадаться, – в голосе Марана звучала досада. – Я должен был догадаться!

– О чём? – растерялась Кара, непонимающе глядя то на странную девушку со смуглой кожей, раскосыми синими глазами и золотыми волосами, то на императора.

– Есть одно древнее пророчество. – Его величество тяжело вздохнул. – Там говорится и о тебе, в том числе. Ты должна сыграть свою роль. Судя по всему, от вас будет зависеть будущее империи, поэтому сразу хочу спросить тебя об одной вещи.

– Какой?

– Согласна ли ты принять ученичество у горного мастера?

– Я хотела просить вас об этом, как о милости, а вы сами предлагаете. – Кара криво усмехнулась. – Конечно, согласна. Это мой единственный шанс отплатить палачам. Больше мне незачем жить.

– Не стоит жить ради мести, девочка, – вздохнул император. – Хорошо, ты отомстишь. А что потом? Останешься в пустоте, без смысла жизни, без веры и любви? В этом ничего хорошего нет, поверь мне, знаю по собственному опыту. У тебя найдутся куда более достойные цели, чем месть.

– Карвен нужно уничтожить, – безразлично ответила она.

– Здесь я с тобой согласен. Достаточно мы терпели их преступления. Хватит.

– Твое величество, – снова заговорила Ле. – У нас с Беспалой должен быть один наставник. Иначе нельзя, я не знаю, как объяснить эту уверенность, но...

– Не можешь, значит не надо, – поднял руку император. – Достаточно того, что эта уверенность есть. Ты жрица Астаг, посвященная по всем правилам, насколько я знаю. Еще Элиан писал, что вашим предчувствиям стоит доверять. Зря ваши старшие не захотели принять покровительство Завоевателя и покинули империю.

Ох, зря...

– Не мне о том судить. – По губам жрицы скользнула понимающая улыбка. – Я многое не успела узнать, учителей убили у меня на глазах, книги сожгли, а храм разрушили.

– Да, ты права, – согласился император, поворачиваясь к рыжему скомороху. – Санти, возьмешь девочку?

– А куда я денусь, твоё величество? – тяжело вздохнул тот. – Надо – значит надо. Только ей бы сперва целителям показаться...

– Может, и не понадобится, – задумчиво хмыкнул Маран. – Забыл, что во время инициации Энета произошло?

– Все раны зажили, – кивнул Санти. – Думаешь, и сейчас так случится?

– Не знаю, у Энета раны были свежими, а здесь... – император раздраженно махнул рукой.

Рыжий вздохнул и подошел к Каре, стараясь не обращать внимания на отвратительный запах, идущий от девушки. От него, проведи он несколько лет в подземной камере, пахло бы ничуть не лучше. Внимательно посмотрел в мертвые, черные глаза. Да, вынесла бедная столько, что ужас просто. Закрыта на все замки – как к ней и пробиться-то? А он наставником будет, значит обязан пробиться, понять, научить девушку доверять – хотя бы своим.

– Пойдешь ко мне в ученицы? – негромко спросил он.

– Пойду. – В глазах Кары появилось что-то живое, только очень уж мимолетно. Появилось – и сразу исчезло. Но одно это уже утешение, значит ее душа не совсем мертва.

– Ладно, люди, – повернулся к остальным император, – пусть останется Санти со своими ученицами, а вы отправляйтесь отдыхать. И не шляйтесь по городу, а спать ложитесь, а то знаю я вас, неугомонных! С утра ко мне, займемся одним интересным делом. А тебе, Лек, завтра приятная встреча предстоит.

– С Элиа?! – едва не подпрыгнул от радости горец.

– С ней, с кем же еще, – добродушно проворчал Маран. – И боюсь, быть ей твоей ученицей. Она – Леди из пророчества, я в этом недавно убедился. Сможешь гонять любимую женщину, как положено?

– Если надо, смогу, – пожал плечами Лек. – Хоть и трудновато это.

– Я тебе когда-нибудь обещал легкую жизнь? – удивился император.

– Не обещал, твое величество! – рассмеялся горец.

– А теперь брысь отсюда!

Побратимы, сопровождаемые молчаливым эльдаром, послушно выскользнули из кабинета, только сейчас поняв, что находятся в императорской башне Тарсидара. От нее до дома лорда Дайара было совсем недалеко, и друзья бегом понеслись туда. Никто не видел их, невидимок видят только тогда, когда они того хотят. А друзья давно уже вышли на уровень невидимых мастеров, обещая вскоре перерости его.

В императорском кабинете появился Ланиг – казалось, глава тайной стражи возник из воздуха.

– Привел? – негромко спросил Маран.

Старый мастер кивнул.

– Зови.

Вскоре в дверях появился поджарый, седой человек лет пятидесяти на вид. Он поклонился императору и замер, с некоторой настороженностью поглядывая по сторонам. В углу на диване сидят еще три человека. Охрана? Вряд ли, никогда его величество не терпел рядом присутствия охраны. С какой стати Ланиг выдернул его из Форт-Астара? Причем, совершенно неожиданно. Появился в дверях и передал приказ его величества немедленно явиться. Даже эльдара не пожалели гонять, чтобы переправить начальника третьего приказа в Тарсидар. Что это, интересно, значит? Неужели император узнал? Тогда зря все было, и его несчастная дочь скоро умрет.

– Садись, Диппат, – показал на кресло Маран. – Ноги-то не казенные чай, устал, поди. До меня тут дошла любопытная информация, обсудить хочу.

Начальник третьего приказа послушно опустился в указанное кресло и приготовился слушать.

– Так вот, дошло до меня, что наши горячо любимые святоши держат в некоем замке некую девицу, шантажируя ее

высокопоставленного отца. Что ты по этому поводу думаешь?

Знает. Все он знает, колдун дорхотов! Диппат медленно опустил голову. Вот и закончилась короткая жизнь его бедной девочки. Остается только передать кое-какие данные Ланигу, чтобы этот старый проныра отплатил карвенской сволочи, и покончить с собой. Жить больше незачем.

– Прости, твое величество... – хрипло сказал он. – Я ее слишком люблю.

– Дурья твоя башка! – Император досадливо махнул рукой. – Ну какого дорхота ты ко мне не пришел? Побоялся?

– Мне четко дали понять, что с ней сделают, если я так поступлю.

– Мог бы найти способ известить. – Его величество укоризненно покачал головой. – Помогли бы. Скажи спасибо, что Ланиг про все узнал и сумел выяснить, где твою дочку держат. Сегодня туда невидимки наведались.

– И? – У начальника третьего приказа затряслись руки.

– И... – недовольно проворчал император. – Тоже мне, герой. Кара, иди сюда!

Одна из сидящих в углу фигур встала и приблизилась ковыляющим, неуверенным шагом. Диппат жадно уставился на нее – и вздрогнул. Кара. Единый, это действительно его маленькая Кара!

Только... Он жадно осмотрел дочь, приходя во все больший ужас. Руки... Диппат знал, конечно, что ее искалечили, – эмиссары святош привозили ему отрезанные пальцы девочки, да и чувствовал ее боль из-за заклятия, – но одно дело знать, а совсем иное – весь этот кошмар увидеть. Полуседая, и это в двадцать-то лет! Все не закрытые платьем места сплошь покрыты шрамами. А что же тогда под платьем творится? Единый!

– Здравствуй, папа... – голос Кари дрожал. – Ты совсем седой стал...

– Здравствуй, кнопка... – назвал дочь детским прозвищем Диппат. – Я...

– Не надо оправданий. Ты не виноват, понимаю. Но лучше бы ты позволил мне умереть, чем вынести все, что они со мной сделали.

Лучше бы...

Начальник третьего приказа не стал больше ничего говорить, он ступил вперед и осторожно обнял дочь. И снова вздрогнул, нащупав на ее спине бугры шрамов. Что ж, теперь он имеет возможность достойно отплатить палачам.

– Ты заметил, что продолжаешь ощущать дочь так, как будто она все еще в Карвене? – поинтересовался император. – Ее место в камере заняла невидимка под заклятием тождества. Эльна ар Трисх, ты ее знаешь. И святоши уверены, что некий Диппат ар Тарнель все еще у них на крючке.

– Спасибо, твое величество... – прохрипел тот, продолжая обнимать единственное бесконечно дорогое для него существо. – Прости меня, идиота. Казни, я виноват, я тебя предал...

– На твоем месте и я бы предал, – грустно вздохнул Маран. – У меня тоже дети есть, хоть ты этого и не знаешь. Ради них на все пойду. Поэтому прощаю. Не хватало мне только людей, подобных тебе, казнить. Нам слишком многое предстоит сделать.

– Еще раз спасибо. Ты оказался добре, чем я думал, твое величество. А делать?.. Есть немало того, что мне надо сообщить вам с Ланигом. Есть люди, которых необходимо брать немедленно, вне зависимости от последствий. Слишком много вреда причиняют. Вращаясь в среде карвенских агентов, я одновременно собирал данные обо всех значимых там личностях. На всякий случай. Знаю большинство резидентов, о чем святоши и не подозревают. Плюс еще одно, и это прежде всего. Недавно мне стало известно, что на тебя и эльдаров готовится покушение. Каким образом планируют справиться с магами вашей силы – не знаю. Но если бы шансов не было, то карвенская разведка этим не занималась бы, там не идиоты сидят, а вполне разумные, здравомыслящие люди.

– Покушение, говоришь? – Император встал с кресла и принял мерить широкими шагами кабинет. – Любопытно. Крайне любопытно. Ланиг, ты что-нибудь об этом знаешь?

– Нет. – Глава тайной стражи отрицательно покачал головой. – Завтра же начну рыть в этом направлении – возможно, чего-нибудь и нарою. Диппат, жду доклада.

– Будет доклад, завтра же. Только нужно соблюдать осторожность: моя служба наводнена предателями и карвенскими

агентами.

– Ты знаешь, кого можно простить, у кого ситуация, подобная твоей? – вмешался Маран.

– Таких еще пятеро. – Диппат подвел дочь к дивану и усадил. – Но есть некоторое отличие: их родных, похоже, держат здесь, в империи. Надо немедленно заняться Фан-Кионом, этот город – основная база фанатиков, готовых бесплатно служить карвенцам.

– Фан-Кион, говоришь? – Ланиг пожевал губами. – Займусь. Только надо согласовать действия, чтобы друг другу на пятки не наступать. Прежде всего, необходимо определить, кого брать немедленно, а кого оставить пока погулять.

– Могу продиктовать список, – криво усмехнулся Диппат. – Но это все известные мне агенты, делить их на категории будешь сам.

– Справлюсь как-нибудь, – проворчал старик. – Меня больше покушение беспокоит. Не могу понять, чего святоши добиваются. Хорошо, предположим, они уберут императора с несколькими эльдарами. Но император будет новый, плюс мы, плюс выжившие эльдари. Ничего карвенцы на этом не выгадают.

– Это если найдется, кому избирать нового императора, – задумчиво сказал Маран. – А что, если они планируют убрать вообще всех эльдаров со мной во главе?

– Для этого нужно знать конкретно личности императора и рыцарей престола! Ты уверен, что они знают?

– Не уверен, – вздохнул его величество. – Но это, опять же, неважно. Что-то святоши все-таки знают, что-то придумали. Наша задача – выяснить, что именно, и успеть первыми.

Маран внимательно посмотрел на Диппата, не отходящего от дочери, и незаметно улыбнулся. Да, девочка права: не стоит отцу знать, что с ней сотворили, может не выдержать, сорваться, начнет уничтожать всех направо и налево.

– Думаю, дела подождут до завтра, – негромко сказал он. – С утра жду вас обоих у себя. А девочке...

Император задумался на минуту, потом продолжил:

– Твоя дочь, Диппат, просила об ученичестве у горного мастера. Я исполнил ее просьбу. Санти согласился взять ее второй ученицей.

– Но зачем?! – Начальник третьего департамента недоуменно уставился на девушку.

– Мне в жизни осталось только одно, папа, – в глазах Кари горело что-то такое, от чего Диппату стало не по себе. – Месть. Ни детей, ни семьи у меня никогда не будет. Жить я не хочу, но буду. Ради того, чтобы отплатить!

– Я сам им за все отплачу, кнопка! – Диппат прижал руки к груди.

– Ее желание – это далеко не все, дружище, – тяжело вздохнул император. – Ты ведь знаком с полным списком пророчества Пятерых?

– Знаком. Но какое отношение оно имеет к Каре?

– Такое. Беспалая из этого пророчества – твоя дочь.

– Что?! – Лицо Диппата вытянулось и побелело.

Это чудовище – его маленькая девочка? Добрая и ласковая, как котенок, Кара? Невозможно! Беспалая, судя по пророчеству, нечеловечески жестока, она порой будет исполнять обязанности палача, и исполнять с удовольствием... Впрочем, а чего он хотел? После всего, что святоши с ней сотворили, это еще самое малое. Но почему именно она?..

Диппат поверил императору сразу – такими вещами не шутят. Он молча опустился на первый попавшийся стул, обхватив голову руками. Глазами пожилого человека смотрело само отчаяние.

Кара с трудом вышла на огромный балкон под крышей императорской башни, ноги болели так, что никакого терпения не хватало, слишком большую нагрузку перенесли этой ночью десятки раз сломанные и неправильно сросшиеся кости. Хоть бы только не опозориться, не упасть, не показать своей слабости. За Карой следовал рыжий парень, который должен стать ее наставником. Девушка искоса поглядывала на него, пытаясь составить свое мнение о человеке, который вскоре станет ближе отца. Девушка необычной внешности, первая ученица рыжего, тоже настораживала Кари – какая-то она очень странная, не от мира сего.

– Я, Сантиар Эрхи, младший горный мастер боевого братства империи Элиан, беру в ученицы Кари ар Тарнель и произношу Слово Воина! – Голос рыжего неуверенно подрагивал. – Прошу его

величество императора занести мои слова в Анналы Братства!

Слова Санти подтвердил Ланиг, тоже произнесший короткое заклинание.

– Ученица Кара, согласна ли ты принять ученичество? – заставил девушку вздрогнуть гулкий голос императора. – По доброй ли воле ты его принимаешь?

– Согласна! – хрипло отозвалась она, горло внезапно пересохло. – Я принимаю ученичество по собственному желанию, никто меня не заставляет!

С шара на верхушке башни сорвался белый луч и удариł Карту в лицо, окутав ее тело сияющим коконом. Император переглянулся с Ланигом – снова сюрпризы, такого не было ни с кем из Пятерых, не говоря уже ни о ком другом. Из белого кокона внезапно раздался звериный вой боли, что-то там происходило, но вся магия Марана не помогла понять, что именно. Сгусток света бешено вертелся на балконе минут десять, и все это время девушка внутри кричала. Страшно кричала. Диппата пришлось держать, чтобы он не рванулся на помочь и не прервал посвящение.

Белый, слепящий туман вокруг рассеялся. Кара медленно встала с пола, не понимая, что случилось. Ей было стыдно за то, что не сумела сдержаться и выла, как подзaborная собачонка под плетью. Но боль внутри кокона оказалась куда сильнее всего, что девушка испытала во время плена. Что-то настораживало, что-то непривычное. Кара сделала несколько шагов к краю балкона. Движения стали почему-то очень легкими, она шла, а не ковыляла. А когда бывшая узница осмотрела себя, то поняла, что шрамы, покрывавшие ее тело, бесследно исчезли. Их место заняла шелковистая, нежная кожа, присущая молодой женщине ее возраста.

Случилось чудо – безнадежно искалеченная девушка выздоровела. Понятно теперь, откуда взялась боль, полное исцеление за столь короткое время имеет свою цену. И цена эта – боль. Не такая уж и большая цена, если разобраться. Одно осталось прежним – трехпалые руки, похожие на клешни краба, только крючковатые, негнущиеся пальцы стали нормальными. Они как-то странно зудели, казалось, нужно напрячься – и произойдет что-то важное. Кара послушно напряглась, и из кончиков пальцев, прорвав кожу, медленно выдвинулись когти. Страшные, загнутые, острые,

полупрозрачные когти, которыми можно легко разорвать человеку горло. Это еще что такое? Откуда? Впрочем, плевать. Пригодятся. Девушка запрокинула голову, и в темное ночное небо понесся безумный, нечеловеческий хохот. Погодите, господа палачи, скоро за вами придет беспалая смерть. И не ждите пощады, ее не будет!

8. Черный Клан

У большого стрельчатого окна сидела красивая черноволосая девушка в скромном сером платье послушницы и мечтательно улыбалась, глядя на облака. Еще немного – и совсем стемнеет. Он придет. Точнее – прилетит. До сих пор не верилось, что любимый умеет летать, но лгать Лек не стал бы. Обещал взять с собой в небо. Скорее бы уже прилетал, страшно по нему соскучилась.

Здание тарсидарского монастыря святого Даонира выглядело несколько необычно для центральных областей Элианской империи. Четыре узких, высоких строения, соединенные висячими мостиками и окруженные крепостной стеной в полсотни локтей, если не выше. В центре между башнями располагалась кубическая часовня с косым крестом Единого на крыше. Никаких украшений, сугубая функциональность. Совсем не так выглядели монастыри и храмы других орденов, их украшали бесчисленные статуи и барельефы, повествующие о житии отцов элианской Церкви, святых великомучеников Лодама и Эскена.

Далеко не всем служителям божиим нравилась эта варварская роскошь. Епископ Даонир, например, живший около семисот лет назад, проповедовал скромность во всем, от одежды до архитектуры. Поэтому построенный им монастырь и выглядел столь невзрачным. Даонирцы и до сих пор остались аскетами, несмотря на все произошедшие с учением основателей изменения. Одновременно они проповедовали принцип: «К вящей славе Единого!», оправдывая любые преступления во имя Церкви. Из этого монастыря выходили лучшие убийцы, отправители с фанатично горящими глазами, искренне верящие, что за все совершенные злодеяния их ждет рай.

Талантливую послушницу, успевшую спровадить к праотцам не менее десятка людей, неугодных архиепископу тарсидарскому, направили для обучения именно сюда. Лучшей школы отправителей в империи не существовало. Император, понятно, о существовании такой школы не имел ни малейшего понятия, даже не подозревал о ее существовании. Когда Элиа сообщила о ней, Маран долго не мог прийти в себя от изумления.

Его величество давно подумывал заслать агента в гадючье кубло епископата, и предложение баронессы ар Сарах оказалось очень

кстати, хоть и не хотелось подвергать ее опасности. Однако Элиа настояла на своем, и Маран в конце концов согласился с ее доводами.

Святоши поверили девушке после того, как она без зазрения совести убрала нескольких недоброжелателей его преосвященства, которому как будто служил епископ Равитар, куратор Элиа. На деле, конечно, он, как и все прочие, не служил никому, кроме себя самого. Девушка ничуть не переживала по поводу случившейся по ее вине смерти нескольких «святых» отцов, каковых в большинстве искренне считала ядовитыми змеями. Все равно рвут друг друга без всякой пощады, так почему бы и не помочь им в этом благом деле? Количество сволочей уменьшится, уже неплохо.

Интрига, задуманная баронессой совместно с императором и Ланигом, постепенно разворачивалась. Элиа с недавних пор искренне уважала старого мастера, начисто позабыв о прежних страхе и ненависти. Да и сама добилась его уважения, поскольку действовала безо всяких сомнений, не разводила ненужных сантиментов. Надо убить врага? Значит, надо. На то он и враг. Угрызения совести? С какой стати? Враг бы не пожалел.

Служители церкви вызывали у девушки сильнейшее отвращение. Гнездо ядовитых гадов, да нет, хуже: гады редко кусают себе подобных, а эти – постоянно. Все время выискивают, как бы подсидеть и подставить соседа, прорваться выше любой ценой. Ценой чужой боли, чужих жизней, чужого унижения. Поварившись немного в мутном вареве тарсидарского епископата, Элиа поначалу растерялась. Не представляла себе, что те, чей долг – исцелять души, на самом деле не люди, а гнусные твари. Ни одного порядочного священника высшие чины Церкви в свою среду не допускали, а если какой чудом и прорывался, то белую ворону начинали травить скопом и очень быстро добивались желаемого.

Для епископа Равитара новая послушница была всего лишь инструментом влияния, он даже подумать не мог, что резкий всплеск ненависти между соперничающими за влияние кликами – ее рук дело. Что именно баронесса ар Сарах стоит за всеми странными событиями последнего времени, за загадочными смертями нескольких высокопоставленных святых отцов, за поползшими по епископату жутковатыми слухами. Что именно эта прелестная юная особа, на которую облизывались многие из старых сластолюбцев, держит в своих нежных ручках многие нити происходящего в тарсидарской

епархии, что архиепископ буквально тает, когда она входит, и позволяет своей любимице очень многое.

Всего лишь несколько месяцев заняло у Элиа это, девушка сама порой не понимала, каким образом у нее все получается. Наверное, просто оказалась в своей стихии, нашла точку приложения сил. Император с Ланигом тоже приходили в восторг, издали наблюдая за виртуозной игрой молодой баронессы. Они помогли Элиа понять, что далеко не все люди одинаковы, помогли разделить этих самых людей на своих и чужих. Ради своих девушка готова была на все. А чужие? Да бог с ними, если зла не творят, можно даже помочь в случае беды. Зато если творят... Тогда пусть не обижаются.

Одно только сильно смущало Элиа. Став послушницей, она постоянно страдала от домогательств монастырских сластолюбцев. Благо, хоть епископа Равитара многие побаивались, зная его репутацию хладнокровного убийцы, поэтому и курируемую им послушницу трогать не рисковали. Но нашлось немало таких, которые не боялись ничего и никого, живя только ради удовлетворения своих страстишек и гнусных желаний. Этим приходилось давать отпор, а попадались среди них и довольно высокопоставленные личности.

До того, как Элиа снискала доверие архиепископа и стала неприкасаемой, она время от времени вынуждена была просить Ланига убирать особо настойчивых. Тайные стражи старого мастера делали это быстро и незаметно, досаждающий объект просто исчезал. Бесследно. В епископате такое давно никого не удивляло, каждый паук думал только о себе, считал себя пупом земли, поэтому травили людей здесь часто и со вкусом. Или отправляли в мир иной другим способом, обычно – довольно грязным и жестоким. Самым шиком считалось обвинить противника в ереси, но не только обвинить, а и доказать каким-то образом свое обвинение. В этом случае врага ждал костер. Жгли приговоренных в отдаленных монастырях, куда редко наведывались горные мастера, – одного инцидента было бы достаточно для закрытия любого монастыря и репрессий по отношению к нарушившим закон.

С каждым днем девушка все больше поражалась концентрации мерзости в верхушке элианской Церкви. Кошмар, иных слов она подобрать не могла. И это при том, что простые приходские священники часто были самыми настоящими подвижниками,

отдавали все силы служению Богу и людям, ничуть не жалея себя. Почему же так вышло, что все до единого высокопоставленные церковные иерархи – сволочь? Элиа много размышляла над этим, но ничего толкового так и не надумала. Попросить его величество разъяснить, что ли? Уж он-то наверняка знает. Или постараться дойти самой, понять своим умом? Наверное, второе все-таки будет достойнее.

Странно складывалась жизнь у Элиа в последние полгода. Не один и не два раза она пыталась осознать происшедшее. Не бывает ведь, чтобы вот так вот – все и сразу. Раньше – никчемная, бессмысленная жизнь, только пустоголовые поклонники вокруг – светские повесы, которых баронесса всей душой презирала и отваживала любыми способами. И почти нищета, когда каждый тархем считать приходилось: отец оставил ей совсем немного. Счастье еще, что процентов с этого немногого хватало на скромную жизнь, не пришлось искать работу или, что куда хуже – «покровителя». Впрочем, до такого гордая девушка никогда не опустилась бы, скорее бы покончила с собой.

Одного Элиа раньше не понимала: почему в обществе ее считают подлой и хладнокровной стервой, добивающейся своего любыми способами? Только за то, что смеялась над молодыми глупцами? При воспоминании о прежней себе девушка тяжело вздохнула. Не слишком умна она тогда была. Не видела, не чувствовала, что кое-кто из поклонников любил ее по-настоящему, всей душой. И обошлась с ними так же, как с остальными. Двоих покончили с собой. Она не обратила внимания на их смерть: в голову не пришло, что это из-за нее.

Наверное, так Элиа и продолжала бы жить, бессмысленно и бесполезно, если бы не случайная встреча с Леком ар Сантеном на приеме в честь совершеннолетия наследника рода ар Инвах. Эта встреча перевернула всю ее жизнь, изменила бесповоротно, навсегда. Затем была беседа с Ланигом ар Вортоном, собственное прозрение, поход на исповедь, во время которой исповедник предложил ей отравить человека, ставшего дорогим, что сразу убило наивную детскую веру. И император. Этот невероятный человек восхищал Элиа до глубины души. Как он может быть таким всепонимающим, таким добрым и одновременно таким жестким? Как его на все хватает? И на всех?!

Осознав, что любит Лека ар Сантена, девушка готова была отдать любимому тело и душу, сделать для него все. Однако, прежде всего, горца требовалось сохранить живым и хотя бы относительно невредимым. Церковь ведь не оставит юношу в покое, раз уж приговорила к смерти. Император предложил обмануть святош, но Элия посчитала, что этого недостаточно, и предложила свой план. Маран удивился, но принял ее предложение. Подключил к делу Ланига ар Вортона, и интрига начала раскручиваться.

Больно было обманывать любимого, но девушка сделала это ради его же блага. После его мнимых похорон Элия снова пошла в церковь при епископате. Приход баронессы ар Сарах, которая уже два дня как должна была быть мертва, вызвал немалый переполох. Исповедник с елейным голосом долго выспрашивал девушку о подробностях происшедшего. Затем ей принесли воды, в которой чувствовался привкус того самого яда, от которого «умер» Лек. Спасибо его величеству, наложившему на Элия заклятие, после которого ей стали не страшны любые яды.

Переполох в епископате набирал обороты. Особенно перепугались святые отцы после того, как из стакана, недопитого девушкой, заставили отхлебнуть какого-то служкку. Бедняга к утру помер, а с баронессой не произошло ровным счетом ничего: она сладко проспала несколько часов в выделенной ей келье.

Ошеломленный епископ Равитар принялся травить ее самыми разными ядами, но Элия их просто не замечала. Поняв, что столкнулся с чем-то необъяснимым, Равитар решил использовать девушку. По распоряжению будущего куратора баронесса приняла первый постриг, став послушницей. Во время торжественно обставленной церемонии она тихо посмеивалась: клятвы, данные врагу – ложь во спасение родины и любимого.

Для проверки куратор поручил новой послушнице убрать одного из церковных чинов, давно мешавшего Равитару. Девушка проделала это быстро, красиво и без малейших сомнений. Покойный обожал красивых женщин и, встретив прелестную послушницу, лукаво стрелявшую глазами по сторонам, не устоял, приказав идти за ним. Элия, ласково улыбаясь, заколола сластолюбца тонким стилетом, вынутым из волос, и отправилась к епископу Равитару докладывать о выполнении задания. Тот был восхищен откровенным цинизмом девушки, решив, что перед ним зверь его породы. Она не стала

разубеждать куратора, сыграть хладнокровную эгоистку вовсе несложно...

С тех пор отношение к баронессе изменилось, она стала в епископате своей. Относительно, конечно, своей, всего лишь инструментом для устраниния неугодных, но все-таки.

Немного освоившись в новой среде обитания, девушка начала приводить в действие свой план. Подбросив кое-кому тщательно сфабрикованные доказательства, стравила две влиятельные клики, уже больше сотни лет пребывавшие в состоянии хрупкого нейтралитета. В результате больше десяти самых опасных для императора «святых отцов» покинули сию юдоль скорби. Одно это уже оправдывало присутствие девушки в змеином кубле.

Однако куратор, епископ Равитар, так и остался для Элиа загадкой. Чем на самом деле занят этот неопрятный толстяк, любитель красивых мальчиков и эля в непомерных количествах? Внешность обманчива, Равитар оказался куда опаснее архиепископа, которому вскоре представил девушку.

Поручив послушнице устранить двух надоевших до зубной боли противников, его преосвященство пришел в восторг: Элиа обставила смерть епископов с ледяной элегантностью, они просто уснули в своих постелях и не проснулись. Целители разводили руками – сердечная недостаточность, ничего не поделаешь. Конечно, на самом деле убирали неугодных тайные стражи, но об этом никто не подозревал. С тех пор архиепископ называл баронессу «Дитя мое». Дитя ласково улыбалось в ответ и, не торопясь, рыло «благодетелю» глубокую яму.

Элиа досадливо постучала пальцами по подоконнику. Епископ Равитар куда-то уехал, его не было уже две недели. Судя по последним событиям, святоши готовятся к чему-то страшному. Проклятие, а она так и не сумела выяснить – к чему именно! Предупредила императора, конечно, пусть тайная стража и невидимки будут наготове, но это не слишком-то поможет в случае беды. Нужно знать, к чему готовиться, а вот этого как раз никто и не знал.

Похоже, загадочное дело вел как раз ее куратор, но даже намеков не делал, как обычно, – похвастаться Равитар любил, следовало только надавить своевременно на нужные точки. Однако на сей раз

обычный метод не сработал, куратор только загадочно улыбался, говоря, что до победы остался один шаг, что надо всего лишь немного подождать. Какой победы?! Над кем? Над его величеством? Этого нельзя допустить. Архиепископ вообще ничего не знал о тайнах своего ближайшего помощника, что вовсе неудивительно. Он был всего лишь щукой, тогда как Равитар – акулой, успешно притворившейся безобидным окуньком.

Еще одно вызывало беспокойство. С тех пор как в епископате стало известно, что Лек ар Сантен жив, ей перестали доверять. Элиа не раз замечала подозрительные взгляды, направленные в ее сторону. Похоже, вскоре придется уходить, все возможное здесь она уже сделала. Арват перемещения император вживил ей в один из зубов, достаточно надавить на него определенным образом, чтобы оказаться в элиандарском кабинете его величества.

После отъезда куратора девушку спровадили в этот монастырь, и она даже не знала, что произошло за это время в епископате. От церковников можно ждать чего угодно, их единственная цель – власть, ради нее они способны сотворить самое чудовищное преступление. Нужно что-то делать, но что? Нарушать приказ куратора нельзя, если хочет остаться полезной императору в этом гадюшнике. Проклятье! Его величество тоже приказал сидеть тихо и не высываться. Элиа молча бесилась, бездействие выводило ее из себя.

Келья, выделенная послушнице, находилась на самом верху южной башни, под кровлей. Порой слышно было, как по крыше ходят и воркуют голуби. Обстановка очень скромная – узкая жесткая кровать, покрытая серым колючим одеялом, столик у окна, шкафчик для одежды, книжная полка с трудами святого Даонира. И молитвенный коврик в углу, на котором полагалось проводить не менее десяти часов в день.

За Элиа никто не следил, слежку она научилась чувствовать очень хорошо. Еду ей приносили в келью. По утрам приходил наставник, обучавший разбираться в ядах, противоядиях и способах их применения. По вечерам – настоятель с душепитательными беседами, которые надоели девушке до тошноты. Странно все-таки. Разве стали бы ее обучать чему-нибудь, если планируют убрать? Кто их знает, церковники мыслили каким-то вывернутым, непонятным образом. Впрочем, надавить на арват Элиа всяко успеет, а там пусть

ищут, сколько хотят, – скоро Церковь расколется, и епископам станет не до сбежавшей послушницы.

Стемнело. Элиа все так же сидела у окна, погрузившись в свои мысли. Она ни о чем не жалела, понимая, что будет работать на императора до самой смерти – Элиа преклонялась перед этим человеком. Кроме того, девушка ощущала себя в своей стихии: ей всегда недоставало большого дела, дела жизни. Этим делом для нее стало сохранение империи. «Высший свет», в котором она прежде вращалась, оказался всего лишь накипью, ничего не решающей и ни на что не пригодной. Прикосновение к тайнам боевого братства и его величества заставляло восторженно ежиться. Она хотела быть с теми, кто делает реальное дело, помогает людям жить по-человечески.

Что-то мелькнуло в небе, и в воздухе перед окном повис радостно улыбающийся Лек. За спиной молодого горца бились полупрозрачные черные крылья. Значит, правда – он и в самом деле умеет летать. Опасаясь, что кто-нибудь заметит любимого, Элиа отступила внутрь, приглашающе махнув рукой. Юноша ловко скользнул в узкое окно, крылья исчезли, будто их никогда и не было.

Молодые люди на мгновение замерли, жадно глядя друг на друга, и бросились обниматься. Элиа таяла в объятиях Лека. Хоть бы только никакой монастырской крысе не пришло в голову наведаться на верхние этажи южной башни. Но вряд ли, после тяжелого дня подниматься на самую верхотуру желающих не найдется. Кроме настоятеля, старого убийцы, чтоб ему провалиться. На всякий случай девушка задвинула засов, но не была уверена, что это поможет – отец-настоятель каким-то образом проникал в любую запертую келью, если хотел этого, некоторые монахи всерьез полагали, что он вездесущ. Это, конечно, вызывало у Элиа смех, но одновременно и настороженность. На чем-то ведь эти слухи основаны.

– Здравствуй, моя хорошая! – шептал Лек, целуя любимую. – Здравствуй, моя единственная!

– Я тебя тоже люблю... – Девушка улыбалась, возвращая поцелуи.

Одежда полетела на пол, и влюбленные забыли обо всем на свете... Времени у них было совсем немного, вскоре начнется полуночная молитва, на которой Элиа обязана присутствовать, как и любой проживающий в монастыре. Их возносило к небесам и

швыряло в пропасть, но часть сознания каждого все равно оставалась настороженной – враждебная территория, где все возможно. Картаги Лека лежали рядом.

– Спасибо... – устало сказала Элиа, положив голову любимому на колени.

– Тебе спасибо, моя хорошая... – Юноша наклонился и поцеловал ее в лоб. – За то, что ты есть.

– Не за что, – иронично хмыкнула девушка. – Я и сама совсем не прочь быть.

– Да, тут дело одно образовалось...

– Какое?

– Его величество сказал, что ты должна моей ученицей стать. Что ты – Леди из пророчества Пятерых.

– Не поняла. – Элиа недоуменно наморщила нос. – Какое отношение ко мне имеет эта сказка?

– Не сказка, – поморщился Лек. – К величайшему моему сожалению, не сказка. Я – горец из этого дорхотова пророчества, носитель мечей Тьмы. И крылья у меня черные. Не знаю еще, что все это означает, его величество ничего не говорит толком. Загадочный он наш, достал уже своей загадочностью до самых печенок. Знаю только, что нам всем предстоит вытаскивать империю из какой-то ямы.

– Тьмы? – Девушка задумчиво прикусила нижнюю губу. – Мне это не нравится, Тьма всегда была злом.

– Чушь какая! – возмутился горец. – Не повторяй бредней святош. При чем здесь добро и зло, ответь мне? Тьма – это всего лишь свобода, ограниченная твоей собственной совестью. Тот, кто думает, что Тьма – это вседозволенность, глубоко заблуждается. Такой урод и становится тем самым злом, которое потом приписывают самой Тьме. А без Тьмы жизнь вообще невозможна – необходимо равновесие.

– Возможно, ты и прав...

– Раз ты должна стать моей ученицей, то ты тоже принадлежишь Тьме, и твой луч будет черным.

– Но твои прежние ученики не принадлежат ей! – нахмурилась Элиа.

– Они такие же, как я сам, носители великих мечей. Не слишком многому я их научил, если честно, они меньше чем за год сами стали невидимками почти без моего участия. Сейчас мы на одном уровне. Я пока не считаю себя вправе двигаться дальше, слишком многое еще не понимаю. Мне всего девятнадцать лет! Какой из меня, к дорхоту, старший мастер?!

Девушка смотрела на нахмутившегося Лека и размышляла. А ведь у него сейчас духовный кризис, он сам еще не понимает, кем и чем стал, не знает, что должен делать и ради чего. Запутался в самом себе. Витки осознания. Император как-то рассказывал об этом, только Элиа тогда не очень поняла, что он имеет в виду. Зато хорошо поняла сейчас. Вот оно, оказывается, как бывает.

Каждый человек, следующий Пути, обязательно доходит в своем развитии до перепутья, развилки, где должен сделать выбор, как и куда следовать дальше. И следовать ли вообще. Подавляющее большинство горных мастеров так и не забираются выше первого уровня понимания, белый шнурок получает один из нескольких сотен, носящих черный. Причина одна – непонимание сути Пути Воина. Нежелание платить страшную цену за это понимание. Не все находят в себе мужество отречься от себя самого. Слишком трудно, слишком больно, слишком безнадежно. На этом перепутье сейчас и находится Лек ар Сантен, по мастерству давно превзошедший многих старших мастеров, но по сути таковым не ставший: не решается сделать выбор.

Однако Элиа понимала, что горец выберет, и совсем скоро. И знала, каким этот выбор окажется. Она понимающе улыбнулась и нежно погладила любимого по щеке. Ему будет трудно, но он справится. Лек будет драться до конца. В этом девушка была уверена.

Влюбленных отвлек скрип ступеней под чьими-то тяжелыми шагами. Элиа досадливо выругалась, а горцу пришлось в спешном порядке одеваться и прыгать в окно. Только воздух зашумел под взмахами черных крыльев, и девушка снова осталась одна. Принесло ведь кого-то, не поленился подняться на самый верх башни в двести локтей. Судя по звукам и покашливанию, сам настоятель, взявший в последнее время моду подолгу беседовать с послушницей о сути заповедей отцов-основателей Церкви. Не сидится ему в тепле, все

ходит и ходит, никак не успокоится.

И в самом деле, когда Элиа открыла дверь, перед ней стоял отец Ордан. Стариk опирался о посох и тяжело дышал. Девушка едва сдержалась, чтобы не высказать слуге божьему все, что думала по поводу несвоевременного визита. Он втянул ноздрями воздух и понимающе усмехнулся. Ой, мама, он же все понял, похоже... Или? Дорхот его разберет, этого доставучего святошу, все возможно, в молодости, похоже, сам немало девок перепортил.

– Здравствуй, дочь моя, – в голосе настоятеля искрилась ирония. – Натешилась?

– Здравствуйте, святой отец! – Элиа сделала книксен, все еще проклиная про себя проницательность даонирца. – Не понимаю, что вы имеете в виду.

– Да ты садись, дочь моя, в ногах правды нет. – Он прищурился, сам с явным облегчением опускаясь на табурет. – Все ты понимаешь. Посадить бы тебя на хлеб и воду за распутство, ну да пес с тобой, молода еще, глупа, никуда от природы не денешься. Думай только когда и с кем, а то подловят, что слаба на передок, мало не покажется. Нашу кухню ты знаешь.

– Знаю, святой отец. – Девушка покраснела, досадуя на себя – слишком соскучилась, нельзя было встречаться с Леком здесь. Слава Единому, что старый убийца не знает, с кем она встречалась, тогда бы точно срочно бежать пришлось.

– Давно хотел поговорить с тобой на одну интересную тему, дитя. – Взгляд отца Ордана был тяжелым, давящим. – Ты кое-чего так и не поняла, поэтому совершаешь много ошибок. Признаю, ты неплохо справляешься, но воспринимаешь работу слишком лично, слишком близко к сердцу, а этого быть не должно.

– Я не... – растерялась Элиа.

– Помолчи, да послушай лучше старого, опытного человека, – раздраженно проворчал настоятель. – Давно хотел тебе это сказать, да все как-то случая не выпадало. Я тебе, дитя, зла не желаю, что бы ты там по этому поводу ни думала. Глупишь ты, воспринимаешь объект, как человека, как врага. Так нельзя, пойми. Для тебя объект человеком быть не должен, это всего лишь помеха, требующая устранения. По почерку твоей работы видно, что ты ненавидишь и презираешь устраниемых. Это верный способ провалиться. Ум

должен оставаться холодным и ясным, ненависть ослепляет, заставляет терять осторожность. Не ты первая такая. И все, не понявшие вышесказанного, обязательно гибнут. Раньше или позже, но гибнут.

– Но я ни разу не провалилась, святой отец! – возразила удивленная девушка.

– Да, ты обладаешь хорошими задатками, дитя, – вынужден был согласиться старик. – И ты удачлива. Но на удаче далеко не уедешь. Слишком рискуешь. Ну кто тебя просил за одну ночь работать двоих? Ты не подумала о том, что первого могут обнаружить и поднять переполох? Не подумала. А это случилось. Едва ушла ведь? Так?

– Вы правы... – Элиа покраснела, вспомнив упомянутый эпизод – действительно сглутила, захотела справиться быстрее и едва не была поймана. – Извините...

– А мне чего тебя извинять? – Настоятель безразлично пожал плечами. – Это ты себя едва в могилу раньше времени не загнала, а не меня. Перед собой и извиняйся. Учись быть не только сильной, но и мудрой.

– Какая же мудрость в чужой смерти? – не выдержала девушка.

– Неважно, чем ты занимаешься, – задумчиво посмотрел на нее старик, – важно, как ты делаешь свое дело. Мастером можно стать, даже будучи наемным убийцей, а ты убиваешь во славу божию.

– Ой, только не надо этого! – брезгливо скривилась Элиа. – Не юродствуйте, святой отец! Какую там славу божию? Убираю одну сволочь по приказу другой, ничуть не меньшей.

– И это имеет место быть. – Губы настоятеля искривились в ироничной усмешке. – Куда же без этого? Надо находиться на стороне сильного, чтобы своевременно подставить ему подножку. В момент слабости. Но так, чтобы он не понял, кто ему эту подножку подставил, а продолжал считать тебя самым верным из слуг.

– Зачем все это, святой отец? – Элиа опустила голову. – Вся эта подлость и жестокость? Неужто сильный не бывает добрым? Обязательно подонком?

– Говорят, попадаются и добрые. – В глазах старика на мгновение мелькнула грусть. – Изредка. Только я вот за всю жизнь так ни одного и не встретил. И если побеждает жестокий и подлый,

то, значит, именно такой, по божьему замыслу, и должен победить. Не нам протестовать против законов мироздания, дитя. Они нам могут не нравиться, но поделать ничего нельзя. Мир таков, каков он есть. Так что, приходится играть по его правилам.

«Дорхотов хвост тебе в глотку, сволочь старая! Можно их изменить, эти скотские правила, – мелькнула по краю сознания раздраженная мысль. – И нужно. И добрых я встречала. Врешь ты. Не выйдет у вас заставить всех принять подлость за благородство, а жестокость за доброту. Не выйдет!»

– Ты еще очень наивна, дитя. – Отец Ордан насмешливо посмотрел на девушку, будто угадав ее мысли. – Хочется с Единым пободаться? Ну-ну, поглядим, как оно у тебя выйдет. Эх, молодость-молодость! Не хотите вы, глупые, чужим опытом пользоваться, все собственные шишки набить стремитесь. Что ж, набивай, мешать не стану. Только попомнишь еще мои слова. Постарайся хоть поменьше эмоций в работу вносить, не то худо будет. Попробуй хоть раз на чистой логике отработать. Сама поймешь, что лучше оно.

– Здесь я с вами согласна, – развела руками Элиа. – Попробую. Только я уже две недели в монастыре безвылазно сижу, скоро на стену лезть начну с тоски.

– Потерпи немного, – язвительно посоветовал старик. – Скоро такое начнется, что всем нам работы хватит. На долгие годы. Кстати, любовника твоего, если поймаю – выпорю так, что про сладенькоое надолго забудет. Нечего мне тут бордель из монастыря устраивать!

– Больше не повторится, святой отец. – Девушка едва скрыла насмешливую ухмылку – лови, старче, хоть изловись, а невидимку, да еще и крылатого, все равно не поймаешь. Подумал, что ее потянуло на кого-то из местных уродов? Фу, гадость какая!

– Надеюсь, – прищурился настоятель, продолжая сверлить послушницу тяжелым, внимательным взглядом. – Ладно, пойду я, дитя. Скоро на молитву. И ты чтобы пришла. Гляди мне – пропустишь, пороть велю. Голой, на глазах у всех.

– Не пропущу! – заверила Элиа.

Настоятель тяжело встал, немного постоял и кряхтя направился к выходу из кельи. Уже в дверях он вдруг обернулся и почти неслышно сказал:

– А своим передай, что не стоит слишком уж давить, Церковь многое может. Я о настоящей Церкви говорю, а не о накипи, в епископатах засевшей.

Старик насмешливо взглянул на замершую у окна девушку и вышел. Только ступени снова заскрипели под тяжелыми шагами грузного тела.

Элиа едва могла дышать от потрясения. Передать? Своим? Он догадался? Ой, мамочка! Бежать! Немедленно! Или? Она растерянно смотрела на открытую дверь и не понимала, что делать дальше. Но если старый убийца понял, что она шпионка, то почему не выдал? Настоящая Церковь? Но она ведь только создается. А может, давно существует внутри того бардака, что устроили карвенские прихвостни? Необходимо как можно быстрее связаться с императором, этой же ночью. Пусть его величество решает, это его прерогатива.

Вскоре зазвонил колокол, призывающий на полуночную молитву. Элиа со вздохом взяла с полки молитвенник и вышла из кельи. Спускаясь по бесконечной лестнице, она тихо проклинала надоевшие монастырские порядки.

Лек шел по улице злой, как дорхот, из-за прерванного свидания. Он опустился на землю неподалеку – император просил не летать над городом, чтобы не вызывать ненужных слухов и паники. Надо было облететь Тарсидар по дуге, теперь из-за собственной глупости через центр идти придется, где «ожившему» горцу лучше не показываться. Но что ж теперь делать? Точно говорят, что из-за дурной головы ногам покоя нет. Юноша двигался быстрым шагом, почти не обращая внимания на окружающее. В случае нападения среагировать успеет, чувство опасности за последнее время сильно обострилось: от стрел десяти лучников уходит с завязанными глазами.

С утра предстояло отправляться в Нартагаль, Жрица видела сон, что Неизвестная там. В городе Авендар. Островитянку придется брать с собой, без нее никто нужного человека не узнает. Хорошего мало – надо будет присматривать за беспомощной девчонкой, еще не способной ни на что, а значит – резко снижается боеспособность отряда. Переводные талисманы друзьям выдали, одежду тоже. Необходимо будет также спрятать картаги, строя из себя спесивых

дворян королевства.

Два дня люди Ланига дрессировали побратимов, вдалбливая в их головы нартагальские обычай. Единый, да как люди могут жить по таким обычаям и считать их естественными? Дикое какое-то общество. Большая часть населения – безответные рабы, затем прослойка магов, воинов и купцов. Наверху – шесть классов аристократии, владеющие жизнью и смертью всех остальных. Каждое движение, каждое слово диктуется этикетом, нарушение которого влечет за собой смертную казнь вне зависимости от сословия. Разве только представители высшего класса, инары^[7] да священники Единого, могут позволить себе некоторые вольности, но и они избегают ссориться со Смотрящими, стоящими на страже Блага, как называют свой образ жизни нартагальцы.

У рабов нет никакого имущества и никаких прав, хотя их труд лежит в основе благосостояния страны. Однако хороших ремесленников, берегут и платят им очень хорошо, потому что не могут люди из-под палки создать что-нибудь по-настоящему хорошее. Большинство населения Нартагаля живет в страшных условиях. Рабам не позволяют иметь даже семью, спаривая их как животных, по выбору владельцев, чтобы получить нужное потомство. Ничего нет страшнее, чем попасть в рабство к нартагальцам, лучше уж самая мучительная смерть в руках карвенских фанатиков.

Юноша вышел на небольшую площадь неподалеку от центра города, продолжая размышлять о предстоящем. Трудновато придется, но его величество никому не обещал легкой жизни. Горец бросил взгляд влево, и чувство опасности буквально взвыло. Лек рывком перешел на сверхскорость и вырвал картаги из ножен. Поздно. С крыш домов вокруг один за другим соскальзывали люди в черных комбинезонах, окружая горца. Охотники Черного Клана. Высшие охотники. Вот ведь паскудство! Нарвался. Количество воинов Клана все прибывало, вскоре их стало больше ста. Единый Создатель! Со всеми он не справится. Неужели конец? Неужели жизнь вот так нелепо оборвется? А может?.. Да, почему бы не призвать на помощь Тьму, раз уж она избрала Лека своим носителем.

Фонари ярко освещали площадь, посреди которой застыл высокий молодой человек в темно-серой полевой форме горного мастера с двумя мечами в руках. Его окружило множество людей в

черных комбинезонах высших охотников. На первый взгляд безоружных, но так только казалось, свое оружие наемные убийцы умели прятать хорошо.

Вперед вышел коренастый человек и сдернул со своего лица маску. Обычный на вид мужчина средних лет, уроженец севера империи. Только внимательные, умные, цепкие глаза говорили, что их обладатель далеко не так прост, как кажется.

– Лек ар Сантен! – негромко сказал охотник. – Ты окружен. Мы ведем тебя от самых стен города. Давно могли атаковать, но не сделали этого.

– Чего же вы хотите? – глухо спросил юноша.

– До меня дошли слухи, что ты – носитель мечей истинной Тьмы. Проверить в это я не могу, но проверить обязан.

– А если это так?

– Наши отношения перейдут на совсем иной уровень.

– Вот как? – криво усмехнулся горец. – Что ж, вы сами этого хотели!

Лек потянулся к свернувшейся в глубине его души Тьме и позвал ее. Первозданная сила мурлыкнула подобно довольному жизнью коту, открывая свои страшные, бездонные глаза и выпуская когти. Глаза юноши превратились в два провала, ведущие в Бездну. Картаги в руках налились чернотой, от них прынула во все стороны мертвенная, леденящая, жуткая сила, заставившая вздрогнуть всех людей на площади. За спиной молодого горца развернулись полупрозрачные черные крылья. В небе над городом тучи свернулись в воронку и принялись раскручиваться, превращаясь в смерч. Засвистел ветер.

– Приказывай, Повелитель! – Старший охотник опустился на одно колено. – Мы три тысячи лет ждем твоего Пришествия!

Вслед за ним начали опускаться на колени остальные воины Черного Клана, глядя на Лека с неприкрытым восторгом и какой-то затаенной надеждой. Горец откровенно растерялся. Вот уж чего он не ожидал, так этого. Черный Клан признает его, Лека ар Сантена, Повелителем? Что за чушь?

– Не понимаю... – буркнул он. – Чего вам от меня надо?

– Наш клан с этого момента принадлежит тебе! – Охотник склонил голову. – Согласно нашей Хронике, Повелитель будет носителем черных мечей и избранником самой Тьмы.

– Так какого же тогда дorchота вы на меня охотились? – холодно спросил Лек, ничуть не поверив словам наемного убийцы.

– Нас натравили… – почти неслышно ответил тот. – Повелитель, наниматели оскорбили и нас, и тебя, решив убрать Темного нашими руками. Мы отплатим за это оскорблению. Мы принесем тебе их головы.

– Да на кой ляд мне сдались их головы? – поморщился горец. – Мариновать, что ли? Пусть подохнут, этого вполне хватит.

– Как скажешь, Повелитель! Мы исполним любое твое желание, даже если ты прикажешь нам всем умереть. Мы жили только ожиданием тебя. И ты пришел.

– Вот так номер… – озадаченно пробормотал Лек, не представляя, что делать с внезапно свалившейся на голову властью. Тьма посмеивалась в глубине его сознания, явно не собираясь приходить на помощь. Она развлекалась.

– Укажи нам, кто твои враги, и их не станет, – понял растерянность юноши охотник.

– Святоши, кто же еще, – скривился горец. – Архиепископы те же. Скоты поганые!

– Если хочешь, они все умрут до завтрашнего утра.

Юноша хотел было сказать, что очень даже не против, но вспомнил, что может своей самодеятельностью нарушить какую-нибудь комбинацию Марана. Лучше не надо, император будет очень недоволен, и это еще слабо сказано. Посоветоваться для начала нужно. С ним и с Ланигом. Или не надо? Раз все эти люди столько времени ждали появления именно Лека, то ответственность за них лежит тоже на нем. Император может пожелать, чтобы Черного Клана не стало, а кто будет виноват? Лек ар Сантен, никто иной.

Впервые темные предстали перед юношей не безликими убийцами, а живыми людьми со своими обычаями и своей верой. Своей жизнью. Они ведь принадлежат той же силе, что и он сам. Тьме. А Тьма не зло, она всего лишь свобода. Имеет ли он право обрекать на смерть десятки тысяч человек по своей прихоти – не

защищая свою жизнь или жизнь близких, а просто так? Ох, вряд ли. Да и пригодятся они, если честно. Поэтому лучше не торопиться докладывать Марану, а сначала попытаться прощупать его, высказав предположение, что случилось чудо и Черный Клан перешел на сторону империи. И послушать, что скажет по этому поводу император. Только потом можно будет принимать решение. Нельзя предавать тех, кто доверился тебе, даже если эти доверившиеся – наемные убийцы. Почему-то он знал, что охотники не лгут, – наверное, Тьма подсказала, что их вера искренняя.

– Твое имя? – глухо спросил Лек, все еще пребывая в сомнениях.

– Виртен.

– Ранг?

– Далагар.

– Что это значит?

– Я второй человек в клане, – пояснил охотник. – Отец клана – аладар. Затем следует далагар, несущий ответственность за соблюдение обычаев. Следом четверо каргаров, ведущие четырех иратов, клановых сообществ. У нас давняя история и сложные обычаи, Повелитель. Если хочешь, мы можем прислать опытного наставника, он посвятит тебя во все подробности.

– Позже, – отмахнулся Лек. – Известно ли Черному Клану, что я один из Пятерых, предсказанных в древнем пророчестве?

– Теперь известно. Мы не верили... Прости, Повелитель.

– Мои друзья и люди императора с этого дня для клана неприкасаемы, контракты на них принимать запрещаю. – Голос горца приобрел холодный, металлический оттенок. – Все старые контракты отменить, деньги заказчикам вернуть, имена заказчиков сообщить мне. Да, моих побратимов и их учениц защищать, как меня самого.

– Будет исполнено, Повелитель! – Виртен снова склонился до земли.

– Как мне связываться с тобой?

– У меня есть парный амулет, его сила доступна только человеку Тьмы. Он не станет работать даже в руках императора.

– Давай.

Охотник протянул ему выточенный из черного камня небольшой кулон, изображавший легендарного дракона. Ходили слухи, что очень давно эта мудрая раса жила в этом мире, но что-то не поделила с эльфами. После короткой войны драконы, потерявшие многих своих, решили уйти. Так это было или нет – никто не знал, а остроухие предпочитали помалкивать даже тогда, когда еще не скрылись в зачарованном лесу.

Внезапно Леку в голову пришла интересная мысль. Он смотрел на стоящего на коленях Виртена. Юноше стало неловко от такого унижения пожилого человека, мастера боя.

– Встань! – приказал он. – Запрещаю впредь унижаться передо мной или кем-либо другим. Честь дороже жизни!

– И об этом говорилось в Хронике... – Охотник почти незаметно усмехнулся, поднимаясь на ноги. – Теми же словами.

– В смысле?

– «И прикажет Повелитель тебе встать с колен и никогда не унижать себя перед ним, и скажет, что честь всего дороже, а прежде всего – дороже жизни...» – процитировал Виртен.

– Копыто дорхота! – зло выругался Лек, которому до смерти надоело быть живым воплощением всяких там древних сказок. Ну надо же, что ни скажешь или ни сделаешь, а об этом уже где-то написано! И что за паскудство такое?

– Тебя ждет великая судьба, Повелитель. – Виртен улыбнулся его досаде. – Ты будешь стоять рядом с Владыкой Неба и Земли, величайшим из живших когда-либо людей. Так сказано в Хронике.

– Надо бы почитать эту вашу Хронику, – все еще раздраженно буркнул юноша, гася картаги и пряча их в ножны. – Я вот что хотел спросить. У вас в Нартагале люди найдутся?

– Во всем мире, кроме Эльварана, – ответил охотник. – В королевстве наши услуги востребованы, поэтому наши люди есть во всех классах и сословиях.

– Очень хорошо. – Лек удовлетворенно кивнул. – Мне завтра в десять утра понадобится проводник, хорошо знающий город Авендар. И местные обычаи, разумеется. Пусть ждет там у южных ворот. Плюс полдесятка высших охотников для тайной охраны на всякий случай. С нами будет девушка с золотистыми волосами, она

должна выжить в любом случае, защищайте ее всеми доступными способами.

– Все исполню, Повелитель, – наклонил голову далагар. – Проводник сам подойдет к тебе и скажет, что Мать любит своих детей. Так ты его узнаешь. Охотники тоже исполнят свой долг.

– Ладно. – Юноша, еще не успевший освоиться с новой ролью, вздохнул. – Послезавтра вечером жду тебя в кабачке «Жирный гусь» у западных ворот. Вечером, после захода солнца. С переводом Хроники на лаарский. Я должен знать, каких мне еще сюрпризов ждать.

Виртен поклонился в ответ и растворился в темноте. Вскоре на площади не осталось ни одного охотника Черного Клана, ничего не говорило о том, что здесь только что произошло. Лек покачал головой, проклиная судьбу, то и дело подсовывающую ему новые неожиданности, и направился домой. Спать не хотелось, особенно после свалившихся на голову новостей, но завтра рано вставать. Надо попытаться уснуть, иначе утром будет носом клевать.

Лек не знал, что через несколько часов в Ориатских горах, что в Даркасадаре, состоялся еще один разговор. В небольшой комнате с ничем не украшенными каменными стенами сидел у горящего камина глубокий старик с длинными седыми волосами, заплетенными в косу. Он с интересом смотрел на вошедшего, коренастого светловолосого человека.

– Ты знал? – холодно спросил гость. – Да, ты знал. Вижу.

– Знал, – подтвердил старик.

– Почему же?

– Что «почему»?

– Почему ты предал, отец? – Слова давались светловолосому с трудом, в глазах горела тоска, но одновременно и решимость, он явно принял какое-то нелегкое решение.

– Кого я предал? – Брови старика раздраженно взметнулись вверх. – Ни семью, ни клан я не предавал. А до дурацких легенд мне никогда дела не было.

– До легенд мне тоже дела нет. Но Повелитель – не легенда. Я

его видел, я чувствовал его страшную силу. Это что-то невозможное!

– Он уже вошел в полную силу? – Глава клана судорожно сжал кулаки. – Благая Тьма!

– Не знаю, но он несет истинную Тьму. Я видел! И требую объяснений, как далагар клана.

– Что ж, сын, ты их получишь. Я пытался остановить чудовище до того, как оно станет самим собой полностью. Ты не понимаешь, что такое носитель истинной Тьмы. Мы можем молиться Ей и служить Ей, но если Она нисходит в тварный мир... Ничего хорошего от этого ждать не приходится. Никому. Нам – в том числе.

– Понимаю, отец, – криво усмехнулся далагар. – Ничуть не хуже тебя понимаю, ты сам меня учил. Но ты не учел одного обстоятельства. Рядом с Повелителем стоит носитель истинного Света. И они кровные братья.

– Что?! – резко дернулся старик. – У тебя глупые шутки, сын. И жестокие.

– А я и не шутил, – криво усмехнулся тот. – Это на самом деле так. Пророчество Пятерых.

– Эта-то чушь какое отношение имеет к носителю Тьмы?

– Твоя недоверчивость сыграла с тобой злую шутку, отец, – вздохнул далагар. – Ты никогда не относился к Хронике с уважением, всегда полагал правым только себя самого. Тем более – не верил в пророчества. Особенно в чужие. И ошибся. Знаешь, что сказал мне Повелитель?

– Откуда?

– «Встань с колен, честь дороже жизни». Это именно тот Повелитель, которого мы ждали! Я не хуже тебя знаю, что предки уничтожили трех носителей Тьмы, не сказавших этих слов. Но этот сказал. Ты понял?

– Да, – глохо отозвался старик, опуская голову. – Только мне плевать. Мне жаль, что мы не сумели отыскать мальчишку в детстве, когда он вообще ничего не мог. Я знал, что следующий носитель родится где-то на Манхене, я искал его. Не нашел. Жаль.

– Даже сейчас ты не желаешь ничего понимать. – Далагар помрачнел. – Отказываешься принимать реальность. Значит, ты

взвешен и отвергнут. Ты не можешь больше быть аладаром клана.

– А духу-то хватит? – насмешливо оскалился стариk. – Слабак ты, сынок.

– Хватит. Ты меня всегда недооценивал, отец.

– Да ну? – хрюкло рассмеялся глава черного клана. – Буду рад, коли так. Давай, я не стану даже сопротивляться.

Далагар криво усмехнулся и скользнул к креслу. Взял отца за седую голову и несколько мгновений с тоской смотрел в выцветшие глаза. И не увидел там ничего, кроме презрения. Надо же, все еще не понял и не поверил. Зря. Он резким движением свернулся успевшему даже дернуться аладару шею, вступая тем самым на престол. Иным способом высшую должность в Черном Клане не занимали. Когда-нибудь и к нему самому придет его сын. Или внук. За его жизнью придет.

Новый аладар отступил и замер, прощаясь с человеком, которого все-таки когда-то любил. Низко поклонился и вышел. Мертвое тело в кресле продолжало насмешливо улыбаться.

9. Дорога без имени

Каменная дорога приближалась к городу. Хотя до полудня было еще далеко, множество людей стремилось до начала дневной молитвы попасть в Авендар, а то ведь не оправдаешься потом перед святыми отцами, плетьми накажут за нерадение о своем спасении. Десятки повозок, управляемых рабами с клеймами на щеках, двигались к воротам. Множество пеших тоже желали попасть внутрь крепостных стен, надеясь успеть до молитвы.

Ремесленники несли сделанное ими управляющим своих господ, опасливо поглядывая по сторонам. Не дай Единый не уступить вовремя дороги свободному, проблем потом не оберешься. На месте кнутом угостят. Да и стражники недалеко, могут вообще оттащить к городской стене, возле которой корчились на острых железных кольях несколько серьезно провинившихся рабов. Впрочем, без согласия господина казнить, конечно, не решатся, никому не захочется платить виру за порчу чужого имущества, но накажут весьма ощутимо. Если позади слышался стук копыт, люди отходили на обочину. Даже свободные. Верхом могут ехать только аристократы, а иметь с ними дело себе дороже, растопчут и не заметят. А коли еще и их внимание к себе привлечь, так совсем плохо будет. Развлекались высокородные обычно самым жестоким образом.

Потому-то люди с такой скоростью и бросались прочь с дороги при виде небольшого конного отряда. Молодые господа, ничего не может быть хуже, нет более жестоких тварей, чем они. Тем более инар со свитой – самый высший аристократический ранг в королевстве, инарам даже священники Единого кланялись. Сопровождали ярко-рыжего, разодетого в шелка молодого владельца четыре касорга,^[8] не старше его самого, и рабыня в полупрозрачных одеяниях. Из касоргов выделялся смуглый юноша с огромным носом, совсем не похожий на уроженца королевства. Наверное, признанный бастард от рабыни. Остальные трое имели самый обычный вид. Скорее всего, родом откуда-то с южного побережья.

Рабы и свободные стремились побыстрее уступить аристократам дорогу, чтобы не нарваться на пинок или удар плетью, вон в руках у

каждого какой арапник страшный. А то и конским копытом достанется, вообще калекой остьаться можно после эдакого-то угощения. Ну их к дорхоту, этих молодых господ!

Санти ехал с высокомерной гримаской на лице, про себя поражаясь окружающей его беспросветной нищете. Такого в империи не встретишь, как ни ищи, в Элиане люди от голода не умирали. Зато здесь живые скелеты лежали прямо на обочине дороги, с тоской глядя на проходящих мимо и зная, что никто и ничего им не подаст. Никто не поможет. Никто не протянет руку. Так называемые ненужные господину рабы. Их просто бросили умирать, перебив ноги и руки – не то воровать пойдут, а то и грабить.

Юноше больно было видеть, как два ремесленника с удобством устроились на обочине неподалеку от умирающих, с аппетитом поедая что-то и не обращая внимания на несчастных. Что за дикость? Как можно так относиться к людям? Живым еще людям! Зачем тогда нартагальцы все время охотятся за рабами, если потом бросают их вот так умирать? Обычай? Нет, господа хорошие, самые обычные равнодушные и жестокость. Нельзя так жить.

Ворота города приближались. Из-за стен виднелись непривычно выглядящие, покрытые бронзовыми листами крыши домов. В королевстве избегали прямых линий и углов, считая их дорогой к Владыке Бездны, поэтому даже стены обязательно делали выпуклыми или вогнутыми, плоскую поверхность в нартагальском городе найти было нелегко.

Лек всматривался в людей, столпившихся перед воротами, пытаясь найти обещанного далагаром проводника. Юноша еще не свыкся с мыслью, что он теперь Повелитель Черного Клана, слишком неожиданным оказался такой поворот.

Толпа поспешило расступилась перед молодыми господами, пропуская их к воротам. Стражники, увидев впереди сиятельного инара, вытянулись во фронт и раздвинули алебарды. Им и в головы не пришло требовать у высокопоставленного аристократа пошлину или какие-нибудь бумаги. Юнец пальцами щелкнет – и ты без головы останешься. Пусть себе побыстрее проезжает.

Поняв опасения служивых, Санти криво усмехнулся и тронул поводья. Не успели копыта лошадей ступить на мостовую города, как к Леку подъехал верхом еще один стражник. Судя по перевязи –

офицер. Он склонил голову и почти неслышно сказал:

- Мать любит своих детей.
- Вы правы. – Лек улыбнулся, довольный, что далагар сдержал слово. – И защищает.
- Жду ваших приказов, Повелитель.
- Это еще кто? – подъехал ближе Санти.
- Проводник, – ответил горец. – Не нервничай, все в порядке.
- Вы избрали неудачный образ, уважаемый господин. – Стражник поклонился и скомороху. – Здесь почти нет рыжих, а уж среди высших дворян... Разве что сын деора^[9] Наглеатской губернии.
- Говорил же ему, дурню! – скривился Лек. – Ладно, мы ненадолго. Ведь о молодом кё Сите знают только то, что он рыжий? Он ведь домосед?
- Да. И вы решили выдать своего друга за него? – Проводник приподнял брови, оценивающе поглядев на Санти. – Рискованно, но может и сработать. Нартагальцы даже подумать не могут, что у кого-то хватит на это нагости.
- На то и рассчитывали, – улыбнулся горец. – Но я вот что хотел спросить. Где здесь торгуют красивыми рабынями? Нам нужно найти одну девушку.
- Портрет есть?
- Увы. Только приблизительное описание.
- Это хуже, придется раздать немало денег, чтобы выяснить хоть что-нибудь.
- Плевать на деньги, – отмахнулся Лек. – К тому же мы не зря появились здесь именно сегодня. Вполне возможно, что скоро нужную нам рабыню выставят на торги. Вы знаете, где проводятся аукционы?
- В Авендаре проводят много аукционов, – позволил себе почти незаметную усмешку проводник.
- Я имею в виду те, где продают самых красивых и дорогих рабынь для утех.
- Такие обычно устраивают в белом зале торгового дома

«Астean». Часа через два начнется очередной. Однако...

– Что?

– Туда даже инары попадают только по предварительным приглашениям.

– Можно как-нибудь обойти это условие? – нахмурился Лек.

– Увы, – развел руками проводник, потом задумался. – Но можно убрать обладателя приглашения, забрав его себе.

– Смерть инара вызовет переполох. – Горец отрицательно покачал головой. – Я не хочу шума, все должно быть проделано тихо. После того, как девушка окажется в наших руках, можно все, а до того – увы.

– Труп не обнаружат до вашего ухода, – возразил охотник. – Вы же знаете, Повелитель, мы умеем работать тихо.

– Если так, делайте. – Лек пожал плечами, судьба нартагальского рабовладельца юношу ничуть не заботила. – Где вас ждать?

– А вон неплохой трактир, туда часто аристократы заглядывают. Дело много времени не займет, я знаю, где остановился один из инаров, прибывших специально для участия в аукционе.

– Приглашения не именные?

– Нет – золотая пайцза торгового дома. Там, конечно, удивятся, что вместо одного владельца прибыл другой, но особого внимания не обратят, такое довольно часто случается. Только при входе нужно доказать, что платежеспособен.

– Два жемчужных лоана сойдут?

– Одного хватит, чтобы половину этого города купить, – ухмыльнулся проводник, с некоторым удивлением покосившись на Лека.

Было чему удивляться – жемчужным лоаном называли очень редкий и дорогой драгоценный камень. Некоторые из них стоили и по миллиону золотых, иногда больше. Но главным была даже не стоимость, а красота камня, в его переливающуюся жемчужным светом глубину люди могли смотреть часами, их буквально затягивало. Поговаривали, что ношение лоана на груди излечивает от любых, даже самых страшных болезней. За ними охотились, но мало

кому удавалось получить эту драгоценность. А тут вдруг сразу два. Камни, не считая золота, вручил Леку император, приказав денег не жалеть и вытащить Неизвестную любой ценой.

Проводник растворился в толпе, а всадники направились к трактиру «Китовый ус». Ле, одетая в полупрозрачные одежды рабыни для утех, смотрелась на изумление эффектно – золотистые волосы были сколоты в причудливую прическу, вытянутые к вискам глаза горели внутренним светом, идеальная фигура заставляла любого мужчину судорожно сглатывать слону. Многие встречные молодые аристократы тайком бросали на нее похотливые взгляды, а потом завистливо косились на владельца прелестницы. Жрица напрочь отказалась подчиняться приказам кого-либо другого, даже уговоры императора не помогли, вот Санти и пришлось играть роль нартагальского инара. Без Ле поход становился бессмысленным, только она знала, как выглядит Неизвестная.

При виде аристократов владелец трактира вылетел из-за стойки бара и принялся отбивать поклоны, едва не стукаясь лбом об пол.

– Вина дай, – процедил сквозь зубы Санти, брезгливо поджав губы. – Дарвальского. Всем. И смотри мне, пес, если бокалы грязными окажутся, свои кишki жрать будешь. Рабыне – фруктовой воды. Быстро!

Трактирщика как ветром сдуло. К выбранному компанией столу меньше чем через минуту подлетели слуги, застелили белоснежной скатертью, расставили дорогие хрустальные бокалы. Вскоре посреди стола красовалась в серебряном ведерке фигурная бутылка дарвальского розового вина двадцатилетней выдержки, стоившая, как минимум, тридцать золотых. Рыжий придирился к каждой мелочи, бедный трактирщик позеленел от ужаса, полагая, что его прямо сейчас повесят перед дверьми трактира, как поступили неделю назад с владельцем «Журавля», подавшим сиятельным инарам слегка пережаренную рыбу. Скоморох чувствовал себя не в своей тарелке, изводя пожилого человека, но именно так вели себя дома нартагальские аристократы. По привычке они пытались дебоширить даже приезжая в империю, но, получив трепку, сразу становились вежливыми до приторности.

– Лек, а кто это нас у ворот встретил? – подозрительно спросил Энет. – Его величество ничего не говорил по этому поводу...

– Человек, обязанный лично мне, – отмахнулся горец. – Потом расскажу. Пока не время, извини.

– И то, оставь ты наставника в покое, – проворчал Храт, чувствуя себя в человеческом облике не слишком уютно, – император, конечно, постарался на славу, создавая личины орку и эльфу, но им хотелось поскорее закончить этот глупый маскарад. – Делать тебе не фиг.

– Да что я, интересно просто, – смутился граф.

– Вот и сунь свой интерес сам знаешь куда, – раздраженно пробурчал орк. – Забыл, где мы? Нарваться хошь?

– Ты прав, – ответил Энет, однако видно было, что он обижен на резкую отповедь.

Примерно через час в трактир вошел проводник и передал Леку фигурную золотую пластинку. Что стало с ее прежним обладателем, никто не спросил, и так все было ясно.

Опасные посетители бросили недопитым дарвальское вино и покинули трактир, чем потрясли трактирщика до глубины души. Ни разу на его памяти никто не оставлял этот нектар. Видимо, у рыжего инара денег куры не клюют. Счастье еще, что на месте не прирезал, вполне ведь мог... Трактирщик облегченно осенил себя косым крестом Единого и отправился жарить мясо для шумной компании молодых магов из местного Ализиума.

– Вот здесь элитные аукционы и проводятся, – проводник показал на роскошный особняк, выстроенный в имперском стиле. – Допускаются только очень богатые люди, рабы и рабыни на торги выставляются особые, для ценителей. Поскольку один из владельцев торгового дома – сам король, то даже инары не осмеливаются нарушать здесь порядок. Приглашенный имеет право взять с собой до десяти сопровождающих.

– Благодарю за консультацию, – задумчиво покивал Лек, затем обернулся. – Санти, твой выход.

– Играем! – широко улыбнулся скоморох, снова принимая надменный вид.

Не успели всадники приблизиться к ажурным воротам, как сбоку распахнулась калитка, из которой вышли два внушительного вида стражника в золоченых кирасах.

– Что угодно сиятельному инару? – спросил один из них, кланяясь, второй молча сверлил гостей подозрительным взглядом.

Санти протянул ему золотую пайцзу. Стражник внимательно изучил ее.

– Ваше имя, сиятельный?

– Эхе кё Сите.

– Эта пайзца была выдана сияльному инару Ротху кё Пархэ.

– Этот господин изволил проиграть ее мне, – презрительно бросил рыжий. – В кости.

– Сиятельный знаком с нашими правилами?

– Да. Этого достаточно?

Санти отстегнул от пояса кошелек и достал оттуда жемчужный лоан. Глаза стражника расширились, и он нервно слюну – видимо, никогда не видел таких драгоценностей.

– Д-достаточно, сиятельный, – с трудом выдавил он через некоторое время, махнув рукой, чтобы открыли ворота. – Прошу вас. Конюшня слева.

– Сегодня есть что-нибудь интересное? – брезгливо поинтересовался Санти, глядя на стражника, как на навозную муху.

– Как всегда, сиятельный, как всегда. Цель торгового дома «Астеан» – доставить удовольствие благородным дамам и господам.

Больше на стражников Санти внимания не обращал, как и положено инару. Около большой конюшни, выстроенной вплотную к ограде, он спрыгнул на землю, швырнув поводья подбежавшему груму, судя по ошейнику – рабу, но роскошно одетому. Махнув спутникам, скоморох направился ко входу, возле которого его встретили четверо лакеев. Перед ногами сиятельного инара расстелили ковровую дорожку и с поклонами проводили внутрь.

Этим утром в белом зале работоргового дома «Астеан» собрался весь цвет Авендарской губернии Нартагаля, прибыли даже гости из столицы, сиятельные инары кё Рите и кё Доэ, одни из самых богатых людей страны. Богаче них был разве что деор Наглеата Родэ кё Сите, но он вряд ли здесь появится, не интересовался пожилой владетель

рабынями, отдавая свои силы каким-то научным изысканиям, что вызывало у большинства высших аристократов глумливый смех.

Владельцы обещали этим утром выставить на торги особый товар, упускать такой случай не хотелось никому из ценителей женской красоты. Слухи о том, что в воспитательном подразделении торгового дома «Астean» выращивают нескольких необычных красавиц, ходили давно, но точно никто и ничего не знал. Служащие Дома на вопросы не отвечали, а трогать их не рисковали, зная мстительный характер короля: немало сиятельных инаров бесследно исчезло, вызвав его гнев.

Гости неспешно перемещались по залу, переговариваясь друг с другом, смакуя редкие вина, подаваемые вышколенными рабами в золотистых ливреях. Владетель кё Рите подозрительно поглядывал на своего соперника, кё Доэ. Явился все-таки, сволочь. Будет теперь цену перебивать. Ладно, что же делать, за экзотическую рабыню денег не жаль. Кое-каким его приобретениям завидовал сам король, пришлось даже как-то подарить его величеству чернокожую островитянку, хоть и жаль было до слез. Но это король – куда деваться? Странно, что не начинают, все как будто уже здесь.

– Сиятельный инар Эхе кё Сите со свитой! – объявил стоявший возле входа распорядитель торгов. – Сын и наследник деора Наглеата!

В зале воцарилась гробовая тишина. Гости недоуменно переглядывались, не понимая, что случилось. Сын наглеатского затворника вышел в свет? И мало того, появился на торгах? Значит, он не походит характером на отца? О юноше до сих пор известно было только одно – наследник рода кё Сите имеет рыжие волосы, единственный, наверное, из аристократов королевства. В свое время история его отца подняла немалый шум в высшем свете.

Деар лет двадцать назад пошел против всех законов и обычаев, освободив рабыню и женившись на ней. Никто не знал, откуда она родом, эта рыжая красавица, покорившая сердце сиятельного инара. Сын тоже родился с волосами огненного цвета. Одна беда – мать умерла при родах, усилия лучших магов-целителей не привели ни к чему. Горе деора было столь велико, что он заперся в своем поместье, годами не выходя наружу. Провинцией управляли касорги, и, признаешься, управляли отлично, вскоре род кё Сите стал самым богатым в Нартагале. Сам владетель занимался какими-то не

достойными сиятельный инара вещами, рылся в пыльных фолиантах, выписывал из столичного Ализиума молодых нетрадиционно мыслящих магов, все пытаясь чего-то добиться. Чего? Уж не жену ли хотел поднять из мертвых? Кто знает? Соваться в дела деора не смел никто, даже король почему-то предпочитал не трогать правителя Наглеатской губернии. Поговаривали, что сын затворника разделяет интересы отца, но так ли это, никто в точности не знал. И вот молодой рыжий владетель здесь.

В зал быстрым шагом вошел атлетически сложенный юноша довольно высокого роста. Он надменно повел вокруг ярко-зелеными глазами, губы подернула брезгливая гримаска. Шапка курчавых волос буквально пылала огнем, лицо наследника рода кё Сите покрывали веснушки, но, несмотря на это, он был привлекателен. Немногие присутствующие на торгах благородные дамы принялись обмахиваться веерами, бросая томные взгляды на сына самого богатого человека королевства. Какое значение имеет внешность? Да никакого! Деньги – вот что важно. Если удастся выдать за молодого владельца дочь, это станет очень выгодной сделкой. Раз уж молодой Эхе начал появляться в свете, то завлечь его в гости будет нетрудно.

Следом за рыжим юношей в зал проскользнула девушка в полупрозрачных одеждах рабыни для утех. При виде ее ценители, собравшиеся в зале, единодушно выдохнули. Невероятная, потрясающая воображение красавица! Вытянутые к вискам ярко-синие глаза, смуглая кожа, золотистые волосы до пояса, талия, которую можно обхватить ладонями, высокая грудь. Таких женщин нартагальцы еще не видывали, она вызвала в белом зале буквально шок.

Преставив себе возможную цену этой рабыни, владетель кё Рите едва не задохнулся. Не меньше трехсот тысяч золотых, и это минимум! По одному этому стало ясно, что кё Сите безумно богат, что слухи правдивы. А раз наследник деора любит красивых рабынь, то у столичных коллекционеров появился опасный конкурент, юнец способен вдвое переплатить за понравившуюся девчонку, испортив остальным игру. Ну что за невезение?

Последними вошли лейтенант королевской стражи и четыре касорга, выглядящие опасными бойцами. Видимо, телохранители рыжего владельца. Особое опасение гостей вызвал смуглый носатый молодой человек, окинувший зал жестким, оценивающим взглядом.

Все поняли, что перед ними опытный убийца, прошедший подготовку, скорее всего, в Араонской школе боя, выпускники которой вряд ли уступали имперским горным мастерам.

– Приветствую вас, дамы и господа! – Рыжий юноша небрежно поклонился. – До меня дошли слухи, что сегодня здесь интересные торги. Так ли это? Не зря ли я ехал из Наглеата?

– Слухи полностью правдивы, сиятельный инар! – поспешил навстречу новому гостю распорядитель торгов. – Сегодня на продажу будут выставлены особые рабыни.

– Что-нибудь наподобие этой есть? – лениво поинтересовался кё Сите, показывая на свою рабыню. – Хочу хорошую пару ей сыскать, люблю смотреть, как красивые девушки ласкают друг друга.

Золотоволосая рабыня почему-то залилась краской стыда и уставилась на господина с искренним возмущением. Кё Рите удивленно приподнял кустистые брови – еще не выдрессирована как следует? За такой взгляд девчонка плетей заслуживает, как минимум. Юнец ей слишком много позволяет. Владетель облизал мгновенно пересохшие губы, представив, что сам бы сделал с провинившейся красавицей.

– Есть иное, но ничуть не хуже, – поклонился распорядитель. – Столь утонченный ценитель, как вы, сиятельный, должен сам увидеть наш товар. Мы приложили огромные усилия, чтобы удовлетворить самый взыскательный вкус. И...

– Что?

– Если сиятельный пожелает продать эту рабыню, когда она надоест, то мы готовы дать за нее любую цену.

– Пока еще не надоела, – отмахнулся кё Сите. – А там посмотрим. Когда начало торгов?

– Через несколько минут. – Распорядитель снова поклонился, с сожалением покосившись на золотоволосую красавицу.

Новоприбывший принялся раскланиваться с остальными, ничем, кроме необычного цвета волос, не отличаясь от других молодых инаров, собравшихся в зале. Только столичные гости, имевшие немалый опыт подковерных игр, сумели уловить в его глазах тщательно скрываемую ненависть и задались вопросом: за что их ненавидит наследник рода кё Сите? Ответа не нашлось, дорогу деору

Наглеата ни один из них еще не переходил. Странно. Но одно оба пожилых владельца уяснили сразу – перед ними враг. Враг страшный и беспощадный.

Что-то во всем этом было явно подозрительное, не должен ненавидеть незнакомых людей восемнадцатилетний юноша. Или отец воспитал его таким? От мятежного инара, отказывающегося иметь рабов, можно ждать чего угодно. А хуже всего, что молодой кё Сите имеет все права на престол Нартагаля. Сын нынешнего короля рос очень слабым и болезненным, и если он, не дай Единый, умрет, корона перейдет именно к Эхе кё Сите...

В углу застыл черноволосый молодой инар, глядевший на рыжего владельца с немым изумлением. Ощущение было таким, что он просто не верит своим глазам и ушам. Санти настороженно скользнул по нему взглядом, сразу отметив повышенное внимание к себе. Неприятно, если этот юнец знает Эхе кё Сите в лицо – придется уходить с боем, что нежелательно, император просил провернуть изъятие рабыни без шума. Что ж, будет только то, что будет. Тревоги молодой инар не поднимает, а остальное неважно.

– Торговый дом «Астеан» приветствует сиятельных ине^[10] и ино! – вышел на подиум распорядитель торгов. – Сегодня мы представляем вашему вниманию новую коллекцию хорошо воспитанных рабынь редкостной красоты. Надеемся, что вы по достоинству оцените наши усилия!

Заиграла флейта, и на подиум начали подниматься закутанные в полупрозрачные одеяния женские фигуры. Рабыни выходили из одной двери, скользили мимо негромко загудевших гостей и скрывались в другой.

– Итак, лот номер один! – провозгласил распорядитель, взяв за руку девушку, оставшуюся на подиуме. – Перед вами имперская аристократка древнего рода с Яриндарского полуострова! Посмотрите на нее, ине и ино, разве она не красива?

Рабыня медленно приспустила вуаль. На собравшихся с точеного лица взглянули огромные голубые глаза. Белокурые волосы были заплетены в косу. Девушка смотрела на гостей обреченно, понимая, что для всех этих господ она не более чем игрушка, которую можно сломать и выбросить.

Санти вопросительно покосился на Ле. Жрица отрицательно

покачала головой. Не та, увы. Скомороху до ломоты в зубах хотелось освободить всех этих несчастных девушки, но он понимал, что пока не может. Пока! Дождитесь вы расплаты, господа рабовладельцы, за все разом ответите. Гнев Санти стал холодным и расчетливым. Он с презрительной ухмылкой наблюдал, как рабыню ощупывали, осматривали, заставили раздеться догола. Бедняжка покрылась краской стыда, но не посмела ослушаться приказа. Продали ее за сто пятьдесят тысяч золотых.

Одна за другой на подиум выходили красивые девушки, ошеломляющие красивые, распорядитель не солгал. И какие же они были разные. Чернокожие, желтокожие и краснокожие. Блондинки, шатенки и брюнетки. Смуглые и белокожие. Но Неизвестной среди них не оказалось, Жрица не среагировала ни на одну. Торги уже заканчивались, когда она внезапно насторожилась и ткнула Санти пальцем в бок.

На подиум вывели скромно выглядящую по сравнению с остальными шатенку. Карие, беззащитные глаза взирали на мир с немым укором, как бы вопрошая у него: «Почему ты так жесток? Что я тебе сделала?» Была в этой рабыне какая-то тайная прелесть, чем-то необычным она притягивала к себе, причем настолько сильно, что скоморох вздрогнул. Вот ты, значит, какая? Тяжело Леку придется с новой ученицей, рабскую психологию переломить сложно, а девочка, судя по объявлению распорядителя, рабыня в шестом поколении.

Горец тоже смотрел на Неизвестную. Что-то в ней есть очень странное... Лек всмотрелся в ауру рабыни и вздрогнул, поняв, что она изначально принадлежит Тьме, только еще не осознает этого. Карие глаза девушки то и дело темнели, в них появлялась жесткость и даже жестокость. Он наклонился к проводнику и тихо шепнул:

- Видите?
- Что? – так же тихо спросил тот.
- Эта девочка, как и я сам, носительница Тьмы.

Глаза охотника черного клана расширились, он недоверчиво покосился на Лека и перевел взгляд на рабыню, по-особому расфокусировав его. Некоторое время вглядывался, затем поежился.

- Вы правы, Повелитель... Так это за ней вы пришли?
- Да.

– Ясно. Если бы мы знали, девушка давно была бы свободна.

– Или мертва.

– Тоже вполне вероятно, – не мог не согласиться проводник. – Что вы намереваетесь делать?

– Шум нам не нужен, постараемся купить, – поморщился Лек. – Но если не получится, освободим девочку даже силой.

– Если придется, дайте сигнал. На территории поместья сейчас около двадцати высших охотников клана. Мы поможем. Только придется убирать здесь всех, огласки нам не нужно.

– Благодарю, постараемся избежать конфликта, нам тоже не слишком хочется светиться.

Обнаженная рабыня молча стояла на подиуме, глядя почему-то только на молодого инара, вызвавшего настороженность у Санти. Тот тоже не отводил взгляда от шатенки, сжатые в кулаки руки юноши подрагивали. Но отметили это только элианцы, привыкшие замечать все. Распорядитель торгов тем временем продолжал расхваливать товар. И красавица перед гостями, и умница, и выдрессирована отлично, знает самые экзотические способы удовлетворения господина или госпожи. И танцевать умеет, и на арфе играть, и баллад множество знает.

– Начальная цена – сто тысяч золотых, – заявил он наконец.

– Беру! – поднял руку кё Доэ.

– Сто двадцать! – без промедления заявил из своего угла странный юноша.

В глазах рабыни при звуках его голоса на мгновение мелькнули радость и надежда. Столичный гость презрительно покосился на наглеца, посмевшего мешать ему. Судя по одежде, представитель небольшого и вряд ли богатого дома. Как он вообще здесь оказался, интересно? Ладно, не страшно, сдаваться кё Доэ пока не собирался.

– Сто сорок! – вмешался в торги второй владетель.

И эта сволочь туда же! Кё Доэ едва не зашипал от ярости, но тоже поднял цену. Однако, когда она перевалила за двести тысяч, отступил, не собираясь платить такие деньги за непримечательную шатенку, тем более – местную уроженку. Красива, но ничего особенного. Вот за золоволосую рабыню сына наглеатского деора он

отдал бы и полмиллиона, да жаль – та не продается. Кё Рите и неизвестный юноша продолжали набавлять, пока цена не поднялась до трехсот пятидесяти тысяч. После этого столичный гость с искренним недоумением развел руками и прекратил торговаться.

– Четыреста! – негромко сказал Санти.

По лицу рабыни пробежала тень, юноша в углу закусил губу, взглянув на скомороха с откровенной ненавистью. Но не отступил, снова став набавлять, правда, не больше, чем по пять тысяч. Он весь дрожал, то и дело сжимая кулаки и откровенно волнуясь. Девушка на подиуме смотрела на него с отчаянной надеждой, закусив губу и едва не плача.

Лек переглянулся с Санти. Что-то непонятное здесь происходит. Кто послал этого юнца? Кто-то тоже знает, что представляет собой непримечательная рабыня, и решил сыграть свою партию? Ничего у вас не выйдет, господа хорошие. Даже если силой попытаетесь отбить девушку, то вряд ли что-нибудь сможете сделать против пяти горных мастеров и двадцати высших охотников Черного Клана. Или здесь другое? Лек снова всмотрелся в незнакомца. Если бы это не было невозможным, то горец сказал бы, что странный юноша влюблен до потери разума. Но... нартагальский инар влюблен в рабыню? Такого не случалось почти никогда, а значит, во внимание принимать этот вариант не стоит.

– Полмиллиона! – в отчаянии выкрикнул юноша и замер.

– Ох, как мне надоел этот спор... – лениво протянул Санти. – Один жемчужный лоан!

Он подошел к подиуму, достал из кошеля драгоценный камень и протянул распорядителю торгов. Тот, изумленно приоткрыл рот, принял его и недоверчиво уставился на сверкающее чудо в своей руке.

– Но стоимость этого камня полтора миллиона, как минимум, сиятельный... – с трудом выдавил он наконец. – Вы...

– Не имеет значения, – скучающе отмахнулся Санти. – Мне нравится эта рабыня, и я ее получу!

– Конечно, сиятельный! – низко поклонился распорядитель и повернулся к застывшему в углу юноше. – Вы можете предложить больше?

– Нет... – глухо ответил тот и пошатнулся, на него страшно было смотреть – лицо белое до синевы, губа прокущена насеквоздь, по подбородку стекает струйка крови.

Рабыня на подиуме вздрогнула, по ее щекам протянулись мокрые дорожки, из глаз взглянуло отчаяние. Она зажмурилась, что-то неслышно шепча, наверное молилась.

Лек тихо выругался про себя. Все-таки любовь. Каким же образом инар с рабыней могли полюбить друг друга? Как они вообще встретились?! Что-то в этом было очень странное. Но император приказал доставить Неизвестную любой ценой, значит, ничего поделать нельзя, любовь там или не любовь. Представив себя на месте несчастного парня, представив, что это Элиа на его глазах продали кому-то другому, горец поежился. Кошмар! Но девочка в империи свободной станет, по крайней мере. Беда, что она вполне может возненавидеть освободителей, если любит по-настоящему. Будь оно все проклято! И почему обязательно должны возникать такие сложности? Казалось бы, простое дело. Приехать, купить рабыню, уйти. Так нет же. Что ж, забирать девушку все равно нужно, даже если ради этого придется убить влюбленного парня.

– Продано! – провозгласил распорядитель торгов, с восторгом глядя на Санти, брезгливо поджавшего губы. – На сегодня торги закончены, сиятельные ине и ино! Искренне благодарны вам за участие! Следующие состоятся через четыре луны. Мы предложим вашему вниманию партию красивых детей из империи.

Пока оформляли документы, скоморох раскланивался с остальными гостями – не хотелось вызывать ненужных подозрений. И так разговоров об инаре, отдавшем за самую обычную рабыню жемчужный лоан, будет предостаточно. Лек поискал взглядом влюбленного, но не нашел, тот куда-то исчез. Жаль парня, но что делать, долг есть долг. Он покосился на рабыню, на шею которой надели ошейник с выгравированным тут же именем владельца. Девушка выглядела мертвой, казалось, ее вообще ничто больше не интересует. Горец сочувственно вздохнул и взял в руку поводок, пристегнутый к ошейнику бедняжки. Касорги всегда отвечали за имущество своего сюзерена, вот и придется играть эту гнусную роль. Ничего, совсем недолго, только выбраться за город, найти безлюдное место, и можно отправляться домой. А там с девочки быстро снимут ошейник и объяснят, что отныне она свободна и никогда больше не

будет рабыней.

Запасную лошадь захватили с собой, не пришлось срочно покупать. Ездить верхом рабынь для утех обучали – мало ли что взбредет в голову сиятельному инару, от капризных аристократов всего можно ожидать. Поэтому девушка сидела в седле довольно уверенно. За время, прошедшее с момента ее продажи, она не сказала ни слова, молча подчиняясь приказам. Только во взглядах, изредка бросаемых на Санти, то и дело проскальзывала ненависть. И обреченнность. Жрица попыталась сказать ей что-то ободряющее, но Неизвестная сделала вид, что не слышит.

Кавалькада не спеша ехала к воротам. Горец попросил проводника идти с ними до самого портала, на что тот молча поклонился. Откровенно говоря, Лек не понимал самого себя. Почему он так сделал? Ради прикрытия? Юноша и сам не знал, но предчувствие неприятностей не давало покоя. Что-то должно случиться, своей интуиции Лек всегда доверял, да и император со старшими мастерами учили тому же.

Слава тебе, Единый, ворота! Кавалькада вырвалась из города и с места взяла в галоп, распугивая пеших путников, которых после полудня было совсем немного. На всякий случай Лек усадил купленную рабыню перед собой, а то еще упадет. Девочка в таком состоянии, что вполне способна попытаться покончить с собой, с нее станется. Допускать этого горец не собирался, лучше заранее принять меры. Скоро она сама поймет – не здесь же все объяснять?

В десятке верст от Авендара отряд свернул на лесную дорогу, углубляясь в чащу. Сидевшая перед Леком девушка с недоумением и страхом оглянулась, пытаясь понять, что происходит. Почему новый господин везет ее в лес? Среди рабынь ходили страшные слухи о любителях жестоких развлечений, покупавших дорогих рабынь только для того, чтобы замучить. Порой на полянах неподалеку от города и в самом деле находили изодранные в клочья тела в остатках полупрозрачных одежд. Неужели она попала к таким? Неужели можно отдать полтора миллиона только ради того, чтобы кого-то замучить?

Девушка так обрадовалась, когда появился инар, которого она полюбила. Случайно полюбила, с первого взгляда, да и он тоже смотрел только на нее при первой встрече в воспитательном доме. Неизвестно, сколько заплатил юноша воспитателю, чтобы тот

позволил поговорить с не проданной еще рабыней, наверное немало, но разговор состоялся. Молодой владетель клялся, что купит пришедшуюся ему по сердцу девушку, говорил, что сам сын рабыни, что освободит ее и женится. А она не слышала клятв и обещаний, только смотрела на не слишком красивого парня, с каждым мгновением все глубже проваливаясь в его зеленые глаза и понимая только одно – навсегда. Это навсегда, больше ей никто не нужен. И не будет нужен!

С тех пор рабыня жила только безумной надеждой на то, что любимый придет и купит ее. Пусть оставит рабыней, пусть, лишь бы быть с ним. И он пришел, вот только купить не смог. Полтора миллиона! Единый! Да когда это бывало, чтобы обычную рабыню продали за такие дикие деньги? В их воспитательном доме, по крайней мере, – никогда. А с ней вот случилось. Счастье такое, будь оно проклято. Девушка закусила губу и больше не смотрела, куда ее везут. Какая разница? Пусть мучат, раз им так хочется. Когда-нибудь домучат, и настанет благословенное небытие. С любимым ей уже не встретиться, а больше ничего значения не имеет. Тем более ее ничтожная жизнь. Надежда умерла, в душе стало пусто. И очень холодно.

– Повелитель, нас преследуют, – подъехал к Леку проводник. – Один всадник. Прикажете убрать?

– Не надо, – отрицательно покачал головой горец. – Я, похоже, знаю, кто это.

– Ты о чем? – недоуменно спросил Санти, не слышавший слов охотника.

– Гонится за нами один сумасшедший... – проворчал Лек. – Лучше подождем, а то он еще во время открытия портала нагонит. Этого нам только не хватало!

– Кто гонится? – изумился Энет.

– Да парень, с которым наш рыжий торговался, больше некому.

– Щас прибью, чо за проблема? – довольно потер руки Храт, поворачивая лошадь.

– Тихо ты! – скривился Лек. – Успокойся. Стойте и ждите, сам говорить буду. Ясно?

– Хорошо, наставник, – растерянно ответили все четверо, не

понимая, что это нашло на горца.

Рабыня удивленно смотрела на них. Инар подчиняется касоргу? Это как? Разве такое бывает? Какие-то они странные, эти молодые господа... Да и офицер стражи почему-то назвал носатого Повелителем. Остальные зовут наставником. Ой, похоже, они не те, за кого себя выдают... Похоже, влипла по-настоящему...

На поляну, где остановился отряд, выметнулся взмыленный конь вороной масти, хороший конь тиланской породы. На нем сидел юноша, торговавшийся с Санти за рабыню. На его лице застыло отчаяние, глаза походили на темные провалы. При виде ожидающих всадников он резко осадил коня и спрыгнул на траву, схватившись за рукоять меча. Лек удивленно пожал плечами. Совсем обезумел? Это же додуматься надо было – в одиночку погнаться за хорошо вооруженным отрядом.

– Кто ты такой?! – резко спросил незнакомец у Санти. – Да кто ты вообще такой, сволочь?!

– Тебе-то что? – удивился скоморох.

– Ты украл мое имя, ты украл мою любимую! Откуда ты взялся, будь ты проклят?!

Лек присвистнул. Значит, этот парень – настоящий Эхе кё Сите? Но тот ведь рыжий! Это известно в Нартагале каждому.

– Да пошел ты, придурок! – возмутился Санти.

– Стоп! – Лек спрыгнул на землю. – Рыжий, уши надеру. Я сам буду говорить. Уяснил?

– Как скажешь, – недоуменно пожал плечами скоморох. – Сижу, молчу, никого не трогаю.

– Вот и сиди, – отмахнулся горец, поворачиваясь к удивленному наглостью касорга нартагальцу. – Так вы Эхе кё Сите? Чем докажете? У ваших волос совсем другой цвет.

– Краска, – глухо сказал юноша. – Я путешествовал инкогнито, не хотел привлекать к себе внимания короля, он спит и видит, как бы от меня избавиться. А доказать? Вот!

Он протянул Леку свернутый в трубку пергамент, ощущив какой-то частью сознания ауру власти, исходящую от носатого молодого человека. Горец прочел пергамент и кивнул. Документ, заверенный

печатью наглеатского деора, утверждал, что его податель – наследник рода кё Сите.

– Я мог натравить на вас стражу! – выкрикнул юноша, явно сожалея, что не сделал этого. От отчаяния он бросился в погоню, даже не взяв своих касоргов.

– Это вам не помогло бы, – холодно сказал Лек, сворачивая пергамент. – Вы живы до сих пор только потому, что я понял – вы ее любите.

Он кивнул в сторону застывшей на спине лошади рабыни. Девушка не отрывала обреченного взгляда от лица Эхе и плакала, не вытирая слез.

– Разве это имеет какое-нибудь значение? – недоверчиво спросил нартагалец.

– Для меня – имеет, – вздохнул горец. – Я сам был на вашем месте и вполне способен представить ваши чувства. Мне жаль вас, но я обязан исполнить приказ и доставить эту девушку кое-куда. Поэтому езжайте-ка своей дорогой, господин кё Сите. Езжайте и забудьте ее. Так будет лучше и для вас, и для нее.

– Лучше убейте меня... Мне без нее не жить.

– Да как могло случиться, что инар полюбил рабыню?! – не выдержал Санти.

– Как? – Эхе горько усмехнулся, опустив голову.

Он немного помолчал и начал рассказывать. Наследник рода кё Сите рос в огромном пустом доме, в котором даже слуг было – раз-два и обчелся. Рабов деор не держал, дав слово жене перед ее смертью. Отец не любил сына, в глубине души считая его виновным в смерти матери, и редко уделял внимание наследнику имени. Однако следил, чтобы юный Эхе получил необходимое его положению образование, нанимая лучших учителей. Игратъ мальчику было не с кем, детей слуг не допускали к наследнику имени рода и второму наследнику престола королевства. Оставались только книги, из дома отец выпускал сына редко. А сам занимался какими-то бесконечными изысканиями, связанными с некромантией.

Вокруг деора постоянно крутились десятки шарлатанов, суливших золотые горы, но не способных выполнить ни одного из своих обещаний. Эхе презирал эту породу людей всей душой, сразу

понимая их суть и удивляясь, что отец сам не понимает ее. Но раскрывать деору глаза перестал после первой же попытки – мальчика на неделю заперли в старой пыльной библиотеке. Именно тогда он и пристрастился к чтению, полностью погрузившись в выдуманный мир.

Все изменилось после достижения Эхе совершеннолетия. Деор Наглеата отпустил сына в большую жизнь, подарив ему четверть своих бесчисленных поместий и выделив вполне достаточные средства. Юноша с радостью поселился отдельно, родной дом вызывал у него холодную дрожь. Однако разгульный образ жизни большинства молодых инаров, думающих только об удовольствиях, наследнику кё Сите по душе не пришелся. Ведь Эхе вырос на книжных идеалах любви, чести и благородства, его тошило от бездумной жестокости сверстников, способных ради развлечения травить собаками рабов, не говоря уже об обращении с рабынями для утех.

Долго усидеть дома Эхе не смог, большой мир лежал у порога и манил. Выбравшись в Наглеат, юноша столкнулся с раболепием всех вокруг – рыжий инар в Нартагале был только один – он сам, и люди легко узнавали сына своего господина. Кроме того, на юношу за три дня совершили несколько покушений, предотвращенных охраной, лично отобрannой отцом из своих касоргов и вардатов, прошедших подготовку в лучших боевых школах страны.

Деор объяснил перепуганному сыну, в панике примчавшемуся в родовое поместье, что он является не только наследником рода кё Сите, но и вторым наследником престола Нартагаля. И что семья короля этим крайне недовольна, не желая упускать власть из своих рук. Единственный сын короля очень слаб, постоянно болеет и, скорее всего, долго не проживет. В этом случае корона должна перейти к Эхе, если его своевременно не уберут. Третьим наследником был дядя короля, и он сделает все, чтобы расчистить себе дорогу к престолу. Отец посоветовал ошаращенному такими новостями сыну не покидать хорошо охраняемого поместья, куда наемные убийцы доступа не имеют – защиту строили высшие маги столичного Ализиума. Однако вскоре Эхе снова стало скучно. Он немного подумал и нашел выход – выпрявил с помощью верных касоргов документы провинциального инара из не слишком богатых, взял двадцать лучших охранников, перекрасил волосы в черный цвет и отправился путешествовать инкогнито.

– Но мне все еще неясно, где вы встретили девушку.

– Понимаете, по прибытии в любой крупный город инары, особенно молодые, обычно посещают элитные воспитательные дома для рабынь, присматривая себе новые игрушки, – вздохнул юноша. – Если этого не сделать, можно вызвать подозрение у касоргов короля. Вот я и пошел туда, когда приехал в Авендар, думая побыстрее избавиться, никогда не любил на это смотреть...

– Почему?

– А вы знаете, как над этими бедными девочками в воспитательных домах издеваются? – горько спросил Эхе. – Вряд ли...

Да, над юными рабынями действительно издевались страшно, проводя дрессировку очень жестко, наказывая за малейшее неповинование так, чтобы после продажи воспитаннице и в голову не пришло прекословить господину, не говоря уже о том, чтобы послушаться. Эхе шел мимо комнат и залов, в которых девочек и девушек обучали экзотическим способам доставлять наслаждение мужчинам и женщинам, чтению, декламации стихов, игре на арфе, утонченной беседе и многому другому. Видел, как наказывали учениц. Юноше было противно, порядки в родной стране с каждым днем все больше не нравились ему.

Внезапно Эхе показалось, что его ударили. Инар обернулся и встретился с потрясенным взглядом юной рабыни лет шестнадцати, вряд ли больше. Девушка смотрела на него, как смотрят, наверное, на божество. Да Эхе и сам сразу утонул в ее карих глазах. Он не слушал объяснений воспитателя, продолжая пить взглядом прелесть невысокой милой шатенки. Сколько это продолжалось? Юноша не знал, да это и не имело значения. Перед ним стояла та самая, единственная, любимая, желанная. Он читал, что так изредка случается, что люди порой с первого взгляда все понимают, но не думал, что такое произойдет с ним. Как удалось уговорить воспитателя разрешить поговорить с девушкой наедине, Эхе не помнил, легко согласившись уплатить за это двадцать тысяч и дать слово, что рабыня останется нетронутой. Что они говорили друг другу? О том не знал никто, да никому и не нужно было этого знать.

С того дня у Эхе кё Сите была только одна цель – собрать достаточно денег для покупки девушки. Подкупленный воспитатель

сообщил, когда ее выставляют на торги, и обеспечил приглашение для молодого инара. Похоже, такое иногда случалось, вот воспитатели и не упускали случая заработать на внезапно вспыхнувшей страсти. Юноша заложил поместья, подаренные отцом, кроме одного, самого защищенного, продал драгоценности матери и половину земли. За все вместе Эхе выручил чуть больше полумиллиона золотых и был уверен, что никто не перебьет его цену, никому не захочется платить больше за местную уроженку. Пусть как следует воспитанную, холеную и красивую, но местную. Таких никогда еще не продавали больше, чем за триста тысяч.

Однако на торгах внезапно появился рыжий инар, назвавшийся его собственным именем! Эхе онемел от возмущения, но делать было нечего, не это сейчас главное – главное выкупить ту, что дороже жизни. Только самозванец и здесь перешел дорогу, отдав за непримечательную рабыню жемчужный лоан стоимостью в полтора миллиона. Эхе был в таком шоке, что вышел из торгового дома, сел на коня и поехал куда глаза глядят, напрочь забыв о касоргах, ожидающих его в гостинице. У ворот города увидел выезжавшую кавалькаду. Мимо мелькнуло лицо потерянной навсегда любимой, и он, забыв обо всем, рванулся в погоню.

– Ясно... – тяжело вздохнул Лек, досадливо поморщившись.

И что теперь с этим влюбленным мальчишкой делать? Убивать не за что, да и жалко.

– Простите, Повелитель, – подошел к горцу охотник. – Мы вынуждены будем убрать свидетеля, он меня видел, рисковать своим прикрытием я права не имею.

– Господин! – птицей слетела с лошади рабыня, падая перед Леком на колени.

Она уже поняла, что здесь все решает этот смуглый носатый касорг, а вовсе не рыжий инар. Отчаяние билось в душе девушки, в горле стоял комок, сердце бешено колотилось. А услышав слова офицера стражи, она едва не сошла с ума и не сдержалась. Накажут? Да какая разница! Разве может быть страшнее наказание, чем смерть единственного дорогого человека у тебя на глазах?! Пусть потом хоть на куски режут! Хоть на кол сажают!

– Господин... – повторила девушка. – Умоляю вас... Не надо... Не убивайте его... Я... Я все для вас сделаю! Все! А если...

Она сжала кулачки, глаза стали похожи на провалы. Потом выдохнула:

– Если вы его убьете, я с собой покончу! Я сумею!

– Так... – тяжело вздохнул Лек. – Здесь еще и взаимно...

Он задумался, пытаясь решить, что делать дальше. Но прежде всего, необходимо остановить черный клан. Юноша повернулся к охотнику и сказал:

– Вы видели, кто эта девушка.

– Да, – кивнул тот.

– Мы не можем позволить себе ее потерять, поэтому запрещаю трогать парня. Не только запрещаю, но и прошу.

– Хорошо, Повелитель. Мы его не тронем. Но...

– Я заберу его с собой, – поморщился Лек. – И позабочусь, чтобы не болтал лишнего.

– Хорошо.

Горец повернулся к молодому инару и замер. Стоящая на коленях рабыня протянула руку и коснулась пальцами щеки тоже опустившегося на колени Эхе. Столько нежности, столько нерастраченной любви было в этом жесте, что Лек вздрогнул. Нартагалец осторожно погладил пальцы девушки, не сдержав слез. Они смотрели в глаза друг другу и прощаались, навсегда прощаались, горец понял это сразу. Ему вдруг показалось, что это он стоит на коленях, а перед ним Элиа, согласившаяся ради его спасения служить игрушкой пресыщенным и развратным подонкам. Нет, этих двоих нельзя разлучать, здесь что-то большее, чем просто любовь, возможно, тоже любовь-судьба.

– Готов ли ты, Эхе кё Сите, оставить ради любви за спиной всю свою прежнюю жизнь? – глухо спросил горец. – Учи, придется стать никем и ничем, всего добиваться самому. Тебе придется доказать, что ты достоин любви этой девочки!

– Я на все готов! – Глаза инара загорелись безумной надеждой. – Что я должен делать?

– Узнаешь. – У Лека дернулась щека. – Ничего недостойного я тебе не предложу. Теперь ты, девочка. Скоро ты узнаешь много

необычного и даже невероятного. Мы тебя не купили, а выкупили. Как только твоя нога ступит на землю империи, ты станешь свободной и сама будешь выбирать, кого любить, а кого ненавидеть! Одно только тебе придется сделать обязательно – стать ученицей горного мастера. Моей ученицей!

– Так вы элианцы?! – задохнулся от неожиданности Эхе.

– Да. Это что-нибудь меняет?

– Нет, мне плевать на войну! Ради чего воевать? Ради новых рабов?! Не хочу!

– Тебе, вижу, не слишком нравятся порядки на родине? – прищурился Лек.

– Не нравятся. Только поделать я ничего не могу. Если бы я стал королем, то все изменил бы. Но это невозможно.

– Невозможно? – Лек задумчиво приподнял бровь, восхищенный пришедшей в голову безумной идеей, затем бросил вопросительный взгляд на ухмыляющегося Энета, и тот согласно кивнул, сам подумав о том же. – Все возможно. Но об этом не сейчас. Санти, открывай портал!

Скоморох трижды нажал на камень одного из своих перстней. Повеяло холодом, потемнело, и в воздухе появилась туманная дымка. Рыжий первым въехал в нее и исчез.

– Если не передумал, иди, – кивнул на дымку Лек.

Эхе, никогда еще не сталкивавшийся с серьезной магией, вздрогнул, но пересилил себя и встал. Он снова погладил пальцы рабыни, во все глаза смотревшей на него, и решительно скрылся в тумане. Вскоре на поляне остались только Лек, девушка и проводник.

– Как тебя зовут, девочка? – спросил горец.

– Как пожелаете, господин... – глухо ответила не поверившая словам о свободе рабыня. – Воспитанницам запрещают иметь имена и прозвища, чтобы господин мог дать им те, которые ему нравятся. Меня называли по номеру, шестой.

Как же все взаимосвязано... Лек нервно поежился. Не только в приюте она шестая. Согласно пророчеству – тоже. Впрочем, не о том думает. Он взял девушку за руку, помог встать и повел к порталу, коротко попрощавшись с проводником и поблагодарив за помощь.

Тот поклонился в ответ.

Знакомо мигнуло в глазах, и горец оказался на плацу возле тарсиадских казарм. Последней из тумана выскочила лошадь Лека, давно привыкшая к такому способу перемещения, и портал схлопнулся. Возле ближайшей посыпанной гравием дорожки столпились остальные. Орк с эльфом успели снять личины и наслаждались потрясенной физиономией нартагальца. Перед ними в нетерпении прохаживался мастер Кертал и глухо ругался.

– Так, все в сборе, слава Единому! – выдохнул он, заметив Лека с девушкой. – Привели, вижу? Хорошо, быстро посвящаем девочку, потом галопом – переодеваться, и на выход. Император ждет!

– У нас тут сложности некоторые... – неуверенно сказал горец. – Мы еще и парня привели...

– В задницу твои сложности! – разъяренно рявкнул Кертал. – Потом, все потом! У нас тут такое...

– Что еще на наши головы? – уныло спросил эльф, переглянувшись с орком. Лек удивленно промолчал.

– Что? – резко повернулся к принцу старик. – Да так, ничего особенного. Всего лишь прибыло эльфийское посольство во главе с твоим отцом. Тебя видеть хотят.

– Ой, мамочка! – Тинувиэль ухватил себя за одно ухо, и с ужасом уставился на Керталя.

10. Белые корабли

Светало. Волны бились о берег, создавая неповторимую музыку, хорошо знакомую уроженцам приморских городов. Барашки пены создавали иллюзию появляющихся на мгновение и тут же исчезающих белых коней. Ветер швырял в лица стоящих на длинном молеу стражников водяной пылью. Шторм. Небольшой, правда, но корабли в тарсиadarскую гавань заходить все-таки не рисковали, предпочитая пережидать непогоду подальше от прибрежных скал. Стражники этому были крайне рады, легкий денек выдался, не приходится носиться с утра до вечера, проверяя сотни судов. Хотя с начала войны чужие корабли и перестали заходить в порты Элиана, своих стало еще больше. А что везут? Все больше контрабанду, думают, по глупости своей, что таможенники расслабились, и пытаются дополнительный кусок везения у фортуны спрятать.

Сержант Мертак ослабился. Хоть и не любил он, конечно, дежурств в порту, но служба есть служба и никуда от нее не денешься. По выслуге лет он давно мог уйти в отставку, но ведь со скуки загнуться можно. Видел, как часто спиваются отставники. Делать становится нечего, вот и пьют. Трактир разве открыть? Нет, не по нему это, нудное дело, лучше на корабль какой наняться, хаживал он в юности и в Нартагаль, и в Даркасадар, и даже в Карвен, не говоря уже об имперском Манхене, тогда, конечно, еще не вполне имперском. Да и пацанов поднимать надо, скоро третий родится, жена пузатая ходит. Нет, он еще послужит.

Женившись на Велке, разведенной жене приговоренного к каменоломням пьяницы Юргена, Мертак как сыр в масле катался. Никогда не видевшая настоящего достатка женщина боготворила нового мужа. Всегда его ждал горячий и вкусный обед, дом был обижен, одежда выстирана. Да и в остальном все оказалось великолепно. Золото, а не баба – заботливая, добрая, нежная. Самой только ласки немного надо было, а она уж раскрылась, как цветок. Как вчера ахала да восхищалась, когда сержант привел ее в лавку Дормуса, где конфискованные товары продают. А после того, как муж шелковое платье подарил, и вовсе онемела. Только так благодарно смотрела, что сержант едва сдержался, чтобы на людях не расцеловать.

– Дядь Мертак, а нам ищо долго тута стояти? – уныло спросил напарник, круглолицый, светловосый парень больше пяти локтей росту. – Холодно...

– Какой я тебе дядя?! – осерчал старый служака. – Вот уж деревня. Господин сержант я тебе! Понял?!

– Так точно, господин сержант! – вытянулся тот. – Простите...

Мертак покачал головой. Послал же Единый напарничка, от мамкиной юбки только оторвался. Сидел бы себе в своей деревне, сало трескал да коровам хвосты крутил, так нет, в город его потянуло. И как такого балбеса в императорскую стражу приняли? Здоров, как бык, конечно, но и туп так же. Ничего не соображает, что ни скажи, все равно скоро забудет. Но что делать, обещался господину капитану из увальня толкового стражника сделать, а значит, сделает. Со временем. Гонять только нещадно надобно. Как там его зовут? Кавапан, что ли? Вот уж наградили родители беднягу имечком, с таким только вешаться. Задразнят ведь. Впрочем, парень на подколки сослуживцев внимания не обращал, кажется, просто не понимал их. А если понимал, то показывал свой «маленький» кулачок размером с голову ребенка, и у шутника сразу пропадало желание шутить.

– Недолго уже, потерпи, дубина, – проворчал Мертак. – Как сменят, в трактир забежим, винца горячего хлебнем, согреешься.

– Спасиба вам, дядь Мертак! – расплылся в улыбке Кавапан, снова забыв о субординации, на что сержант только обреченно махнул рукой, устав бороться с тупостью деревенского увальня. – Ой, а чего энто тама?

– Где?

– А вона, белое.

Парень пальцем показывал в море. Сержант сразу насторожился, вглядываясь туда, куда показывал напарник. А ведь прав Кавапан, действительно вдали что-то белое. Но что? Мертак с недоумением пожал плечами. Белое пятно постепенно приближалось, распадаясь по дороге натрое. Мертак все пытался понять, что это может быть, а когда понял, не поверил своим глазам.

По гребням волн скользили похожие на лебедей белоснежные корабли. Шторма они не замечали, будто его и не было. Брызги не долетали до палуб, на которых застыли длинноволосые фигуры, тоже

одетые в белое. Над кораблями висело теплое, золотистое сияние, они казались призраками, пришедшими из иного мира, куда более доброго и чистого. Совсем небольшие, одномачтовые, но совершенно незнакомого типа корабли. Мертак никогда не сумел бы их описать, слов не хватило бы. До слуха сержанта донеслась нежная музыка, от которой душа встрепенулась и замерла в сладкой тоске по чему-то невозможному. Что это? Кто это?!

Онемевший сержант смотрел, как первый из кораблей подошел вплотную к причалу и пришвартовался. Остальные замерли саженях в двухстах, все так же не обращая ни малейшего внимания на шторм. Волны не качали их, казалось, что это наваждение. Продолжала звучать тихая музыка, несколько мелодичных голосов что-то напевали. Но что? На каком языке? Мертак ошалело помотал головой и уставился на причаливший корабль. С его борта сам по себе опустился трап, и на берег одна за другой начали сходить закутанные в белый шелк фигуры. Сержант изо всех сил взглядывался в них, пытаясь понять хоть что-нибудь.

Миндалевидные глаза и острые, длинные уши пришельцев сразу сказали, кого он видит. Эльфы! Он видел ученика молодого мастера Лека ар Сантена и знал, как выглядят древние. Стоп, а кто это впереди стоит в обруче с огромным белым камнем? Так он и стоит, этот ученик. Лица остальных эльфов были незнакомы, а этого сержант хорошо помнил, не раз приходилось гонять их с орком из трактиров, где неугомонные приятели частенько учиняли беспорядки.

– Доброго дня вам, мастер Тинувиэль! – вышел вперед Мертак, несколько прия в себя и досадуя мысленно – и что опять затеял этот юный разбойник?

– Ты знаком с моим сыном, человек? – прозвенел мелодичный, наполненный внутренней силой голос.

– Сыном? – тупо переспросил сержант, начиная понимать, что ошибся. – Простите, обознался... Вы очень на него похожи,уважаемый господин.

– Ты назвал имя моего сына! – в голосе эльфа звучало нетерпение. – Ты его знаешь?

– Да кто ж в Тарсидаре мастера Тинувиэля не знает? – пожал плечами Мертак. – Он здесь половину девок перепортил, доброй трети мужиков рожи начистил. Вчерась только его старшие мастера

из вон того трактира доставали, рогатые мужья прибить хотели.

– Да, это похоже на моего дорогого брата... – раздался из-за спины похожего на Тинувиэля эльфа нежный девичий голосок.

Сержант глянул на обладательницу голоса и онемел. Такой красоты не бывает в природе! Такая красота просто невозможна! Серебряные волосы потоком стекали по хрупкой фигуре, небесно-голубые глаза смотрели на окружающий мир с доверчивостью и любовью. Наивная девочка, это Мертак понял сразу. Может, она и старше его самого вдесятеро, но все равно наивная.

– От него можно ждать чего угодно, – недовольно скривился старший эльф. – Нашли, слава Свету! Где он сейчас?

– Про то только его величество знает, – развел руками Мертак. – Ваш сын – горный мастер, вам о нем надобно у старших мастеров спрашивать. Они знают. Я – простой стражник,уважаемый господин.

– Сообщи о прибытии посольства Эльварана, человек, – потребовал эльф.

– Сей минут, – снова поклонился Мертак, доставая из кошеля амулет связи.

Дежурный офицер казарм императорской стражи сначала просто не поверил в невероятное известие, но сержант настаивал, и вскоре к двенадцатому причалу прибыли несколько старших мастеров боевого братства, решивших самолично поучить шутника уму-разуму. Эльфы? Надо же было такое выдумать! Убедившись, что им сказали правду, мастера пришли в сугубое недоумение. Перворожденные вышли из своего заповедного леса? Император предупреждал, что это может произойти, но никто не поверил.

Переполох рос и ширился, шел по городу волнами, выдергивая из постелей все новых и новых людей. Разбудили мастера Кертала, который схватился за голову, вспомнив, что пятерка побратимов какой-то час назад отправилась в Нартагаль на поиски Неизвестной. По счастью, удалось связаться с Ланигом, который чудом нашел одного из эльдаров. Рыцарь престола сумел разыскать Марана, и еще через два часа в императорской башне Тарсидара все было готово к приему послов, которых пока разместили во дворце наместника.

Маран сидел на троне, в нетерпении постукивая пальцами по колену. Эльфы! Все-таки не усидели в лесу, вышли. Эльдар отыскал

своего повелителя у него дома, тот впервые за несколько месяцев навестил жену. Невидимая под туманной маской легкая улыбка коснулась губ императора. Рина встретила мужа так, будто он только вчера покинул дом, обняла, поцеловала, накрыла стол, даже не заругалась, как обычно бывало. Иногда Марану казалось, что она все знает и все понимает, только молчит, чтобы не огорчать его. А ночью Рина была на удивление нежна, как будто прощаясь.

Под утро его плеча осторожно коснулся эльдар. Император открыл глаза и сразу понял, что произошло что-то чрезвычайное, никогда до сих пор его не тревожили дома. Уже уходя в туман портала, Маран почему-то оглянулся. За спиной стояла жена и молча смотрела ему вслед. Столько тоски и боли было в этом взгляде, что ему стало не по себе. Возникло ощущение, что она прощается, что больше им не свидеться, что это последняя встреча. Маран поежился. Предчувствие смерти давно не давало покоя, казалось, потусторонний мир открыл глаза и жадно уставился в его душу. Выжидающее уставился. Снова вздохнув, император опустил голову. Что бы там ни случилось, долг есть долг.

Пора и о деле подумать. Жаль, что Пятеро в Нартагале и даже связи с ними нет, невозможна отозвать с задания. Порталы смогли прикрыть завесой, с немалым трудом, но смогли, а вот амулеты не вышло. Совсем иной тип заклятий. Перехватить разговор не мог никто, но вот сам факт того, что кто-то переговаривается при помощи магии, уловит любой более-менее толковый выпускник Ализиума. Осталось только надеяться, что мальчишки не задержатся. Посольство явно прибыло с целью узнать о судьбе Тинувиэля.

– Хранящий Свет, владыка Эльварана Фартаэль Эллевалерие со свитой к его величеству! – провозгласил появившийся в дверях распорядитель церемоний и отступил в сторону, низко кланяясь вошедшим.

Значит, стражник не ошибся, отец Тинувиэля действительно прибыл в империю. Интересно. В зал приемов ступил очень похожий на своего сына статный эльф в белоснежных одеждах. Струящиеся по плечам черные волосы стягивал платиновый обруч с огромным белым драгоценным камнем. В руках он держал витой посох из живого дерева. Следом вошли еще трое эльфов и прекрасная среброволосая эльфийка. Какая красавица... Маран даже вздрогнул. Знал, что женщины перворожденных красивы, но не знал, что

настолько.

– Приветствую вас, царственный брат мой! – Император встал с трона и направился навстречу эльфу.

Они встретились на середине зала и уважительно поклонились друг другу. Маран сразу понял, что перед ним маг ненамного слабее его самого. То же самое понял и Фартаэль, но ничего не сказал.

– И я приветствую императора Элиана Марана Пятого! – негромко сказал он. – Не уделит ли мне царственный собрат несколько минут для приватного разговора?

– Я хотел просить вас о том же. Нам есть о чем поговорить, весь наш мир стоит на краю пропасти, вы, наверное, это знаете.

– Пока только подозревал, – задумчиво сказал эльф. – Вы, к сожалению, подтвердили мои подозрения. Но главная причина нашего визита иная. Мой младший сын.

– Тинувиэль Эллевалериэ, – вздохнул император. – Знаете ли вы, кем является ваш сын?

– Горным мастером, – предположил Фартаэль. – Он мечтал об этом, и я рад, если он сумел добиться желаемого.

– Если бы только горным мастером... – в голосе Марана слышалась обреченность. – Ваш сын – носитель зеленых мечей Жизни.

– Вы уверены?! – Уши эльфа резко дернулись. – Они существуют?

– Существуют, – кивнул император. – И не только они. Все пять пар великих мечей пришли в мир. Вам это о чем-то говорит?

– Говорит... – неохотно ответил Фартаэль. – О многом. Пророчество Пятерых впервые было произнесено в Эльваране больше четырех тысяч лет назад, задолго до вашего Завоевателя. Но о нем знают только высшие маги и Хранящий Свет, слишком опасное знание.

– Ваш сын – один из Пятерых, – развел руками Маран. – Понимаю, что для вас в этом нет ничего приятного, но факт остается фактом. Мечи дали побратимам крылья. Тинувиэль крылат.

– Вы хотите сказать, что Пятеро стали кровными братьями?! –

вскинулся эльф.

– Да. А что?

– Тогда у нашего мира есть шанс выжить. Если бы они стали врагами, то никто и ничто нас не спасло бы. В вашем варианте пророчества этого нет, да и быть не могло.

– Вот как? – голос императора дрогнул. – Я подозревал, что оно неполно. Не складывалось как-то, не хватало чего-то для завершения мозаики.

– А что с внешним кругом? – Фартаэль снова передернул ушами. – С Семерыми?

– Пятеро собраны, за шестой этим утром отправились в Нартагаль. Ваш сын с остальными носителями великих мечей.

– Это опасно?

– Естественно, – пожал плечами Маран. – Но они хорошие бойцы, уже на уровне невидимок находятся. Или эвеалей Зеленой Стражи.

– Это меньше чем за год? – удивился эльф.

– Да. Их тренировали по моему приказу так, как не тренировали никого и никогда. Им передали все возможные знания. И старались добиться, чтобы мальчишки не возгордились. Мне кажется, у нас получилось. Ребята добрые, всегда помогут, не считают себя самыми сильными, никого на моей памяти не унижали. Испытание они прошли страшное, но не предали друзей. Отреклись от всего дорогого, но не предали.

– Мне хотелось бы услышать обо всем этом подробнее... – Фартаэль задумчиво прикусил губу.

– Пройдемте в мой кабинет, – пригласил Маран. – Нам действительно о многом надо поговорить. Я искренне рад вашему визиту.

– Давно нам стоило поговорить. – Эльф вздохнул, с искренним интересом глядя на высокую фигуру в мантии с туманной маской вместо лица.

– Кстати, вы знаете, что Тинувиэль очень на вас обижен?

– Знаю... – Фартаэль тяжело вздохнул. – Он оставил письмо,

убегая. Мальчик изо всех сил тянулся, пытался доказать мне, что чего-то стоит, а мне некогда было им заниматься. Да вы ведь сами император, понимаете, что это за адская ноша.

– Понимаю, – согласился Маран. – Но все-таки, извините, вы были неправы.

– Согласен. После бегства мальчика я много думал, многое понял. Поэтому и отправил по всему миру отряды эвеалей на поиски. Когда мне доложили, что малыша видели в Тарсидаре, решил отправиться с посольством лично. Раз юного эльфа не убили здесь, а приняли как своего, то с вами можно иметь дело.

– Надеюсь, – с легкой ironией сказал его величество. – Прошу вас!

Император с Хранящим Свет скрылись в кабинете, а остальных эльфов повели показать город.

Час шел за часом, Ланиг с Керталом места себе не находили, то и дело спрашиваясь, не появились ли еще молодые оболтусы. Однако их все не было. Император продолжал беседовать с Фартаэлем. В общем, причин для беспокойства хватало. Когда наконец сообщили, что на плацу перед казармами открылся портал, эльдар без промедления перенес Кертала туда. Дождавшись Лека с девушкой, старый мастер быстро провел посвящение Неизвестной в ученицы, отправил ее и Ле к остальным девушкам, поселил в казарму нартагальца и отправился во дворец. Тинувиэль, узнав о визите отца, так испугался, что это выглядело смешно, но Керталу было совсем не до смеха.

Зал Приемов приближался. Принц морщил уши и чувствовал себя до крайности неуютно. Он уже заметил стоявших в некотором отдалении эвеалей Зеленої Стражи, многих из которых хорошо знал. Все они осуждающе смотрели на него, кое-кто даже показывал жестами, что думает по поводу умственных способностей молодого идиота, создавшего всем столько проблем. Это никак не добавляло Тинувиэлю бодрости. Но когда то же самое показал один из магов, стоявших у входа, принц разозлился. Хватит! Он уже не тот беззащитный мальчишка, над которым безнаказанно может издеваться каждый! Призвав Силу Жизни, юный эльф ощущал за спиной биение крыльев и насмешливо усмехнулся магу,

потрясенному аурой, внезапно вспыхнувшей вокруг не имевшего никаких способностей к магии младшего принца. Тинувиэль удовлетворенно кивнул и вошел в Зал Приемов.

– Носитель зеленых мечей Жизни, принц из дома Хранящего Свет, младший горный мастер боевого братства Элианской империи Тинувиэль Эллевалерие! – объявил распорядитель церемоний.

Принц вышел на середину зала, вырвал картаги из ножен и заставил их лезвия на мгновение полыхнуть зеленым огнем. При этом внимательно смотрел в глаза отца, застывшего рядом с троном императора. И не видел там ничего, кроме грусти и сочувствия.

– Здравствуй, сын, – негромко сказал владыка Эльварана, подходя. – Я рад тебя видеть. И прости, я тебя обидел. Я был несправедлив.

Отец просит прощения?! Тинувиэль от изумления едва мог дышать. Когда такое бывало? Да никогда! Хранящий Свет на его памяти ни у кого прощения не просил, даже если был неправ. Тинувиэль, не выдержав, ступил вперед и обнял отца. Обида обидой, но Фартаэль всегда был для младшего принца кумиром, именно ради него Тинувиэль пытался чего-то достичь, доказать, что не бесполезен, не глуп. А над ним в ответ смеялись, отец не обращал внимания, а старшие братья изводили. Если честно, Тинувиэль бежал из дому от отчаяния, не было больше сил терпеть всеобщее пренебрежение.

– Ты выбрал себе страшную судьбу, мальчик мой... – негромко сказал Фартаэль. – Ты даже не представляешь, насколько страшную. Быть одним из Пятерых? Я бы врагу этого не пожелал. Но ты выбрал.

– Да, я выбрал отец, – вздохнул Тинувиэль. – Или меня выбрали? Не знаю. Иногда сомневаюсь, но...

– Дороги назад нет?

– Нет.

– Знаю. Помни только, что у тебя есть дом и те, кто тебя любит.

– А любят ли? – По губам принца скользнула горькая усмешка – Прости, но я в этом разуверился. Кто-нибудь из братьев мне хоть раз доброе слово сказал? Нет. Помог? Нет. Научил чему-нибудь? Опять нет. Только насмехались. Не знаю, сумею ли я это забыть, отец. Простить, возможно, и сумею. Когда-нибудь. А вот забыть...

– Ты повзросел... – Фартаэль прикусил губу. – Я виноват, был слишком занят, и не заметил, что у меня проблемы в семье. Еще раз прости.

– Постараюсь, отец. – Тинувиэль несмело улыбнулся. – Но от кровного брата я не отрекусь. Никогда.

– А кто тебе сказал, что ты должен от него отрекаться? – удивился Хранящий Свет.

– Ты. В моем видении во время Испытания. Ты дал мне выбор: или отречься, или быть изгнанным. Я выбрал изгнание.

– Страшное испытание... – помрачнел Фартаэль. – Но ты должен понять, что в реальности я никогда бы от тебя такого не потребовал.

– Но мой кровный брат – орк!

– Что с того? Сейчас речь идет, похоже, о самом существовании нашего мира. Не до старых разногласий.

– Существовании мира?! – Уши принца от удивления встали торчком. – Что ты имеешь в виду?

– Увы, не знаю, – развел руками Хранящий Свет. – Но не зря ведь впервые за десять тысяч лет собирались Пятеро? Думаешь, это ради какой-то войны? Вряд ли, здесь что-то многое большее.

– Ясно. – Тинувиэль прищурился, размышляя над неожиданными известиями.

Распорядитель церемоний представил эльфам остальных носителей великих мечей. Фартаэль с интересом оглядел каждого. Только при виде Храта он на мгновение потерял невозмутимость, но ничего не сказал, только поклонился изумленному орку.

– Значит, Свет выбрал тебя, мальчик? – Эльф подошел к Санти. – Хотел бы я знать – почему...

– Я тоже, – скривился рыжий. – Думаете, я мечтал об этом?

– Не думаю. – Уголки губ Фартаэля иронично приподнялись. – Любой эльф, орк или человек, находящийся в здравом уме, бежал бы от такой судьбы куда подальше.

– Бежать некуда... – глухо пробормотал скоморох.

– Увы, – вздохнул эльф.

Затем он повернулся к Леку и спросил:

– Ты носитель Тьмы?

– Да, – кивнул горец.

– Клан уже подчинился тебе?

– Откуда... – вскинулся Лек, но взял себя в руки. – Да.

– Что это значит? – поинтересовался подошедший император.

– Вчера вечером Черный Клан принес мне клятву верности... – неохотно объяснил юноша.

Маран едва не упал от таких известий. Потом задумался. Это меняло вообще все.

– Рассказывай! – коротко приказал император.

Лек снова вздохнул, но не решился противоречить и описал события вчерашнего вечера. Маран с Фартаэлем слушали очень внимательно, задавая какие-то уточняющие вопросы, на которые порой не находилось ответа. Потом горец рассказал о случившемся в Нартагале.

– Ты хочешь сказать, что притащил с собой второго наследника нартагальского престола? – изумился император. – Да-а, с вами, ребятки, не соскучишься...

– А что было делать? – смущенно буркнул Лек. – Не убивать же? Я вот подумал: а что если нам выучить Эхе на горного мастера, а потом посадить на трон?

– Так! – хлопнул в ладоши Маран. – Мальчик, ты гений! Это выход. Это больше, чем выход! Он действительно таков, как ты говоришь? Не обычный нартагалец?

– Нет, далеко не обычный, – покачал головой горец.

– Ладно, подумаем. Наставника ему я подыщу. Или сам хочешь заняться?

– Боюсь, не смогу. Мне еще Элиа и Шестую учить.

– Ладно, это не вопрос, спрошу у старших мастеров, кто сейчас себе ученика ищет. Подберем.

Фартаэль в это время внимательно смотрел на Храта. Тот откуда-то добыл лист бумаги и яростно чиркал по нему графитовым

стержнем, бросая горящие взгляды на застывшую у окна Алливи. Эльфийка была настолько прелестна, что многие мужчины в зале восхищенно поглядывали на нее, не рискуя, конечно, подойти – император строго-настрого запретил досаждать перворожденным. Поэтому на красавицу только смотрели, правда, порой очень страстно. Однако во взглядах орка страсти Хранящий Свет не заметил. Там было что-то совсем иное. Только что? Любопытно.

Эльф неслышными шагами приблизился и взглянул на лист бумаги. Грифельный рисунок. Но не просто. Изображенная на нем крылатая девушка неслась над облаками, сжимая в руках картаги. Она вся пылала яростью, она походила на саму богиню войны. И этой девушкой была Алливи. Откуда этот молодой урук-хай знает об истинной сути нежной и беззащитной на вид эльфийки?! Никому ведь...

Фартаэль потрясенно отступил на шаг назад. Перед ним стоял не просто орк, перед ним стоял гениальный художник. Творец. Видящий Суть. Их было так мало, что перед каждым эльфы буквально преклонялись. И уж никак не думал Хранящий Свет, что такой художник может родиться среди урук-хай. Он заметил, что дочь тоже заинтересовалась и подошла.

– Вы позволите? – спросила девушка мелодичным голоском.

– Ась? – Увлекшийся Храт поднял голову и только в этот момент сообразил, кто стоит перед ним. – А... Вы... Это... Извините. Я вас тут нарисовал...

– Да? – Эльфийка озорно улыбнулась. – Так дайте посмотреть.

– В-возьмите... – неловко протянул рисунок орк, во все глаза глядя на красавицу. Все внутри него переворачивалось. Неужели втрескался, идиот несчастный? Нашел в кого влюбиться – в эльфийскую принцессу... В Принцессу?! Так это она?!

– Видящий! – ошеломленно выдохнула Алливи, опускаясь на одно колено. – Выражаю вам свое уважение, мастер!

– Да какой из меня мастер... – окончательно смущаясь молодой орк. – Едва рисовать умею...

– Мне нравится, – улыбнулась девушка.

– Ты – Седьмая! – неожиданно для себя самого сказал Храт каким-то гулким, не своим голосом. – Ты – Принцесса!

Он пытался сдержать себя, не понимая, что творится, но не смог, кто-то другой завладел его телом, превратив молодого урук-хай в послушную марионетку. Фартаэль глухо вскрикнул, услышав его слова. Впрочем, их слышали все в Зале Приемов. Маран подошел ближе и замер, глядя на пылающие алой Яростью глаза Храта. Тот же алый огонек медленно разгорался и в зрачках Алливи, девушка не понимала, что с ней происходит, казалось, что она повисла в воздухе и под ней горит костер. Казалось, начинается то, ради чего она была рождена в этом мире.

– Пойдешь ко мне в ученицы? – голос орка гремел подобно лавине в горах.

– Пойду! – едва ли не против воли ответила эльфийка, одновременно ощущая какой-то совсем несвойственный ей азарт.

– Алливи! – в отчаянии вскрикнул Фартаэль.

– Так надо, папа! – ответила девушка, от нее несло яростью, глаза стали полностью алыми. – Так надо.

– Не нам мешать пророчеству... – глухо сказал Маран.

– Вы правы... – прошептал эльф. – Вы правы... Но почему? Почему сразу двое моих детей?!

– Судьба. Ни вам, ни мне от нее не уйти.

Храт продолжил обряд. Он произнес Слово Воина, император подтвердил его. Потолок зала на мгновение превратился в туман, откуда в лицо Алливи ударил алый луч. Девушка вскрикнула и мелко задрожала. А затем орк с эльфийкой запылали, вокруг них ревело алое пламя, не давая никому приблизиться. Во всем мире сильные маги почувствовали, как что-то всемогущее выворачивает их наизнанку, но никто не сумел понять, что происходит. Слишком быстро все закончилось.

Храт с Алливи обессиленно опустились на пол, не видя никого вокруг. Эльфийка только успела взять из рук орка серый шнурок и потеряла сознание. Вокруг сразу же забегали, примчался вызванный императором целитель, но его услуги не потребовались – через несколько минут девушка открыла глаза.

– Что со мной было, папа? – почти неслышно спросила она, недоуменно глядя на судорожно сжатый в кулаке серый шнурок ученицы горного мастера.

– Пророчество, девочка моя... – Фартаэль опустился возле нее на колени. – Одно очень древнее и очень гнусное пророчество. Ты оказалась Принцессой из него. Ни тебя, ни меня никто не спрашивал, хотим ли мы этого. И выхода нет.

– Я поняла... – всхлипнула девушка.

Хранящий Свет повернул голову к Марану и спросил:

– Внешний круг, насколько я понимаю, собран?

– Да, – кивнул император. – Теперь осталось только дождаться инициации и посмотреть, что случится после нее.

– Странно, что она не произошла сейчас... – Эльф пожевал губу, продолжая держать руку дочери. – Судя нашему тексту, инициация происходит в день завершения сбора внешнего круга.

– В нашем говорится то же самое, – согласился Маран.

– Я... – начал Фартаэль, но вдруг вскинулся. – Что это?!

Ему показалось, что дрогнула сама основа мира, что кто-то невидимый и непередаваемо огромный тряхнул его кости. По всему залу стоявшие то тут, то там эльдары резко вскидывали головы, прислушивались к чему-то и исчезали в возникающих перед ними порталах. Маран сжал кулаки.

– Ланиг! – выкрикнул он. – Поднимай гарнизоны во всех городах по тревоге! Происходит что-то страшное!

Глава тайной стражи поклонился и опрометью вылетел из Зала Приемов, за ним последовало большинство старших мастеров и мастеров-наставников. Император с Хранящим Свет посмотрели друг на друга и совершенно одинаково вздрогнули, понимая, что начинается что-то, что изменит жизнь каждого разумного в этом мире.

11. Дорогой смерти

Время настало. Время начинать то, к чему готовились двести лет все недовольные императорской властью. В сотнях городов и городков Элиана множество людей получили условный сигнал по одноразовым амулетам связи и вышли на улицы. Каждый хорошо знал, что ему делать, кто его командир и ради чего он ввязался в это почти безнадежное дело. Многие вскрывали подполы и раздавали соратникам странно выглядящее новое оружие и диски с патронами к нему.

– Думаете, справимся? – шелестящий голос магистра заставил высокого лорда вздрогнуть.

– Справимся! – уверенно ответил он, обрачиваясь. – Войска со стен Южных Цитаделей и прибрежных фортов не уйдут, карвенцы начали массированную атаку, с ними все согласовано. А после нашей победы выжившие станут служить победителям.

– Там большинство офицеров – горные мастера… – с сомнением сказал маг. – Вы уверены, что станут?

– Не станут – значит, уничтожим. Нового оружия у нас достаточно, против него и горные мастера бессильны. Главное – избавиться от эльдаров.

– А император?

– Когда не станет эльдаров, тогда и займемся им. Неважно, кто он. Как вы думаете, если активировать Черный Портал, он придет?

– Да вы с ума сошли! – побелел маг. – Он-то придет, возможно, вы его даже убьете. Дело в другом.

– В чем же? – приподнял брови аристократ.

– Справиться с тем, что полезет из открытого портала!

– Ничего из него не полезет! – презрительно бросил высокий лорд. – Его уже открывали несколько дней назад под сферой Лардага, держали открытым полчаса, и ничего не вылезло. Так что все это дурацкие сказки. Да, очень сильный артефакт, но не более того. Даже неясно, что он вообще делает.

Маг покосился на него, понемногу начиная жалеть, что связался с этим сумасшедшим. Да как можно беспечно относится к Черному Порталу?! Тысячу двести лет назад две трети магов Академии и половина эльдаров полегли, пытаясь сдержать Нечто, желавшее выбраться из Межмирья. Что именно, никто так и не узнал, но это Нечто пило жизнь, как воду, оставляя за собой мертвую пустыню. Тварь обзвали Пожирателем. После того, как Пожирателя удалось изгнать, запечатанный императором Черный Портал где-то спрятали, заключив в несколько десятков защитных оболочек разного типа.

Каким образом этот аристократ нашел древний артефакт? Кто из магов настолько ненормален, что стал помогать ему в этом? В Академии таких не найти. В Карвене магией вообще не пользуются. Что остается? Только нартагальский Ализиум. Да, нартагальские выскочки по незнанию могут начать заигрывать с силами, способными погубить весь мир. Больше просто некому. Ох, похоже, участие в этом заговоре было ошибкой.

Однако жалеть было поздно. Магистр понимал это, как никто другой. Пан или пропал, третьего не дано. В двух сотнях тайных убежищ опытные палачи уже привязывали к столам кричащих от ужаса детей и готовились начинать. Они не спеша раскладывали инструменты, вызывая у жертв еще больший страх. Окружившие пыточные комнаты стрелки передергивали затворы автоматов и смазывали оружие, не желая, чтобы оно подвело в самый ответственный момент. Многие из них погибнут, но каждый был готов к смерти, лишь бы только уничтожить проклятых колдунов.

В руке высокого лорда запульсировал амулет связи.

– Слушаю!

– Господин мой, все готово! – доложил чей-то голос.

– Начинайте! – резко скомандовал аристократ. – Да простит меня за все это Единый!

По тысячам амулетов передали десятки тысяч команд и условных сигналов. Множество людей заняло заранее оговоренные позиции напротив казарм стражи во всех крупных городах страны. Отряды стрелков незаметно подобрались к военным лагерям, тоже изготовившись к стрельбе. Стрелки имели по десятку дисков с сотней патронов в каждом. Начиналась новая война, совсем не похожая на прежние. Знания и технологии против умения и магии.

Палачи взяли в руки первые инструменты и подошли к рвущимся из пут перепуганным детям. Пространство огласилось жутким, воющим криком боли. Страшное действие длилось и длилось. Если жертвы теряли сознание, их приводили в себя и продолжали пытки. Если умирал один ребенок, трупик выбрасывали, а на его место привязывали другого. Живого. Казалось, над страной поднимается черная пелена боли и ужаса. И эльдары не могли не почувствовать это.

В одном из подвалов внезапно появился человек в серо-серебристой сутане и туманной маске. Сорвавшиеся с его рук молнии тут же превратили палача в груду головешек. Эльдар рванулся к несчастному ребенку, на ходу готовя исцеляющее заклятие, но не дошел. Из всех углов, из десятков бойниц, из прорезей на потолке в него ударили десятки автоматных очередей. Пули рвали тело мага на части, он корчился от боли, но не сдавался, вертаясь юлой и швыряясь заклятиями. Больше половины стрелков погибли, все-таки магов, равных эльдарам, в мире не было. Однако остальные сделали свое дело. Господа заговорщики долго еще не решались подойти к мертвому эльдару, слишком напугала их живучесть страшного колдуна.

Подобное происходило по всей стране. В большинстве случаев рыцарям престола хватало сил поставить вокруг себя и жертвы защитный кокон, но тогда в дело вступали нартагальские маги. В каждом подвале на всякий случай присутствовал круг тринадцати, вполне способный справиться со смертельно раненым эльдаром. Здоровый смешал бы их с пылью, а вот раненый... Но бывало, что и раненыеправлялись.

Кое-где эльдарам удавалось уничтожить магов и стрелков, и вырваться наружу с ребенком на руках, но там их поджидали десятки новых врагов. Сил на открытие портала у умирающих рыцарей престола уже не оставалось, слишком все это оказалось неожиданным, и их добивали на поверхности. Многим стрелкам было не по себе оттого, что они стреляли в человека, рискующего жизнью ради совершенно незнакомого ему малыша. Но они утешали себя тем, что перед ними – поганые колдуны, что все это притворство, что ради избавления от власти императора с приспешниками можно пойти и не на такие жертвы.

Ни один эльдар не бросил умирающее дитя, чтобы спасти

собственную шкуру! До последнего вздоха каждый рыцарь престола закрывал собой ребенка. Сражался и умирал, но не бросал беззащитное существо, боль которого заманила его в ловушку.

Высокому лорду, которому докладывали о ходе восстания, было страшно. И тошно. Отвращение к себе становилось невыносимым. Всегда он считал магов крайне беспринципными тварями, готовыми на любую подлость ради малейшей выгоды. А эти оказались другими. Почему? Порой совесть совсем уж доканывала, и аристократу приходилось загонять ее на место едва ли не пинками. Без проклятых колдунов будет лучше! Ради этого не жаль убить и тысячи детей!

Не прошло и двух часов, как все семьдесят два эльдара были мертвы. Да, их оказалось не шестьдесят четыре, а семьдесят два. Высокий лорд поблагодарил себя за предусмотрительность. Не зря заготовили больше двух сотен ловушек... О том, что в оставшихся ловушках продолжают медленно замучивать детей, воодушевленный удачей аристократ просто забыл. Не до них как-то, у него нашлось множество куда более важных дел. К тому же, пришло время браться за главное – устранение императора.

Гибнущие эльдари успели передать сигналы опасности. Стражу и городские гарнизоны подняли по тревоге, но на выходе из казарм стражников поджидали стрелки. Они давали выйти нескольким сотням и расстреливали ничего не подозревающих людей из автоматов. Потери первых минут восстания оказались страшными, полегла добрая треть императорской стражи. Хуже прочего, что погибло большинство офицеров.

Но высокий лорд недооценил горных мастеров. Поняв, что столкнулись с новым, невиданным и страшным оружием, мастера-наставники и примкнувшие к ним невидимки думали недолго. Смерти ни один из них не боялся. Ситуацию «казармы в осаде» тоже давно предусмотрели, десятки подземных ходов вели с их территории в самые разные места городов. А реального боевого опыта у заговорщиков не было.

Горные мастера выбрались наружу. Они вырезали предательски напавших везде, где находили. Но не рисковали зря, понимая, что не имеют права гибнуть без толку. Против невидимых теней новое оружие не слишком-то помогало.

Как ни странно, быстрее всего удалось освободить от

ошеломленных заговорщиков столицу, Элиандар. Да и в Тарсидаре они продержались недолго – мастер Кертал, предупрежденный Ланигом, успел поднять казармы по тревоге до нападения и вывел основную массу людей в город. Зато города центра страны оказались в руках заговорщиков полностью, остатки стражи были блокированы в казармах, даже диверсанты не помогли, слишком много оказалось там людей высокого лорда и фанатиков, скандирующих: «Колдунов на костер!».

На севере бои шли с переменным успехом, территорию частично контролировали заговорщики, частично стража. Зато на юге, особенно в городах, расположенных у стен Южных Цитаделей, против людей высокого лорда поднялись обычные горожане. Они тысячами бросались на стрелков, гибли, но задавили врага массой. Почему? Наверное, потому, что знали: за стенами кочевники, которые не преминут ворваться в город, если всякая сволочь перебьет воинов императора на стенах. Тем более что степняки вместе с паладинами еще утром пошли на штурм и атаковали яростно, раз за разом.

Однако высокому лорду до того дела не было. Если не станет императора, никуда горные мастера от него не денутся. Сложат оружие, когда им некого окажется защищать. Но даже если и не сложат, тоже ничего страшного. Предстоит самая обычная война, империи не станет, она все равно распадется. Лаарское королевство будет восстановлено! С законным королем на престоле! Хватит уже всяким безродным высокочкам править, сил терпеть больше нет. Настало иное время.

В глубине Оршаонской пустыни, в самых страшных, безводных и безлюдных местах редкие караваны видели порой мираж. Развалины какого-то здания. Никому и в голову не приходило рыться там – смысла не было, почти ничего не сохранились, только расколотые барельефы. Если бы не найденный случайно в библиотеке элиандарского епископата дневник одного из участников захоронения Черного Портала, высокий лорд тоже никогда не оказался бы там. К тому же без магов на месте захоронения делать было нечего, это аристократ понял еще во время первых раскопок, когда погибли все его спутники, а сам он едва выбрался из пустыни полуживым и обожженным.

Второй раз высокий лорд пришел туда через много лет, взяв с

собой нескольких давших ему клятву верности нартагальских магов. Безумных магов, готовых на все. Именно они сумели понять, как активировать древний артефакт. Они же гарантировали, что император не сможет проигнорировать пробуждение Черного Портала и обязательно явится проверить, что здесь такое происходит.

Очень хотелось своими глазами увидеть, как все закончится, но обычному человеку в битве магов не выжить. Это аристократ понимал четко и не собирался рисковать. Пять сотен стрелков, засевших вокруг портала, высокий лорд заранее списал в расход, их задача одна – не дать императору опомниться прежде, чем по нему ударят нартагальские маги.

– Все готово, Кёхе? – негромко спросил он у старшего мага, пожилого, полностью лысого человека с резкими чертами коренного нартагальца с северного побережья.

– Да, мой господин! – поклонился маг. – Мы готовы. Но я не могу обещать вам успеха. Это риск. И риск немалый.

– У нас есть другой выход? – хмыкнул высокий лорд.

– Нет, мой господин, – оскалился нартагалец. – Мне самому интересно узнать, что у нас получится.

– Постарайся выжить, Кёхе.

– Все в руках Единого, – пожал плечами тот. – А моя жизнь – тем более. Вот вы, господин, берегите себя. Без вас все рухнет, а магов вы найдете и новых.

– Не уверен, – поежился аристократ. – У нас, боюсь, есть только один шанс. Если император выживет, он меня разыщет. В любом случае.

– Пусть даже один. Зато немалый. Ведь эльдары уже мертвые?

– Да. Помочь императору некому.

– Вот именно! – зло оскалился маг. – Главное сразу ранить его и не дать времени на восстановление.

– Что ж, открой мне портал. И удачи!

– Вам также, мой господин! – Нартагалец низко поклонился. – Я благодарен вам за то, что вы сделали мою жизнь насыщенной, дали сверхцель, ради которой стоит жить и умирать. Если понадобится, я

не побоюсь умереть.

– И я благодарю тебя, Кёхе, – тепло сказал высокий лорд.

Маг улыбнулся и коротким движением пальцев создал портал. Аристократ поднял сжатый кулак, постоял пару секунд и шагнул в туман, оказавшись в своем поместье. Наивные (и ныне покойные!) эльдары во главе с императором считали, что это доступно только им. Идиоты! Ничего, пусть его величество так и думает. А на самом деле немало талантливых нартагальских магов сумели самостоятельно научиться телепортации. Без них высокий лорд никогда не сумел бы сделать всего, что требовалось для реализации столь масштабного заговора. Теперь ему осталось только ждать. Аристократ сел в кресло, налил в бокал немного бренди, положил рядом амулет связи и прикрыл глаза. Он молился, чего не делал с самого детства.

Очень далеко от поместья, посреди пустыни маги уложили на подготовленный заранее алтарь связанных пленников. Открыть Черный Портал можно было только посредством магии крови. Цепочка фигур в черных мантиях двинулась вокруг алтаря, жутковатым речитативом произнося древние, как сам мир, заклятия. Давно, очень давно ничьи губы не решались произносить их, слишком страшны были последствия. Один из магов подошел к алтарю и быстрым движением кинжала располовил первую жертву от шеи до паха. Набрав крови в ладонь, он подбросил алую жидкость вверх, продолжая заклинание. Кровь повисла в воздухе тысячами мельчайших капелек. Раздался противный, хлюпающий звук, и что-то вытянуло остатки животворной жидкости из хрипящего человека, оставив на камне высохшую мумию. За первой жертвой последовала вторая, затем третья... Кровавый шар над головами магов рос, он уже пылал адским огнем, с неба в него били сотни молний.

– Достаточно! – прокаркал старший маг. – Второй этап!

Тональность заклинания изменилась, голос то одного, то другого колдуна срывался на визг, слишком сильно было напряжение. Что-то огромное взглянуло на них ниоткуда, что-то настолько потустороннее, что даже старшему магу стало не по себе, но он привычно задвинул страх поглубже и продолжил. Из песка медленно вырастали изломанные арки Черного Портала. Защитные оболочки одна за другой спадали с них, пока арки не заблестели под ярким солнцем пустыни.

Голос старшего мага поднялся до визга, завершая заклинание, и он замолчал. Кровь из шара над головой вытянулась в струи и облила арки. Что-то сдвинулось в самой основе мироздания, что-то такое, что никогда не должно было двигаться. Потемнело, подул ледяной ветер, вскоре превратившийся в ураган. Кто-то бесконечно чуждый взглянул на мир и жутко, с хлюпаньем облизнулся, предвкушая обильную трапезу. Однако гордые успехом маги этого не заметили, как не заметили и того, что процесс пошел иначе, чем во время пробного открытия Портала.

В Зале Приемов у императора перехватило дыхание. Он взглянул в наполненные ужасом глаза Хранящего Свет и понял, что эльф ощутил то же самое... Случилось что-то очень страшное, способное погубить все вокруг. Мир незримо трясся, нечто кошмарное выдиралось наружу из бездн Преисподней. Да нет, даже не Преисподней, откуда-то из самого Хаоса.

– Кто-то открыл Черный Портал... – с ужасом выдохнул эльф. – Свет, да какой же идиот это сделал?! Это кто-то из ваших?!

– Нет... – едва сумел ответить Маран. – Мне нужно туда. Я должен этот кошмар остановить!

Император развернулся и исчез в туманном облачке. Фартаэль с воплем рванулся следом, но не успел – портал схлопнулся.

– Идиот! – взвыл Хранящий Свет, схватившись за голову. – Самоуверенный идиот!!! Да разве можно было идти на это в одиночку?! Он же погибнет! Где ваши эльдары? Нужно срочно идти ему на помощь!

– Боюсь, эльдары мертвы... – негромко сказал появившийся в зале Ланиг. – Вся страна охвачена восстанием, заговорщики владеют каким-то неизвестным скорострельным оружием, расстреливая наших людей на расстоянии. Нам нечего им противопоставить. Тарсидар и Элиандар каким-то чудом удалось отстоять, а в остальных городах дела обстоят куда хуже. Вы можете помочь телепортироваться к его величеству, Хранящий Свет?

– Я не владею телепортацией... – Эльф закрыл лицо ладонями. – Похоже, с нашим миром покончено. Из Черного Портала выходит что-то страшное, что-то настолько страшное, что...

– Вы уверены? – Старый мастер побледнел.

– Да.

Люди в зале осеняли себя косым крестом Единого, кто-то молился, но все понимали, что молитвы не помогут.

Маран вышел из портала возле изломанной черной арки, от которой тянуло ледяным, потусторонним холодом. Неподалеку виднелся большой алтарь, заваленный окровавленными телами. Ну, конечно, магия крови, ничем иным Черный Портал не открыть! Почему его, кстати, называют Черным? К Тыме он не имеет ровным счетом никакого отношения.

– Остановитесь, безумцы! – прогремел над пустыней голос императора. – Вы понимаете, что творите?!

– Прекрасно понимаем! – насмешливо каркнул стоящий посередине круга из двенадцати магов сухощавый лысый человек. – А вот ты не понимаешь!

Он захотел. В то же мгновение ударили сотни автоматов, нашпиговав тело Марана бесчисленным количеством пуль. Нартагальцам они вреда не причиняли – круг магов светился защитным коконом, способным справиться с куда более страшной угрозой, чем какие-то пули. Однако император одолел болевой шок, тоже подняв защиту. Ему бы несколько минут для восстановления, и он заживил бы раны. Смог бы. Но этих нескольких минут некроманты Марану не дали, атаковав всеми силами. Он защищался, но чувствовал, что жизнь утекает из тела вместе с кровью. Защита пока держала, отражая атаки, но его величество понимал, что против круга тринадцати долго не выстоит. Да и стрелки позади продолжали поливать очередями застывшего в световом коконе императора. Попался. Это ловушка. Но неужели они не осознают, что творят? Неужели не видят, что арки Портала наливаются какой-то страшной, холодной и жестокой силой? Какая-то сущность поднималась из глубин Хaosа. Разумная сущность. И абсолютно чуждая. Для нее весь этот мир – только пища...

– Кёхе! – закричал вдруг один из нартагальцев. – Портал!!!

Старший маг оторвал довольный взгляд от теряющего силы императора и тут же покрылся холодным потом, увидев вспыхнувшую над арками серую радугу. В голубом небе возникла черно-багровая воронка,зывающая почему-то у любого человека

инстинктивное омерзение. В прошлый раз такого не было! Неужели... Единый Создатель и Владыка Бездны! Спасите и помогите! Проклятый элианец прав, они не знали, что творили! Теперь старший маг и сам отчетливо ощущал выдирающуюся из Хаоса голодную сущность, понимая, что погубил весь мир.

– Закрывайте портал! – взвыл он. – Император! Не мешай, а если хочешь, помоги! Мы закрываем портал! Командирам отрядов – не стрелять! Повторяю, не стрелять!

Голос мага громом пронесся над пустыней.

– Давно бы так... – прохрипел Маран, захлебываясь собственной кровью, но заживлять раны времени не было, остановить бы чудовище.

Маги завели речитатив закрывающего заклятия. Император снял защиту и присоединил к этому заклятию остаток своих слабых сил. Он знал, что убивает этим себя, но поступить иначе не мог. По потрясенному взгляду старшего нартагальца Маран понял, что тот не ждал помощи от человека, которого сам заманил в ловушку и едва не убил. Четырнадцать магов объединили силы, закрывая Черный Портал. Одна за другой стены пространств становились на место, отсекая проход. Однако сущность успела подняться слишком высоко... Она ощутила опасность для себя и одним рывком прорвалась наружу, сокрушая по дороге возводимые барьера. Небо стало похоже на покрытую пузырями грязную лужу, пустыня вокруг подернулась миллионами изломанных игл, все вокруг залил багровый туман.

Император оказался единственным из магов, кто успел поставить защитный кокон. Нартагальцы опоздали, и сущность выпила их жизни. Тела людей мгновенно рассыпались пылью. Чуть позже умерли стрелки. Маран с ужасом смотрел на багровый туман, жадно тянувшийся к нему в поисках новой пищи, еще не выпитой души. Кокон пока держал, но вряд ли это надолго. Все силы уходили на защиту. Император понимал, что умирает, что ему осталось совсем недолго. И не только ему. Всему миру. Неужели все так страшно и так глупо закончится? Полумертвый, хрипящий, залитый кровью человек тоскливо смотрел на блуждающий вокруг багровый туман и понимал, что это действительно все. Эту тварь не одолеть никому.

12. Бремя императора

Леку было неуютно, что-то давило на него, что-то мешало дышать, казалось, вокруг кричат тысячи людей, умоляя спасти их от чего-то, что страшнее самой смерти. А он бессилен. Юноша задыхался, все время утирая пот. Бывшие ученики сбились вокруг, чувствуя себя ничуть не лучше. Внезапно горец понял, что происходит. Он явственно увидел залитого кровью умирающего Марана.

– Мастер Ланиг! – рванулся Лек к главе тайной стражи. – Императора убивают! Ему нужна помощь!

– Знаю… – закусил губу тот. – Мы ничего не можем сделать, мальчик… Эльдары мертвы, магов-телеporterистов в Тарсиадре нет ни одного.

– Что же делать?!

– Боюсь, ничего. Поздно.

– Поздно?! – разъяренно выкрикнул юноша. – И это говорите вы?!

Он в отчаянии потянулся к Тьме, и первозданная сила сразу отклинулась. Никогда еще она не откликалась так быстро, а сейчас – будто ждала зова. И неожиданно для себя Лек понял что делать. Глаза горца превратились в провалы Тьмы, и в Зале Приемов грянул ледяной, совсем непохожий на его обычный, голос:

– Санти, Тини, Храт, Энет! Призовите силу, обнажите картаги и идите сюда. Всем остальным расступиться, дайте нам место!

– Что это значит? – изумился Ланиг.

– Не трогайте его! – зло прошипел Хранящий Свет. – Неужели вы не понимаете? Инициация началась! Инициация Пятерых! Это наш единственный шанс выжить.

– Инициация, значит… – прохрипел старик. – Пусть будет. Пусть что угодно будет, лишь бы остановить кошмар!

Лек, пошатываясь, вышел в центр зала и развел руки с мечами в стороны. Их лезвия пылали черным огнем, казалось, они одним

своим существованием сотрясают само основание мира. Санти, чьи глаза светились белым светом, подошел ближе и положил лезвие своего картага на лезвие меча Лека. С другой стороны скомороха встал Храт, горящий алым пламенем. На его второй меч рухнул синий картаг Энета, и Мудрость встретилась с Яростью. Затем Жизнь легла на Мудрость, а на нее пала Тьма. Круг замкнулся. Башня мягко содрогнулась до самого основания, над Тарсидаром завертелась воронка из туч, в верхушку башни одна за другой начали бить молнии.

Внезапно в зале появились девушки, ученицы Пятерых. Внешний круг. Семеро. Похоже, их выдернуло без всякого предупреждения: Тайка была обнаженной и мокрой – видимо, купалась. Раха держала в руке расческу. Жрица от неожиданности выронила и разбила хрустальный шар, который держала в руках. Беспалая ничем не выдала своего удивления. Элиа обалдело крутила головой, держа в руках молитвенник – ее, похоже, вытащило прямо с молитвы. Шестая, которой только недавно успели объяснить, что она свободна, во что девушка так и не поверила, испуганно пискнула, обнаружив вокруг столько роскошно одетых господ. Последней подошла эльфийская принцесса, сама не понимая, что заставило ее это сделать.

– Станьте вокруг нас в пяти локтях от круга и на равном расстоянии друг от друга.

Голос Пятерых переливался, перекатывался от одного к другому, меняя тембр и тональность, он казался нечеловеческим. Нет, так, наверное, мог звучать голос божества. Или ангела. Или высшего дorchота. Он гремел под сводами зала, заставляя любого ежиться в понимании, что он столкнулся с чем-то невероятным, раньше в принципе непредставимым.

Девушки почему-то не испугались – наоборот, каждая вдруг поняла, что должна сделать и как. Они окружили Пятерых и вытянули руки в стороны. Их глаза зажглись разноцветным огнем, только у двух пар этот огонь был одинаковым. У Жрицы и Беспалой – белым, а у Неизвестной и Леди – черным. Между руками девушек забились молнии, их с каждым мгновением становилось все больше и больше, волосы у наблюдающих это встали дыбом. Большинство поспешило покинуть место, где творилась столь запредельная магия. Остались только Ланиг, Кертал и Фартаэль, отошедшие в самый

дальний угол.

Жуткими, вызывающими дрожь, нечеловеческими голосами Пятеро выводили речитатив заклинаний, не знакомых ни одному магу мира. Фартаэль знал это наверняка. Их звучание морозом бежало по коже эльфа – казалось, вернулись давным-давно прошедшие времена войны с драконами, за которую перворожденные не раз успели себя проклясть. Что-то общее было в заклятиях Пятерых с вызывавшей дрожь магией огненных ящеров.

Когда Пятеро замолкали, эстафету подхватывали Семеро. Звонкие девичьи голоса, произносящие слова неизвестного языка, заставляли императорскую башню содрогаться, казалось еще немного – и она рассыплется. Однако башня все-таки выстояла, ее строили для очень сильных магов... Предусмотрели и возможность проведения ритуалов обуздания Силы.

Огненные вихри постепенно сливались в белый столб, уходящий ввысь, в бесконечность. Потолок, судя по всему, превратился в огромный портал. По губам Фартаэля скользнула почти незаметная усмешка, эльфийский маг понимал, что происходит. Все же в таких объединениях сил Свет обычно ведет, даже Тьма, всегда старающаяся взять верх, уступает ему. Странно, но факт. Впрочем, такое случалось крайне редко, не чаще раза-двух в десять тысяч лет.

Внезапно буйство стихий стихло. Пятеро, не размыкая мечей, поднялись в воздух и неподвижно зависли на высоте десяти локтей над полом. Семеро направили на них руки и одновременно произнесли одно слово: «Рлан-тарх!». С пальцев каждой девушки сорвались ветвистые, белые молнии и ударили в Пятерых, заключая их в огненный кокон. Содрогнулась сама основа мира, и что-то изменилось вокруг. Необратимо изменилось, навсегда. Когда пламя опало, глазам немногих свидетелей происшедшего предстали не три человека, орк и эльф, а переливающийся всеми цветами радуги крылатый ящер. Невероятно красивый, хотелось смотреть и смотреть на него, хотелось упиться его красотой. Из глаз странного существа смотрела мудрость сотен тысяч лет.

– Радужный Дракон... – восхищенно прошептал Фартаэль. Еще одна древняя легенда на его глазах стала реальностью. Так вот, значит, кем должны были стать Пятеро?!

– Что это? – потрясению Ланига не было предела, руки старого

мастера тряслись.

– Радужный Дракон, – повторил эльф. – Он появляется тогда, когда помочь больше некому, когда в мир вторгается что-то извне. Но я считал его просто красивой сказкой. Особенно после ухода драконов. Тогда Хранящий Свет допустил страшную ошибку, напав на них. Они хранили наш мир...

– Но какое отношение к драконам имеют ребята?! – Ланиг сжал кулаки.

– Не знаю... – вздохнул Фартаэль. – О том, что Пятеро связаны с Радужным Драконом, в пророчестве ничего не сказано. Что дальше? Только Свет знает.

– Они хоть вернутся в прежнее состояние? – хмуро спросил Ланиг. – Или так и останутся дорхот знает чем?

– Понятия не имею! – Хранящий Свет пожал плечами. – Надеюсь, что вернутся. Среди них мой сын.

Девушек, продолжающих держать круг, окружила стена белого пламени. Они казались духами огня, плывущими в своей стихии. Дракон медленно поднимался все выше, распахнув крылья размахом в двадцать локтей. Он как будто ждал чего-то. По чешуе ящера перекатывались разноцветные волны сияния, гремела музыка сфер, внезапно ставшая доступной созданиям тварного мира. Наконец Радужный Дракон подобрался и одним рывком исчез в светящемся тумане, бывшем еще каких-то четверть часа назад потолком Зала Приемов императорской башни Тарсидара.

Умирающий человек с тоской смотрел сквозь пелену защитного кокона в небо, похожее на грязную лужу. Багровый туман подбирался все ближе и ближе, скоро уже он прорвется сквозь защиту, скоро сожрет душу. Никому такого посмертия не пожелаешь, а уж себе – тем более. Только его никто не спрашивал. Не справился! Не остановил! Проворонил! Значит, по заслугам, Маран, по заслугам. Все в этом мире по заслугам. Император выплюнул сгусток крови. Скорее бы уже все закончилось, боль становилась непереносимой. Перед глазами стояло лицо жены. Такой, какой он видел ее утром, с тоской и болью во взгляде. Да, она чувствовала, что им больше не свидеться.

– Прости, Рина... – шептали потрескавшиеся губы. – Прости... Не сумел защитить... Проиграл...

В небе над умирающим императором внезапно появилось белое сияние, казалось, что-то невидимое прорывается сквозь серую пелену. Становилось все светлее и светлее, багровый туман раздраженно дергался из стороны в сторону, словно свет раздражал его. Прошло еще несколько мгновений, и над Черным Порталом повис пылающий всеми цветами радуги крылатый ящер. Сказочный дракон?! Маран от изумления забыл о боли, во все глаза глядя на чудо.

– Уходи! – содрогнулось само пространство. – Тебе здесь места нет, Пожиратель. Это не твой мир!

Неизвестно как, но император понял слова дракона и облегченно выдохнул. Нашелся все-таки защитник. Слава Единому, нашелся! Он жадно всматривался в постоянно меняющего цвет крылатого ящера и молился про себя, надеясь, что не ошибся.

Туман свивался в какие-то клочья, обрывки фигур, выплескивал черно-багровые щупальца, пытаясь поразить ими врага. Дракон не уворачивался, презрительно игнорируя все выпады, он распахнул крылья и запел. Впрочем, пением назвать это действие было трудно. Он то ли гудел, то ли ревел, то ли вибрировал. Непонятно, но звук получался страшным, пронимающим до костей. Да и звук ли?

Маран не знал. Не до того ему стало, хлынула горлом кровь. Некоторое время он ничего не видел, корчась от боли и пытаясь вдохнуть хоть немного воздуха, а когда несколько пришел в себя и смог опять обратить внимание на окружающее, то увидел голубое небо и горячее солнце пустыни. Только с неба били столбы белого пламени, ясно видимые даже при свете дня, и сворачивали остатки тумана в плотный шар. Тот глухо выл на каком-то глубинном, нутряном уровне. У Марана волосы встали дыбом от этого воя.

Арки Черного Портала снова засияли мертвенным, темным светом, при виде которого хотелось забиться куда-нибудь поглубже в нору и не высываться. Багровый туман тонкими струйками втягивался в это сияние, шар постепенно становился все меньше и меньше. Маран не знал, сколько времени длилось все это, пребывая в полуобморочном состоянии, не понимая, что происходит. Нежданый защитник явноправлялся со своей задачей, он

продолжал петь. Наконец раздался последний утробный стон, и остатки тумана исчезли.

– Какая же тварь это скотство создала? – спросил сам себя дракон, дотронувшись до одной из черных арок и тут же брезгливо отдернувшись. Император мог ответить на этот вопрос, но не думал, что его услышат.

Крылатый ящер поднялся немного выше и вытянул вперед лапы. Полились странно звучащие слова незнакомого Марану заклятия. Однако император четко ощущал, что это именно заклятие. Сами первозданные силы дергались от слов дракона, а израненного человека скрутила судорога. Зато с арками Черного Портала творилось вообще нечто непредставимое. Они трескались, горели алым бездымным пламенем, корчились и кричали, как кричит от боли живое существо. В них один за другим появлялись провалы, то один, то другой излом стлаживался. Императору казалось, что они тают на глазах, как тает весенний снег под солнцем.

Дракон произносил заклятие, но видно было, что оно нелегко емуается. Чешуя ящера посерела, зубы почернели и начали крошиться, глаза налились кровью. С каждой прошедшей минутой арки продолжали таять, они уже не кричали, только тихо выли, превращаясь в ничто. Прошло еще какое-то время, и последние остатки Черного Портала исчезли. Дракон обессиленно рухнул на песок.

В этот момент у Марана закончились остатки сил, и защитный кокон вокруг него с легким треском лопнул. Дракон вскинул голову и недоуменно уставился на залитого кровью человека, распростертого на песке. Несколько мгновений он молча смотрел на императора, затем изумленно ахнул и вскочил на ноги. С неба в тело крылатого ящера ударили сотни разноцветных молний, вокруг него завертелась яростная круговерть пламени, полностью скрыв очертания тела. А когда пламя опало, дракон исчез. Вместо него на песке стояли соединившие мечи воедино три человека, эльф и орк. Поняв, кто перед ним, умирающий придушенно ахнул. Пятеро? Так это они изгнали из мира тварь Хаоса?! Единый Создатель и все святые!

– Твое величество! – рванулся к нему Лек, на ходу пряча картаги в ножны. – Ты жив?!

– Пока да... – прохрипел Маран. – Так драконом были вы?!

– Мы, – вздохнул горец, опускаясь на колени. – Я понял, что делать, и... И мы превратились в дракона. Инициация. Я все помню, только...

– Что?

– Власти над телом не было. Вообще. И мы стали одним целым.

– Я теперь помню все, что остальные помнят, – пробурчал Храт, тоже опускаясь на колени возле Марана. – Как будто оно со мной было.

– У всех так, – задумчиво добавил Энет. – Мы до сих пор слышим мысли и чувства друг друга. Я вообще не понимаю сейчас, где мои мысли, а где ребят. Все перепуталось...

Туманная маска императора внезапно исчезла, у него не осталось сил даже для этого слабого заклинания. Побратимы ошарашенно уставились на лицо его величества. Перед ними лежал слабо улыбающийся, тяжело дышащий человек лет пятидесяти с чем-то, только волосы у него были совсем седые. Поэтому, наверное, они не сразу узнали горшечника Марана из Шадна, которого когда-то встретили неподалеку от Тарсидара.

– Твое величество, так это был ты? – удивленно спросил Лек.

– Я... – просипел император, ощущая, как жизнь продолжает по капле вытекать из него.

Если бы кто-нибудь из эльдаров остался жив, он спас бы своего сюзерена. Или доставил в Замок Призраков, чьи артефакты и не такое излечить способны. Но никто из рыцарей престола не откликнулся на Зов. Видимо, откликаться просто некому. Что ж, жизнь закончена, никуда не денешься. Обычный человек на его месте давно был бы мертв. Не зря Маран предчувствовал скорую смерть. И Рина ощутила. Скоро она узнает, кем был ее бродяга-муж...

Но что станет с империей? Да, угроза всему мирунейтрализована. Это так. Но империя, за которую Маран нес ответственность перед Создателем и своей совестью? Что с ней? Страна ведь на грани распада и гибели. Восстание, война, заговор Церкви. Все вместе. Все разом. Что делать с этим? Выход один. Передача власти, пока он еще жив. А кому передавать-то? Рядом только эти пять мальчишек, кроме них никого нет. Пусть они избранные, пусть спасители мира, но опыта ни у одного нет и на

понюшку трубочного зелья. Однако больше передавать корону некому. Значит, придется взваливать эту дорхотову ношу на кого-то из них.

– Я умираю, – очень тихо сказал император.

– Твое величество! – возмущенно дернулся Лек. – Но...

– Никаких «но», – оборвал его Маран. – Я все-таки маг. Знаю. Мне осталось жить около получаса, вряд ли больше. Я должен успеть.

– Что успеть? – глухо спросил Санти, потрясенный до глубины души тем, что человека, перед которым он преклонялся, вскоре не станет.

– Каждый уходит в свое время... – Император слабо улыбнулся. – Мое пришло. Теперь вам спасать страну, ребятишки. Вам. Больше некому... Простите меня, что валю это на вас, но некому...

– Мы все сделаем, твое величество... – Лек закусил губу, едва сдерживая слезы. – Все, что сможем.

– Больше, чем сможете... – прошелестел Маран и закашлялся. – Куда больше...

Он некоторое время лежал молча, набираясь сил перед главным. Нужно еще выбрать, кому передать корону. На память пришел дракон. И свет, лившийся из него. Это что-то значит? Наверняка. Но что? Найдя взглядом искаженное лицо Лека, умирающий задумался. Стоит ли передавать власть Тьме? Не станет ли это самой страшной его ошибкой? Не погубит ли он этим последнюю возможность для возрождения? Вполне возможно. Кто тогда? Мудрость? Энет ар Инват хороший и добрый мальчишка. Только вот слишком добрый для императора. Слишком мягкий. Не справится, не вытянет. Кто остается? Эльф с орком отпадают сразу в силу того, что не люди.

Значит, кандидатура одна. Носитель Света. Скоморох. Снова вспомнив Свет дракона, Маран принял решение. Именно Свет вел за собой остальных. Да и изменился Санти за прошедшее время, совсем другой человек теперь. Иногда жестковат, но это пройдет. Или не пройдет. Но лучше правителю быть жестким, чем ни к чему не пригодной тряпкой. Он сам совершил столько ошибок... Слишком много. Как можно было не предусмотреть, что эльдаров могут

поймать на их главный нравственный императив – стремление помочь детям? Не предусмотрел. Ошибся. В который раз. Сил становилось все меньше, и император понял, что дальше терять время нельзя.

– Пусть возле меня останется только носитель Света, – глухо сказал он. – Остальных прошу отойти как можно дальше и подождать там. Прощайте, мальчики, и спасибо вам за все. Помогите потом Санти, прошу вас...

С умирающим не спорят. Побратимы медленно встали с колен, посмотрели друг на друга, а затем четверо отошли саженей на триста. Они не знали, почему их попросили об этом, все пытаясь понять, что за помощь потребуется их кровному брату. Рядом с Мараном остался только рыжий скоморох. Он снова стал на колени и молча посмотрел на императора. Почему-то казалось, что его ждет что-то невыносимо страшное.

– Мальчик, прошу тебя принять тяжелую ношу... – с трудом выговорил император, с уголков губ у него стекала кровь. – Адскую ношу. Умоляю принять ее...

– Я принимаю, твое величество, – глухо ответил скоморох, у него непонятно почему тряслись руки. – Какой бы она ни была, эта ноша. Принимаю.

– Учти, у тебя не будет возможности отказаться от нее до самой смерти...

– Значит, не будет. Неважно. Долг есть долг, ты сам меня этому учили, твое величество.

– Рад, что ты помнишь мои уроки, мальчик, – слабо улыбнулся Маран. – Ты прав, нет ничего выше долга. Особенно, если это долг перед Создателем. И перед самим собой. Поклянись, что ты не станешь творить зла невинным. Поклянись, что не станешь ради выгоды унижать, топтать и убивать других.

– Клянусь! – решительно заявил Санти, все еще не понимая, чего хочет от него император.

Ему и в голову не могло прийти то, что задумал его величество. Да и кому бы на его месте пришло? Властолюбцев Маран при себе не держал.

– Что ж, мальчик... – почти неслышно прошелестел

умирающий. – Рассеки себе ладонь. Левую. Потом сделай то же самое с моей и соедини раны. Наша кровь должна перемешаться. Будь готов к боли, очень сильной боли.

Боли? От небольшой раны? Да разве это боль? Так, мелочи. Санти пожал плечами, но послушно достал кинжал и разрезал себе левую ладонь. Затем, не обращая внимания на потекшую кровь, поднял безвольную руку императора и повторил то же самое с ней. Немного помедлил – ему вдруг стало очень не по себе – и приложил свою окровавленную руку к руке Марана. Показалось, что на мгновение померк свет солнца.

– Прости меня еще раз, мальчик… – прошелестел умирающий. – Но у меня нет другого выхода. Я, Маран из Шадна, законный император Элиана, возлагаю на тебя, Сантиар Эрхи, самое страшное бремя нашего мира. Я возлагаю на тебя бремя императора!

Затем облегченно улыбнулся и умер.

ЭПИЛОГ

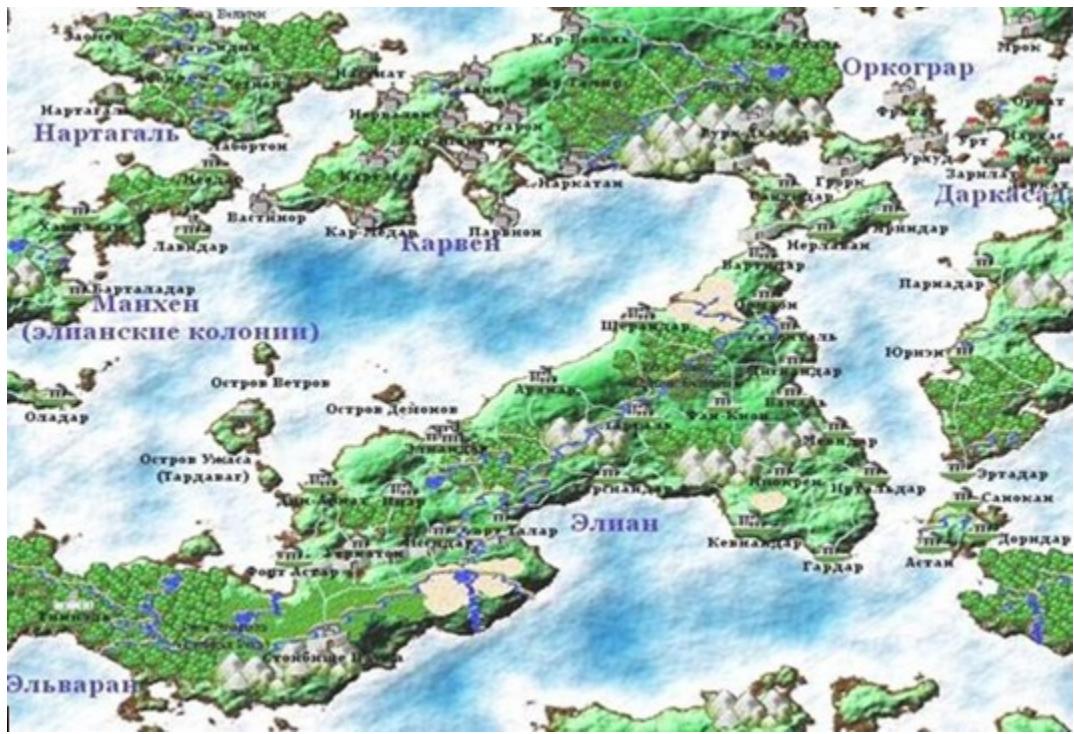
Люди Элиана занимались своими делами. Армия отражала атаки кочевников, поддержанных карвенскими паладинскими корпусами. Стражники пытались навести в городах страны хоть какую-то видимость порядка и дрались с заговорщиками. Те изо всех сил пытались выбить стражников из районов, где они закрепились. Или наоборот, бежали и прятались по норам, если проигрывали. Обыватели сидели по домам, не решаясь высунуть носа на улицу. Они проклинали безумцев, устроивших беспорядки, из-за которых в стране, где больше тысячетия царил мир, стало опасно жить.

Внезапно что-то изменилось вокруг. Небо на мгновение потемнело, а затем императорские башни в каждом городе страны зажглись яростным белым светом, ясно видимым даже при свете дня. А уж там, где царила ночь, это вообще вызвало шок. Непонятно откуда зазвучала медленная торжественно-печальная музыка. Люди замирали, поворачиваясь к башням, затихали уличные бои. Каждый понимал, что произошло что-то очень важное, основополагающее.

– Плачьте, люди! – грянул с башен громовой, нечеловеческий голос. – Император Маран Пятый умер! Да здравствует император Сантиар Первый! Да будет его правление долгим и радостным!

Вскоре шары на верхушках башен погасли, и воцарилась тишина. Люди переглядывались, переговаривались, пытаясь понять, что может сулить им смена правителя. Никто, в общем, не ждал ничего необычного, подобное проходило примерно раз в двадцать лет, иногда чаще. Особых изменений граждане империи не видели. Что-то конечно, менялось, но не слишком многое. Теперь, правда, была несколько иная ситуация – восстание, война. Большинство элианцев искренне надеялись, что новый император наведет порядок, привыкли они к безбедной и спокойной жизни.

Никто не знал, что в этот раз все будет по-другому. Что в этот раз сменился не просто император. Сменилась эпоха. Ждать элианцам осталось совсем недолго, но они пока о том даже не подозревали. Да, никто еще не знал, что этим вечером на престол взошел величайший из императоров Элиана.

В книге использованы стихи автора, за исключением указанных особо.

Иерусалим, январь-октябрь 2005

notes

Примечания

1

Младший клык – сержант в егерских подразделениях орков.

2

Череп – полковник, командир полка в егерских подразделениях орков.

3

Коготь – рядовой в егерских подразделениях орков.

4

Стихи Константина Кинчева

5

Эмпатия (от греч. *empatheia* – сопереживание) – способность человека к параллельному переживанию тех эмоций, которые возникают у другого человека в процессе общения с ним. Эмпатию трудно воспитать, но также трудно и разрушить. Она сближает людей в общении, доводя его до уровня доверительного, интимного.

6

Арват – магический артефакт, очень ценимый. Их изредка находили в сохранившихся зданиях древнего неизвестного народа, чьим наследием и был город Рурк-Дхалад, найденный орками в горах. Арваты бывают трех типов – исцеления, перемещения и огневого боя. Использование возможно только при помощи сильного и опытного мага, иначе последствия непредсказуемы. При активизации и внедрении в человеческое тело арвата исцеления любые, даже смертельные раны заживают очень быстро.

7

Инары – высший класс нартагальских аристократов, равны по положению имперским герцогам.

8

Касорг – нечто среднее между имперскими бароном и графом.

9

Деор – губернатор.

10

Инє, ино – уважительное именование инаров и их жен.